

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

КОНТРОЛЬНЫЙ ЗНАК

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1

1981

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

1

1981

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Поляков Ю. А.</i> Создание развитого социалистического общества — торжество марксистско-ленинского учения	3
<i>Новик Ф. И.</i> Проблемы борьбы СССР за мир и безопасность народов в советской историографии 70-х годов	9
<i>Васильева Л. Д.</i> Участие Украинской ССР в советско-польском сотрудничестве в области общественных наук	17
<i>Усенко П. Г.</i> К вопросу о сотрудничестве З. Сераковского в «Современнике»	24
<i>Поповская-Таборская Г.</i> (ИНР). Ономастическая проблематика в этногенетических исследованиях	34
<i>Глобачев М. О.</i> Вопросы литературы на страницах журнала «Новые виднокренги» (1941—1946)	43
<i>Шаулич А.</i> (СФРЮ). Некоторые сведения о Дробняке, его гуслирах и собирателях народных песен	55
<i>Кувев К.</i> (НРБ). Судьба Слепченского апостола	61
<i>Аксенова Е. А.</i> Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ)	66

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Дьяков В. А.</i> О некоторых аспектах развития славистики в 1918—1939 годах	78
--	----

МОСКВА

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Яковенко Н. Н.</i> Новые данные к биографии С. С. Ягодньинского	93
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Удальцов И. И.</i> Совместная работа историков СССР и ЧССР о советско-чехословацких отношениях	97
<i>Носкова А. Ф.</i> Cz. Łuczak. Polityka ludnościowa i ekonomiczna Niemiec hitlerowskich w okupowanej Polsce	100
<i>Дьяков В. А., Митина Н. П.</i> Л. А. Обушенкова. Королевство Польское в 1815—1830 гг. Экономическое и социальное развитие	103
<i>Достян И. С.</i> Елена Грозданова. Българската селска община през XV—XVIII век	106
<i>Фрейденберг М. М.</i> Бистра Цветкова. Паметна битка на народите (Европейският югоизток и османското завоевание — края на XIV и първата половина на XV в.)	108

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. К.</i> Собрание Международной комиссии по славяноведению	114
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), **Л. Б. ВАЛЕВ**, **В. А. ДЬЯКОВ**,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), **В. И. ЗЛЫДНЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**,
В. Д. КОРОЛЮК, **Д. Ф. МАРКОВ**, **А. И. НЕДОРЕЗОВ**, **С. В. НИКОЛЬСКИЙ**,
Ю. А. ПИСАРЕВ, **Л. Н. СМИРНОВ**, **Н. И. ТОЛДСТОЙ** (зам. главного редактора),
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарева*

Ю. А. ПОЛЯКОВ

СОЗДАНИЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА — ТОРЖЕСТВО МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ

Значение марксизма-ленинизма — единого, целостного, непрерывно развивающегося революционного учения — состоит в том, что оно глубоко и точно выражало, выражает и будет выражать интересы рабочего класса, всех трудящихся, потребности всемирного социального прогресса. Марксизм-ленинизм позволяет вырабатывать правильные ответы на самые острые и кардинальные вопросы современности, учит творческому решению назревших проблем, вооружает научным пониманием перспектив общественного развития, является неиссякаемым источником революционной мысли и революционного действия для современного международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения.

Развивая и обогащая учение К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин разработал важнейшие теоретические проблемы, связанные с борьбой за социальное освобождение трудящихся и строительством нового общества. Это — ленинское учение об империализме, о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о партии, как ведущей силе революционного преобразования, о классовых союзниках пролетариата в борьбе за демократию и социализм, об единстве социального и национального освобождения, о принципах мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

В сокровищнице марксистско-ленинских идей ведущее место занимают проблемы стратегии и тактики созидания нового общества. Не только разрушить старый мир, а создать на его развалинах новое общество, свободное от гнета и насилия — так ставили задачу К. Маркс и Ф. Энгельс. Так ставил задачу и В. И. Ленин, теоретическому и практическому решению которой он посвятил всю свою жизнь. «Венцом теоретического творчества Ленина, — говорится в постановлении ЦК КПСС, — явилась созданная им наука о путях строительства социализма и коммунизма»¹.

Социализм не возникает автоматически и немедленно после победы социалистической революции, свержения политического господства буржуазии, взятия государственной власти пролетариатом. Требуется время для проведения кардинальных революционных преобразований, необходима огромная созидательная работа, прежде чем на развалинах старого общества возникает новое, социалистическое.

¹ «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Постановление ЦК КПСС от 13 декабря 1979 г. М., 1979, с. 4.

Революция разрушает старое общество и одновременно с его разрушением начинается созидание нового общества. Разрушение и созидание не последовательно сменяющие друг друга процессы, а параллельные, переплетающиеся.

Уже К. Маркс и Ф. Энгельс показали сложность и относительную длительность перехода от капитализма к коммунизму. В «Коммунистическом манифесте» они, выдвигая задачу завоевания пролетариатом политической власти, наметили пути последующего преобразования капиталистического строя в социалистический. На основании опыта Парижской Коммуны К. Маркс в «Критике Готской программы» дал свою знаменитую формулировку: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе»². Он отметил, что первая фаза коммунизма (социализм) «выходит после долгих мук родов из капиталистического общества»³.

В. И. Ленин в новых исторических условиях определил стратегию и тактику борьбы за социализм и коммунизм. Накануне Октября он наметил широкую программу первоочередных политических и экономических мероприятий, которые должен был осуществить российский пролетариат после взятия власти.

Поразительны сила и глубина научного предвидения классиков марксизма-ленинизма. До победы революции были определены — обоснованно и точно — основные направления преобразующей деятельности пролетариата и его партии *после* победы революции. Рабочий класс, идя на штурм старого мира, имел в своих руках надежный компас.

Но, разумеется, было бы противоречащим самому духу марксизма заранее отсчитывать все ступени, предугадывать все возможные повороты исторического восхождения к социализму, иметь рецепты, применимые ко всем ситуациям. В. И. Ленин много раз — и до и после революции — отмечал, что теория определила лишь самые общие задачи социалистического строительства. «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело»⁴.

Опыт миллионов, совершивших социалистическую революцию, позволил впервые в истории определить реально, практически, конкретно дорогу к социализму. Революционная практика, подтвердив правильность теоретических положений марксизма-ленинизма, стала основой дальнейшего развития теории научного коммунизма.

Обобщение опыта революции, первых шагов к социализму позволило В. И. Ленину сделать новые выводы, наметить конкретно-исторический путь социалистического строительства. Ленинский план построения социализма, получивший завершение в работах конца 1922 — начала 1923 г., определял задачи рабочего класса, Коммунистической партии на переходный период.

Во второй половине 30-х годов было построено социалистическое общество в СССР, период перехода от капитализма к социализму завершился. В процессе развернутого социалистического строительства научные представления о переходном периоде неизмеримо обогатились, наполнились конкретным содержанием, основанным на историческом опыте, исходящем из практической жизни.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, с. 27.

³ Там же, с. 19.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 116.

Учение о победе социализма на примере одной страны — СССР — воплотилось в реальность, а опыт СССР лег в основу дальнейшего развития марксистско-ленинской теории. Правильность научно обоснованных предвидений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина была подтверждена жизнью, а жизнь, практика, опыт в свою очередь обеспечили дальнейшее всестороннее развитие теоретических положений научного коммунизма.

После второй мировой войны Советский Союз перестал быть единственной социалистической страной. В ряде стран Европы и Азии власть взяли в свои руки трудящиеся во главе с рабочим классом, руководимым коммунистическими и рабочими партиями. Эти страны встали на путь социалистического строительства.

Таким образом марксистско-ленинская теория о строительстве социализма получила практическое подтверждение на примере не только одной страны, но многих стран, притом весьма различных по своим социально-экономическим, географическим, историческим, национальным и прочим условиям. Вместе с тем она получила и дальнейшее творческое развитие.

Теперь, на основе опыта целой группы стран убедительно доказано, что *главные* закономерности социалистического строительства являются *общими*, т. е. присущими всем странам, осуществившим и осуществляющим переход от капитализма к социализму.

В результате совместной, коллективной теоретической деятельности КПСС и братских партий социалистических государств эти главные, общие закономерности переходного периода определены и сформулированы.

Получила подтверждение и развитие ленинская мысль о диалектическом сочетании общего и национально-особенного в строительстве социализма и коммунизма. Подчеркивая незыблемость основных принципов коммунистического строительства, единство интернациональных задач рабочего класса, В. И. Ленин указывал на необходимость учета особенностей развития каждой страны. «Переход от капитализма к коммунизму, — писал он, — конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»⁵.

В. И. Ленин требовал такого «применения *основных* принципов коммунизма», которое бы «*правильно видоизменяло* эти принципы в частности», требовал «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи...»⁶.

При наличии всеобщих закономерностей и черт, присущих социалистической революции и переходу от капитализма к социализму, борьба за построение социализма в каждой стране имеет свои неповторимые, уникальные особенности.

Вопрос о сочетании общего и национально-особенного в осуществлении задач переходного периода от капитализма к социализму — один из самых сложных и трудных для понимания и практической реализации. Не случайно поэтому, что всякого рода ревизионисты всемерно преувеличивают национальные особенности, абсолютизируют их, что приводит на деле к отрицанию общих закономерностей, тем самым — к подрыву интернационалистской линии и в конечном счете — к отказу от социализма.

С другой стороны, забвение национальных особенностей, пренебрежение к изменениям исторической обстановки, слепая приверженность общей схеме приводят к догматизму и ничего кроме вреда не приносят.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 35.

⁶ Там же, т. 41, с. 77.

Л. И. Брежнев, подчеркивая необходимость диалектического, творческого сочетания общего и национально-особенного, указывал: «Успехи в деле строительства социализма во многом зависят от правильного сочетания общего и национально-особенного в общественном развитии. Теперь мы знаем не только теоретически, но убедились и практически, что путь к социализму, его главные черты определяются общими закономерностями, которые присущи развитию всех социалистических стран. Знаем мы также и то, что действие общих закономерностей проявляется в различных формах, отвечающих конкретным историческим условиям, национальным особенностям. Не базируясь на общих закономерностях, не учитывая конкретно-исторической специфики каждой страны, невозможно строить социализм»⁷.

Путь от капитализма к коммунизму состоит из ряда этапов. Вслед за победой *социалистической революции* разворачивается борьба за построение социалистического общества. Возведя экономический фундамент социализма и осуществив в основном построение социалистического общества, трудящиеся массы добиваются упрочения, дальнейшего всестороннего развития социализма, его полной и окончательной победы. Социализм, построенный в основном, становится социализмом *развитым, зрелым*. Дальнейшее совершенствование и развитие зрелого социализма сливается с процессом *коммунистического строительства*, ведет к постепенному перерастанию общества социалистического в общество коммунистическое.

Величие В. И. Ленина заключается в том, что он много лет назад предвидел множественность этапов исторического восхождения к коммунизму. Еще до Октября В. И. Ленин отмечал, что переход «к полному коммунизму» совершается на базе «окончательно победившего и упрочившегося социализма»⁸. В докладе о субботниках 20 декабря 1919 г. он говорил: «...социализм есть то общество, которое вырастает из капитализма непосредственно, есть первый вид нового общества. Коммунизм же есть более высокий вид общества и может развиваться лишь тогда, когда вполне упрочится социализм»⁹.

В. И. Ленин впервые применил и термин «развитое социалистическое общество». В первоначальном варианте работы «Очередные задачи Советской власти», указывая на возможность получить содействие буржуазных специалистов при помощи высокой оплаты их труда, В. И. Ленин отмечал: «Конечно, говоря с точки зрения уже развитого социалистического общества, представляется совершенно несправедливым и неправильным, чтобы представители буржуазной интеллигенции получали оплату труда неизмеримо более высокую, чем оплата труда лучших слоев рабочего класса. Но в условиях практической действительности... мы непременно должны решить неотложную задачу путем этой (несправедливой) оплаты труда буржуазных специалистов по гораздо более высоким нормам»¹⁰. В феврале 1920 г. В. И. Ленин, касаясь своеобразия общественного развития, говорил: «Как себе представить развитое социалистическое общество — это тоже не трудно»¹¹. В. И. Ленин употребил термин — «развитое социалистическое общество» и в заключительном слове по отчету ЦК на IX съезде РКП(б)¹². У В. И. Ленина мы встречаем и другие термины для обозначения зрелого социализма: «полный социализм», «полное социалистическое об-

⁷ «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет». М., 1971, т. 1, с. 29.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 253.

⁹ Там же, т. 40, с. 33.

¹⁰ Там же, т. 36, с. 139.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 104.

¹² Там же, с. 260.

щество», «окончательно победивший и упрочившийся социализм», «полное осуществление социализма» и др.¹³

В соответствии с предвидением В. И. Ленина Советский Союз сейчас находится на стадии окончательно победившего и упрочившегося социализма, на стадии развитого или зрелого социалистического общества.

Вопрос о том, когда в СССР начался этот этап, вызывал и вызывает споры среди советских историков и философов. Часть из них относила начало этого этапа к 1959 г., т. е. ко времени XXI съезда КПСС, другие — к середине и даже ко второй половине 60-х годов. Теперь преобладает правильная, по-моему, точка зрения: утверждение развитого социалистического общества представляет собой не одновременный акт, а определенный процесс, который занял в СССР часть 60-х годов.

Это убеждение основывается на том, что «при определении критериев зрелости социализма нельзя исходить лишь из отдельных его показателей, скажем, только производительных сил, производительности труда и т. п. Необходим комплексный подход, учет всех основных факторов, определяющих в своей совокупности степень развитости социализма... Обобщающим критерием развитого социализма является высокая степень использования во всех сферах общественной жизни объективных законов и преимуществ, присущих социализму, осуществления его социально-экономических целей»¹⁴.

Таким образом, можно сказать, что советское общество подошло к этапу развитого социализма в начале 60-х годов. В 1961 г. XXII съезд КПСС принял новую программу — программу построения коммунизма. Вместе с тем утверждение зрелого социализма тогда не было еще полностью завершено, а продолжалось в течение 60-х годов.

Определение развитого социалистического общества содержится в новой Конституции СССР. В ней говорится, что «на этом этапе, когда социализм развивается на своей собственной основе, все полнее раскрываются созидательные силы нового строя, преимущества социалистического образа жизни, трудящиеся все шире пользуются плодами великих революционных завоеваний»¹⁵.

Вслед за этим обобщающим определением в Конституции конкретизируются понятия и параметры развитого социализма. Отмечается, что это общество, в котором созданы могучие производительные силы, передовая наука и культура. Данные о развитии производительных сил хорошо известны. Достаточно сказать, что за последние 15 лет объем промышленного производства в стране увеличился в 2,6 раза, а в отраслях, которые в наибольшей мере определяют научно-технический прогресс — в машиностроении, электроэнергетике, химической и нефтехимической промышленности — почти в 4 раза¹⁶. За три пятилетки введено в действие около 5 тыс. крупных промышленных предприятий. Это — существенный вклад в создание материально-технической базы коммунизма. Успешно осуществляется поворот всей советской экономики в сторону интенсивного развития, повышения эффективности и качества, на конечные результаты хозяйственной деятельности.

Вместе с тем, как показал ноябрьский Пленум ЦК КПСС (1979), в развитии народного хозяйства есть существенные недостатки. «Еще не все отрасли, не все предприятия выполняют план,— говорил Л. И. Бреж-

¹³ Там же, т. 43, с. 130; т. 27, с. 253 и др.

¹⁴ П. Н. Федосеев. Актуальные проблемы общественных наук. «Коммунист», 1975, № 5, с. 30.

¹⁵ «Конституция СССР», М., 1978, с. 4.

¹⁶ «Правда», 1979, 7 ноября.

нев.— Есть еще трудности с некоторыми продовольственными и промышленными товарами, с жильем, с организацией бытовых услуг»¹⁷. Партия принимает решительные меры к их ликвидации.

В развитом социалистическом обществе, как констатирует Конституция, постоянно растет благосостояние народа. В 70-е годы реальные доходы на душу населения увеличились в полтора раза. Свыше 108 млн человек, т. е. 40% населения, улучшили свои жилищные условия¹⁸. Повышение благосостояния открывает все более благоприятные условия для всестороннего развития личности. Конституция подчеркивает далее, что развитый социализм — общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором происходит сближение всех классов и социальных слоев. Можно сказать, что *тенденция* стирания существенных различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней превратилась в *широкую закономерность* в развитии общества.

На основе юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ.

Конституция характеризует далее развитый социализм как общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом. О народном характере нашего государства ярко свидетельствует факт недавних выборов в Советы народных депутатов. В Советы избрано 2 млн 275 тыс. человек. Но Советы помимо депутатов объединяют огромный актив — он насчитывает более 30 млн человек. Осуществляются меры, направленные к дальнейшему повышению роли местных Советов.

Таковы некоторые положения и показатели, характеризующие развитое социалистическое общество. Они свидетельствуют о том, что это — общество высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся — патриотов и интернационалистов, общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех.

Построение развитого социализма в СССР явилось результатом движения по пути, указанному В. И. Лениным, под руководством КПСС. «Всемирно-историческим итогом деятельности КПСС и советского народа по воплощению в жизнь ленинских идей, — говорится в постановлении ЦК КПСС — явилось построение развитого социалистического общества, в котором все более полно раскрываются созидательные силы нового строя, его подлинно гуманная сущность»¹⁹.

Советский народ в обстановке высокой политической активности и трудового энтузиазма готовится к XXVI съезду КПСС, который определит новые рубежи в строительстве коммунизма в СССР.

¹⁷ «Правда», 1980, 23 февраля.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», с. 5.

Ф. И. НОВИК

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ СССР ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ НАРОДОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 70-х ГОДОВ

Минувшие 70-е годы, вошедшие в историю как десятилетие разрядки, характеризовались важными сдвигами в международных отношениях. Оздоровление международной обстановки в 70-х годах, как отмечалось в постановлении Пленума ЦК КПСС от 23 июня 1980 г. «О международном положении и внешней политике Советского Союза», было достигнуто в результате прежде всего многосторонней и активной деятельности Советского Союза, социалистического содружества. «В процессе разрядки упрочилось и стало наполняться конкретным экономическим и политическим содержанием мирное сосуществование между государствами с различным социальным строем, обозначился явный спад „холодной войны“, были созданы более благоприятные объективные предпосылки для разрешения спорных вопросов и международных конфликтов путем справедливого мирного урегулирования»¹.

Достижения советской миролюбивой внешней политики, успехи СССР в борьбе за мир и укрепление международной безопасности, трудности и препятствия на этом пути являются предметом постоянного пристального внимания советских историков-международников. В 70-х годах, особенно в конце десятилетия, появилось значительное число исследований, посвященных анализу тех новых явлений, которые выкристаллизовались в международных отношениях. Особое внимание уделялось при этом оценке конструктивного вклада советской внешней политики в положительные изменения в отношениях государств, принадлежащих к различным социальным системам, в создание более стабильного мира и укрепление безопасности на европейском континенте, советским усилиям по ослаблению, а в перспективе и полному устранению, угрозы возникновения новой мировой войны, по уменьшению гонки вооружений и разоружению.

Методологической и теоретической основой исследования советскими учеными этих проблем являются труды В. И. Ленина, посвященные разработке принципов и целей внешней политики Советского государства, в частности изданный недавно сборник². Большое значение имеют документы XXIV и XXV съездов КПСС³, пленумов ЦК КПСС, постановления Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, где содержится марксистско-ленинская оценка итогов внешнеполитической деятельности Советского государства, корректируются и определяются направления ее дальнейшего развития, выдвигаются новые, конкретные, диктуемые жизнью первоочередные задачи в области внешней политики.

¹ «Правда», 1980, 24 июня.

² В. И. Л е н и н. О советской внешней политике. М., 1979.

³ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971; «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976.

Большое внимание проблемам борьбы Советского Союза за мир и безопасность уделяется в трудах руководителей Коммунистической партии и Советского государства. В статьях и речах Л. И. Брежнева дается глубокий марксистско-ленинский анализ внешнеполитической деятельности КПСС, ее борьбы с антикоммунизмом и антисоветизмом, с буржуазной, реформистской и ревизионистской идеологией. Преемственность и последовательность советской борьбы за мир и безопасность, готовность к решению назревших международных проблем в сочетании с решимостью давать отпор проискам империализма и его идеологов, направленным против мира, взаимопонимания народов и развития равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества, борьба за внедрение принципов мирного сосуществования в отношения государств двух систем, за разрядку напряженности, стремление к созданию надежных устоев безопасности в Европе и за ее пределами, далеко идущая комплексная программа по прекращению гонки вооружений и переходу к разоружению — эти и другие вопросы обстоятельно, всесторонне и последовательно раскрываются в трудах Л. И. Брежнева ⁴.

В работах А. Н. Косыгина характеризуется совместная политика содружества социалистических стран, в частности в рамках СЭВ, по сохранению и укреплению мира, борьба Советского правительства за реализацию Программы мира, показывается творческий подход советского руководства к вопросам мирного сосуществования со странами иной социальной системы и к решению возникающих международных проблем. Четко прослеживается основная направленность советской внешней политики, исходящей из того, что будущее человечества — не в гонке вооружений, не в истребительных войнах, а в широком международном сотрудничестве во имя мира и прогресса ⁵.

Книга А. А. Громыко содержит глубокий анализ международных проблем и кардинальных вопросов советской внешней политики. В ней отражены принципиальная и последовательная борьба Советской страны со времени ленинского Декрета о мире за существование человечества без войн и оружия, настойчивые усилия по ликвидации очагов международной напряженности, обстоятельно излагается конкретная программа мер по разоружению, деятельность по утверждению принципов мирного сосуществования на международной арене, разоблачаются попытки империалистической реакции отказаться от разрядки и навязать миру новый виток гонки вооружений ⁶.

В работах М. А. Суслова и Б. Н. Пономарева большое внимание уделяется актуальным проблемам марксистско-ленинской теории, борьбе с реакционной идеологией, с правым и «левым» ревизионизмом, дальнейшему укреплению сплоченности и единства международного коммунистического движения, всех прогрессивных сил, выступающих за укрепление мира и предотвращение угрозы войны. Рассматриваются вопросы, связанные с выполнением решений XXIV и XXV съездов КПСС, при этом дается решительный отпор вымыслам буржуазных идеологов, утверждающих, будто разрядка международной напряженности выгодна только социалистическим странам, доказывается ее необходимость и полезность не толь-

⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1—7. М., 1970—1979; е го ж е. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. Изд. 3, доп. М., 1978; е го ж е. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС, в 2-х т. М., 1978.

⁵ А. Н. Косыгин. Избранные речи и статьи. М., 1974; е го ж е. К великой цели. Избранные речи и статьи. Т. 1—2. М., 1979.

⁶ А. А. Громыко. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978.

ко для нас, но и для всех государств и народов, для дела всеобщего мира и прогресса ⁷.

Недавно вышла в свет книга Д. Ф. Устинова. В центре внимания автора находятся вопросы внутренней и внешней политики Коммунистической партии и Советского государства, защиты социалистического отечества, постоянного укрепления обороноспособности СССР, боевой мощи советских вооруженных сил, неуклонного упрочения содружества социалистических государств, боевого союза их армий. В книге развенчивается миф о «советской военной угрозе» и доказывается миролюбивый характер советской военной политики, имеющей оборонительный характер. Обеспечение защиты отечества, мирного труда советского народа и завоеваний социализма, коллективной защиты социалистического содружества служит обузданию возможных агрессивных поползновений империализма развязать новую мировую войну ⁸.

В последнее десятилетие было издано значительное число сборников документов по основным направлениям советской внешней политики, представляющих собой солидную источниковедческую базу для историков. Многие сборники затрагивают широкий круг проблем, в том числе и вопросы борьбы КПСС и Советского правительства за мир и безопасность ⁹. Ежегодные документальные издания ¹⁰ содержат основные договоры и соглашения СССР с иностранными государствами, заявления Советского правительства и документы МИД. Публикуются предложения по упрочению мира, безопасности, разоружению, внесенные СССР в ООН, документы о правительственных переговорах с иностранными государствами.

Наряду с этим изданы и целевые сборники документов и материалов, посвященные конкретным проблемам. В них раскрываются роль Советского Союза в борьбе за разоружение, за нормализацию обстановки в Центральной Европе, его усилия по обеспечению европейской безопасности, совместное стремление коммунистических и рабочих партий упрочить мир, безопасность и развивать сотрудничество на европейском континенте, роль Организации Варшавского Договора в обеспечении мирного существования социалистических стран и укреплении мира между народами ¹¹.

На основе документальной базы подготовлен ряд обобщающих коллективных трудов по проблемам советской внешней политики, в которых анализируются и вопросы борьбы СССР за мир и безопасность в 70-е го

⁷ М. А. Су с л о в. Избранное. Речи и статьи. М., 1972; е г о ж е. На путях строительства коммунизма. Речи и статьи. Т. 1—2. М., 1977; Б. Н. П о н о м а р е в. Избранное. Речи и статьи. М., 1977.

⁸ Д. Ф. У с т и н о в. Избранные речи и статьи. М., 1979.

⁹ В. И. Ленин, КПСС о борьбе за мир. М., 1980; «Ум, честь и совесть нашей эпохи. Документы и материалы КПСС». М., 1976; «Во имя мира на земле. Советский Союз в борьбе за мир и сотрудничество народов». В 2-х кн. М., 1977; «Летопись внешней политики СССР. 1917—1978». М., 1978.

¹⁰ «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. 26—33. М., 1973—1979; «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1970—1978 годы». М., 1974—1979.

¹¹ «Советский Союз в борьбе за разоружение. Сборник документов». М., 1977; «Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину и его реализация. 1971—1977 гг. Документы». М., 1977; «Во имя мира, безопасности и сотрудничества. К итогам совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975 г.». М., 1975; «От Хельсинки до Белграда. Советский Союз и осуществление Заключительного акта общеевропейского совещания. Документы и материалы». М., 1977; «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 года». М., 1976; «Организация Варшавского Договора. 1955—1975. Документы и материалы». М., 1975.

ды. В третьем издании второго тома «Истории внешней политики СССР»¹² специальная глава посвящена усилиям Советского Союза по реализации Программы мира XXIV съезда КПСС. В нем освещены новые тенденции на международной арене и раскрываются основные направления деятельности Советского Союза по предотвращению новой мировой войны, укреплению безопасности народов, утверждению принципов мирного сосуществования в практике межгосударственных отношений стран двух систем.

Другой крупной обобщающей работой, продолжившей изложение рассматриваемых здесь проблем, явилась вторая книга пятого тома «Истории дипломатии»¹³, охватывающая важнейшие международные события и основные акции советской внешней политики в 60—70-е годы. В этом труде обстоятельно освещаются дипломатическая борьба за завершение мирного урегулирования в Европе, поворот от противоборства к переговорам и разрядке международной напряженности, проблемы, связанные с созывом и завершением работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, обеспечение мира и безопасности в Азии, борьба за обуздание гонки вооружений и разоружение, усилия Советского Союза по ликвидации очагов международных конфликтов, роль ООН в сохранении мира между народами через призму деятельности нашей страны в этой влиятельной организации.

Основные направления борьбы СССР за мир и безопасность в той или иной степени раскрываются во многих коллективных работах, посвященных общему анализу внешней политики СССР в период между XXIV и XXV съездами Коммунистической партии¹⁴, а также в ряде обобщающих трудов, сборников статей, вышедших к концу 70-х годов и затрагивающих также проблемы реализации внешнеполитической программы XXV съезда КПСС¹⁵.

Особо хотелось бы остановиться на коллективной монографии «60 лет борьбы СССР за мир и безопасность»¹⁶, поскольку это пока единственный основанный на новейших документах и материалах труд, наиболее полно обобщающий исторический опыт деятельности Советского государства. Четыре последние главы книги относятся к 70-м годам и посвящены актуальным проблемам координации действий социалистического сотрудничества в борьбе за мир и безопасность, современной советской политике мирного сосуществования и разрядки, борьбе за разоружение и укрепление европейской безопасности.

В книге не только раскрываются позитивные результаты последовательной неустанной борьбы СССР за мир и безопасность в условиях пово-

¹² «История внешней политики СССР. 1917—1976». В 2-х т. Изд. 3, доп. Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. Т. II (1945—1976). М., 1977.

¹³ «История дипломатии», т. 5, в 2-х кн. Под ред. А. А. Громыко. Кн. 2-я. М., 1979.

¹⁴ «XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы мировой политики.» Под ред. В. Г. Трухановского. М., 1974; «Международная политика КПСС и внешние функции Советского государства». М., 1976; «Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений». М., 1976; «Внешняя политика Советского Союза. Актуальные проблемы». М., 1978; «Ленинские традиции внешней политики Советского Союза». М., 1977; «Советская Программа мира в действии». Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1977; «Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность». М., 1977.

¹⁵ «Исторический опыт КПСС в борьбе за укрепление мира и дружбы между народами. Материалы Всесоюзной научно-теоретической конференции. К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1977; «Внешняя политика Советского Союза». Предисловие А. А. Громыко. Изд. 2, перераб. и доп. М., 1978; «Современные международные отношения и внешняя политика Советского Союза». Изд. 3-е, дораб. и доп. М., 1978; «Политика мира и сотрудничества». Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1979.

¹⁶ «60 лет борьбы СССР за мир и безопасность». Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1979.

рота от «холодной войны» и конфронтации к сотрудничеству и разрядке. В ней показана вся сложность этого процесса, обусловленная противодействием империализма мирным инициативам социалистических государств, его стремлением изменить в свою пользу соотношение сил на мировой арене. На обширном материале доказывается несостоятельность извращения буржуазными авторами целей и побудительных мотивов советской внешней политики.

Теоретическое обобщение и конкретно-исторический анализ новых проблем внешней политики СССР, возникших в минувшем десятилетии в условиях активной борьбы СССР за демократическую перестройку международных отношений, содержатся в ряде монографий видных советских историков-международников, поставивших перед собой задачу глубокого комплексного исследования новых явлений в международных отношениях и претворения в жизнь обусловленных изменениями на международной арене внешнеполитических задач, сформулированных на XXIV и XXV съездах КПСС.

В монографии Н. Н. Иноземцева¹⁷, по праву занявшей заметное место среди марксистских работ о международных отношениях и советской внешней политике, исследуются как ленинские теоретические основы международной политики Коммунистической партии, так и главные направления реализуемой Советским государством Программы мира XXIV и XXV съездов КПСС. При этом убедительно доказывается научная обоснованность внешнеполитической программы, которая была разработана партией на базе марксистско-ленинского теоретического фундамента, всестороннего анализа конкретной международной обстановки, учета соотношения сил между социализмом и капитализмом на современном этапе. В работе анализируется вся сложная взаимосвязанность и взаимозависимость основных направлений борьбы Советского Союза за обеспечение мира и безопасности. Привлекая богатый фактический материал, автор раскрывает достижения в области мирного сосуществования и разрядки, излагает советские предложения по разоружению, показывает успехи в развитии экономического сотрудничества, являющегося материальной основой укрепления мира и роста доверия между странами.

Большой интерес представляют также работы Н. И. Лебедева¹⁸, в которых наряду с анализом советского миролюбивого курса и конкретных событий в области внешней политики раскрывается сущность нового этапа международных отношений и связанных с ним изменений, освещаются исторические корни, закономерности и перспективы демократической перестройки международных отношений и воздействие на эти процессы политики Советского государства. Автор в исторической ретроспективе рассматривает последовательность в осуществлении двуединой задачи советской внешней политики — обеспечения мира и социального прогресса. В 70-е годы устанавливаются стабильные политические отношения государств с различным социальным строем в интересах предотвращения ракетно-ядерной войны, обеспечения мира, безопасности и международного сотрудничества, развития деловых связей; обуздания гонки вооружений. Это, в свою очередь, служит дальнейшей стабилизации мира и сдерживанию наиболее агрессивных сил империализма, успехам в области социального прогресса. Н. И. Лебедев разоблачает в своих работах несостоятельность идеологических концепций буржуазных авторов, стремящихся в интересах наиболее реакционных кругов империализма нане-

¹⁷ Н. Н. Иноземцев. Ленинский курс международной политики КПСС. М., 1978.

¹⁸ Н. И. Лебедев. Великий Октябрь и перестройка международных отношений. М., 1978; его же. Новый этап международных отношений. М., 1976.

сти ущерб положительным сдвигам в международных отношениях и очернить внешнюю политику СССР и братских социалистических стран.

Предметом исследования А. О. Чубарьяна¹⁹ является историческое развитие одного из основополагающих принципов советской внешней политики — мирного сосуществования. В работе анализируется становление и развитие выдвинутой В. И. Лениным концепции мирного сосуществования, ее реализация в практике международных отношений. Большое внимание уделяется при этом исследованию нового этапа мирного сосуществования в период разрядки международной напряженности, когда противоборство двух систем в рамках мирного соревнования позволило принять совместные меры по укреплению всеобщего мира и международной безопасности, сформулировать основные принципы мирного сосуществования, нашедшие отражение сначала в двусторонних документах, а затем в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, обогатить старые и разработать новые формы и методы сотрудничества и взаимодействия социалистических и капиталистических государств на двусторонней и многосторонней основе.

Основные вопросы укрепления мира и безопасности затрагиваются также в книге Г. Л. Розанова²⁰, в которой исследуются факторы, предопределившие поворот к развитию сотрудничества между СССР и капиталистическими странами в начале 70-х годов, рассматриваются конкретный ход и формы этого процесса после XXIV съезда КПСС, разоблачаются акции империализма, направленные на подрыв разрядки и мирного сотрудничества. В работе Л. Н. Толкунова²¹ анализ актуальных проблем перехода от конфронтации к разрядке сочетается с интересной для широкого читателя формой изложения материала.

Монографии К. П. Вощенкова и В. Н. Белецкого²² освещают использование Советским Союзом международных конференций для обсуждения актуальных проблем, связанных с сохранением и упрочением мира, работа Г. Кириллова и Ю. Ржевского²³ показывает усилия СССР по нормализации положения в центре Европы, достижению четырехстороннего соглашения по Западному Берлину и деятельность Советского правительства, направленную на его реализацию.

В последнее время появились книги, в которых обстоятельно освещаются отношения СССР с ведущими капиталистическими странами²⁴.

Советский Союз в своей борьбе за мир и безопасность защищает общие интересы, мирное будущее социалистических стран и опирается на их неизменную поддержку. При этом многие предложения по упрочению мира, уменьшению военного противостояния и усилению доверия между государствами двух систем разрабатываются и вносятся коллективно участ-

¹⁹ А. О. Чубарьян. Мирное сосуществование: теория и практика. М., 1976.

²⁰ Г. Л. Розанов. Политика сотрудничества — веление времени (СССР и капиталистические страны. 70-е годы). М., 1977.

²¹ Л. Н. Толкунов. Трудные дороги мира. От конфронтации к разрядке. М., 1977.

²² К. П. Вощенкова. СССР в борьбе за мир. Международные конференции. 1944—1974 гг. М., 1975; В. Н. Белецкий. За столом переговоров. Обсуждение германских дел на послевоенных международных совещаниях и встречах. М., 1979.

²³ Г. Кириллов, Ю. Ржевский. Важный фактор разрядки в Европе. (Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину). М., 1978.

²⁴ Ю. В. Дубинин, В. Н. Келин. СССР — Франция. Опыт сотрудничества (Шестидесятые — семидесятые годы). М., 1979; В. Г. Трухановский, Н. К. Капитанова. Советско-английские отношения. 1945—1978 гг. М., 1979; А. Громыко. Внешняя политика США: уроки и действительность. 60—70-е годы. М., 1978; В. Д. Ежов. От «холодной войны» к разрядке. Очерки о Федеративной Республике Германии. М., 1978; В. Березин. Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники (Из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией). М., 1977.

никами Организации Варшавского Договора. В 70-е годы появилось несколько работ, освещающих роль мировой социалистической системы и скоординированной внешней политики стран социалистического содружества в международных отношениях в поддержании прочного мира и создании основ коллективной безопасности, раскрывающих значение Варшавского Договора как фактора мира и стабильности, подчеркивающих неопределимый вклад социалистического содружества в процесс разрядки напряженности и в мирное взаимовыгодное сотрудничество со странами иной социальной системы²⁵.

Важное место в работах советских историков-международников занимает проблема европейской безопасности. Идея проведения совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, выдвинутая социалистическим содружеством, после десятилетия неустанной борьбы была претворена в жизнь в Хельсинки в принятом руководителями 33 европейских стран, США и Канады Заключительном акте, закрепившем волю государств-участников к обеспечению прочного мира и развитию доверия и всестороннего сотрудничества, намечен комплекс мер для осуществления этих благородных целей.

Неутомимая борьба СССР, братских социалистических государств за обеспечение европейской безопасности нашла отражение в ряде интересных работ²⁶. Во второй половине 70-х годов, после завершения работы совещания, были проанализированы его итоги и перспективы²⁷ и первые результаты осуществления Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе²⁸. Юристы-международники исследовали международно-правовые проблемы европейской безопасности и их соотношение с другими принципами и нормами международного права²⁹.

Хотя достигнуты заметные успехи в применении принципов мирного сосуществования в практике взаимоотношений государств двух систем, в развитии сотрудничества между ними, в стабилизации положения и укреплении мира и безопасности на европейском континенте, наибольшей угрозой миру остается продолжающаяся гонка вооружений, которую усилиями СССР и братских социалистических стран в прошлом десятилетии удалось приостановить лишь в отдельных областях. Проблема разоружения и военной разрядки выдвинулась на авансцену борьбы за мир и безопасность. Советский Союз, по самым скромным подсчетам внесший за последнее время более ста предложений в этой области, неустанно стре-

²⁵ «Дипломатия социализма». Предисловие А. А. Громыко. М., 1973; «Социализм и международные отношения». М., 1975; «Международные отношения нового типа. Вопросы теории и практики развития мировой системы социализма». М., 1978; Ш. П. Саниаков, Н. И. Капаченко. О теории внешней политики социализма. М., 1977; «Социализм и европейская безопасность». М., 1977; К. Савинов. Могучий фактор мира и стабильности в международных отношениях (К 25-летию Варшавского Договора). М., 1980; А. В. Вахрамеев. Борьба социалистического содружества за разрядку международной напряженности. М., 1979; В. Ю. Кузьмин. Важный фактор стабильности и добрососедства в Европе: социалистические страны и ФРГ в 70-е годы. М., 1980.

²⁶ «Советская внешняя политика и европейская безопасность». М., 1972; «Проблемы современной Европы. Европейская безопасность и тенденции развития в Западной Европе». М., 1974; Ю. Н. Рахманинов, Г. В. Уранов. Европа: безопасность и сотрудничество. М., 1974.

²⁷ «Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы». М., 1976; Д. М. Прохтор. Пути Европы. М., 1978; «Проблемы безопасности и сотрудничества в Европе». М., 1979; Ю. Н. Рахманинов. Проблема европейской безопасности. Исторический опыт ее решения. 1917—1977. М., 1979.

²⁸ Ю. Б. Кашлев. Разрядка в Европе. От Хельсинки к Мадриду. М., 1980.

²⁹ «Во имя мира. Международно-правовые проблемы европейской безопасности». М., 1977; Б. М. Клименко, Н. А. Ушаков. Нерушимость границ — условие международного мира. М., 1975; Д. Б. Левин. Принцип мирного разрешения международных споров. М., 1977.

мится к тому, чтобы снизился уровень военного противостояния двух систем и были, наконец, намечены конкретные пути прекращения гонки вооружений и разоружения. Усилия нашей страны в этом направлении исследуются в ряде работ советских историков, рассматривающих всю совокупность проблем разоружения и наиболее важные направления, такие как прекращение испытаний и распространения ядерного оружия, ядерное разоружение. Анализируются актуальные вопросы сочетания разоружения с прогрессом разрядки международной напряженности, экономические и социальные последствия разоружения, политика Вашингтона, направленная на усиление гонки обычных и ядерных вооружений и подрывающая международную безопасность, рассматриваются мирные инициативы социалистических стран на венских переговорах о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе³⁰. Во всех этих работах, освещающих советскую позицию по проблемам разоружения, раскрывается и противодействие империализма решению проблем ограничения гонки вооружений и разоружения.

В борьбе за мир и безопасность представления, концепции, предложения Советского Союза и братских социалистических стран противостоят идеям, исходящим от представителей капиталистических стран. Как отмечал Л. И. Брежнев в одном из выступлений в 1975 г., «...в условиях все более полного утверждения принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем особое значение приобретает борьба идей, активизация наших усилий по распространению в мире правды о социализме, борьба против всех видов враждебной социализму идеологии»³¹.

Советские историки уже создали несколько специальных работ, в которых исследуются общие проблемы современной, обусловленной особенностями нового этапа развития международных отношений идеологической борьбы между социализмом и капитализмом, в том числе и по вопросам мирного сосуществования, разрядки, отражаются нападки идеологов империализма на советскую внешнюю политику³², разоблачаются западные фальсификации побудительных мотивов, целей и методов Советского Союза в борьбе за укрепление мира и безопасности. Интересное совместное исследование ученых социалистических стран затрагивает важные проблемы роли стран социализма, коммунистического и рабочего движения в идеологической борьбе по вопросам войны и мира, безопасности, социального прогресса в Европе, в разоблачении антикоммунизма и антисоветизма, происков западной реакции³³.

³⁰ «Стратегия империализма и борьба СССР за мир и разоружение». М., 1974; И. Г. У с а ч е в. Советский Союз и проблема разоружения. М., 1976; В. В. Ш у с т о в. Советский Союз и проблема прекращения испытаний ядерного оружия. М., 1977; А. Н. К а л я д и н. Проблема запрещения испытаний и распространения ядерного оружия. М., 1976; А. Е. Е ф р е м о в. Ядерное разоружение. М., 1976; Л. А н и с и м о в, Ю. Т о м и л и н. Разоружение и разрядка. М., 1977; «Экономические и социальные последствия разоружения». М., 1976; Р. А. Ф а р а м а з я н. Разоружение и экомоника. М., 1978; А. Г. А р б а т о в. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980; В. Б а с м а н о в. За военную разрядку в Центральной Европе. М., 1978.

³¹ Л. И. Б р е ж н е в. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, с. 266—267.

³² «Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба». М., 1976; В. Л а р и н. Международные отношения и идеологическая борьба (60—70-е годы). М., 1976; М. Б. М я т и н. Проблемы современной идеологической борьбы. Критика социологических и социально-политических концепций. М., 1976; Ю. П. Д а в ы д о в. Международная разрядка и идеологическая борьба. Киев, 1968; «Антисоветизм на службе империализма». М., 1976.

³³ «За Европу мира и прогресса (коммунисты — новая обстановка в Европе — проблемы идейно-политической борьбы)». М., 1977.

Л. Д. ВАСИЛЬЕВА

УЧАСТИЕ УКРАИНСКОЙ ССР В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (1945—1975)

Советско-польское научное сотрудничество в области общественных наук и участие в нем Украинской ССР до сих пор не нашли должного освещения в советской и польской историографии, хотя некоторые вопросы в частности обмен научной литературой, специалистами, проведение конференций частично затрагивались в работах советских¹ и польских авторов².

Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, заключенный между СССР и Польской Республикой 21 апреля 1945 г., предусматривал сотрудничество между обеими странами и в области культуры и науки³. В послевоенные годы Советский Союз оказал большую помощь Польше в восстановлении ее библиотечных фондов. В феврале 1946 г. атташе по вопросам науки Посольства Польши в СССР Ян Дембовский констатировал: «Мы получили очень много книг в дар от различных научных учреждений... В посольстве уже лежит значительное количество научной литературы (свыше 12 000 томов), полностью подготовленных к пересылке»⁴. По просьбе польских учреждений и ведомств только в 1947 г. было отправлено им 1240 экземпляров статей и других материалов⁵ по проблемам развития науки, социалистической индустриализации.

¹ «Вклад Украинської РСР у науково-культурне співробітництво Радянського Союзу з європейськими соціалістичними країнами. Київ, 1970; «Годы братской дружбы и сотрудничества СССР и ПНР. Летопись важнейших событий в области советско-польских отношений 1944—1974 гг.». Киев, 1974, «На магистральных дружбы і братерства. Участь Української РСР у співробітництві Радянського Союзу з європейськими соціалістичними країнами (1966—1970)». Київ, 1974; «Украинская ССР и зарубежные социалистические страны». Киев, 1965; И. Ф. Евсеев. Сотрудничество Украинской ССР и Польской Народной Республики (1944—1960). Киев, 1962; П. М. Калениченко. Співробітництво Радянської України та Народної Польщі (1944—1969). Київ, 1969; И. Н. Киселев. Сотрудничество Академии наук СССР с академиями наук стран — членов СЭВ. 1957—1968. М., 1974.

² Т. Вуек. Культурный и научный обмен Польши с зарубежными странами. «Современная Польша», 1969, № 5, с. 3—11; О. Вышомирская-Кузьминская. Польско-советские научные контакты. «Советское славяноведение», 1975, № 6, с. 65—69.

³ «Советский Союз — Народная Польша. 1944—1974. Документы и материалы». М., 1974, с. 114.

⁴ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. 9, январь 1946 г.—декабрь 1949 г. М., 1976, с. 29.

⁵ Подсчитано автором по материалам Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР), ф. 5283, оп. 17, ед. хр. 3, л. 23—31.

зации и кооперирования сельского хозяйства в СССР. Посольство Польской Республики в СССР в ноте МИД СССР от 19 июня 1947 г. выразило свою «глубокую благодарность Советскому правительству за передачу Польше ценнейших библиотечных фондов, которые были похищены немецкими оккупантами из Польской национальной библиотеки им. Замойских в Варшаве»⁶.

В эти же годы установились научные связи между историками СССР и Польши. Польские историки приняли участие в юбилейной сессии АН СССР по случаю ее 220-летия. В 1948 г. советская делегация во главе с акад. Б. Д. Грековым была приглашена на торжества по случаю 75-летия Польской академии знаний. В том же году делегация советских историков активно участвовала в работе Методологической конференции польских историков⁷. Происходил обмен научной литературой между советскими и польскими историками. Институт археологии АН УССР регулярно получал польский журнал «Археология»; Институт истории АН УССР в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией (1954) направил в Польшу подборку научной литературы по истории Украины, связях и дружбе русского и украинского народов. В книгообмене участвовали также институты языка и литературы, государства и права, высшие учебные заведения, библиотеки, книжные издательства УССР⁸.

Наряду с этим происходил обмен ценными архивными документами и материалами. Так, Институт истории АН УССР получил из Польши архивные материалы по истории украинско-польских отношений, несколько универсалов и писем Б. Хмельницкого, фотокопии документов, свидетельствующих о тесной взаимосвязи крестьянского движения в Польше с освободительной борьбой украинского народа. Эти документы были использованы в сборнике «Документы об освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.».

Важное значение для развития советско-польских научных связей имело соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской Академией наук (1957). В соглашении говорилось, что «обе академии будут осуществлять научное сотрудничество, т. е. координировать научные исследования по важнейшим проблемам, проводить совместные научные работы по ряду тем, представляющих взаимный интерес, и оказывать друг другу необходимую научную помощь»⁹. В рамках этого соглашения с польской стороной сотрудничала и АН Украинской ССР. Институты истории АН УССР и ПАН совместно разрабатывали проблему исторических связей Украины с народами европейских социалистических стран; Институт общественных наук АН УССР во Львове и Институт истории ПАН исследовали древнюю историю и культуру населения восточной части бассейна Верхней Вислы, крестьянское движение в Западной Украине в 30-х годах XX в.; Институт археологии АН УССР и Институт истории материальной культуры ПАН изучали вопросы происхождения славянских народов и культуры англнчных городов Северного Причерноморья¹⁰. Одной из первых совместных работ советских и польских историков явилось многотомное издание документов и мате-

⁶ «Советский Союз — Народная Польша...», с. 149.

⁷ А. М. Б и л а н. Советско-польские отношения в послевоенный период (1945—1949). Автореферат канд. дисс. Киев, 1955, с. 14.

⁸ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Украинской ССР (далее—ЦГАОР УССР), ф. 5110, оп. 1, ед. хр. 701, л. 3; ф. 6110, оп. 1, ед. хр. 219, л. 9.

⁹ «Советский Союз — Народная Польша...», с. 224.

¹⁰ Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (далее—ЦГАНХ СССР), ф. 9493, оп. 5, ед. хр. 143, л. 158; ЦГАОР УССР, ф. 5110, оп. 1, ед. хр. 1144, л. 18.

риалов о восстании 1863 г., два тома которого посвящены событиям на Украине («Общественно-политическое движение на Украине. Документы и материалы», т. 1—1856—1862 гг.; т. 2—1863—1864 гг. Киев, 1963—1964). Сотрудники Института истории АН УССР подготовили двухтомный сборник документов и материалов, посвященный революции 1905—1907 гг. на Украине, в котором были использованы архивные документы польского происхождения¹¹.

В 1965 г. была создана Комиссия историков СССР и ПНР, деятельность которой способствовала расширению сотрудничества между историками обеих стран. Так, в ноябре 1971 г. в Москве состоялась конференция на тему: «Общие черты и специфика развития Польши и Руси в XII—XIV вв.», где с докладами выступили известные советские историки — академики Б. А. Рыбаков и Л. В. Черепнин. В работе Комиссии активное участие принимают и украинские историки. Отдел международных отношений и истории социалистических стран Института истории АН УССР, возглавляемый чл.-корр. АН УССР И. Н. Мельниковой, непосредственно участвует в координации научных исследований и совместной разработке с историками Польши ряда важных научных проблем, как например, «История Великой Октябрьской социалистической революции», и других, включенных в план работы Комиссии историков СССР и ПНР. Польская часть Комиссии организовала в мае 1973 г. в Варшаве международный симпозиум с участием историков социалистических стран на тему: «Влияние Октябрьской революции на революции 40-х годов в Центральной и Юго-Восточной Европе. Социально-культурные и экономические перемены».

В первой половине 70-х годов значительно расширился круг проблем, совместно изучаемых историками АН УССР и ПАН. Советские и польские ученые изучают историю советско-польских отношений, общественно-политические, революционные и культурные связи народов СССР и Польши; роль Украинской ССР в сотрудничестве СССР с европейскими странами социализма, роль рабочего класса ПАН в борьбе за социалистическую индустриализацию страны, взаимодействие воинских частей и польских патриотов в 1944—1945 гг. и др.¹² В результате завершения этих тем был подготовлен ряд монографий. В одной из них — «На путях дружбы и братства» — главное внимание сосредоточено на изучении многообразных форм сотрудничества социалистических стран, формирования новых международных отношений, значения совместной борьбы социалистических стран за укрепление мировых позиций социализма. Украинские историки, изучающие исторические и политические аспекты развития социалистического сотрудничества, работают также над проблемами влияния Великого Октября на развитие революционного движения в Польше, участия польских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне, истории антифашистского движения Сопротивления в Польше, строительства основ социализма в Польше и др.¹³

Наряду с перечисленными формами сотрудничества осуществляется и командирование специалистов в учреждения дружественной страны для участия в совместных научных исследованиях, чтения лекций, консультаций, повышения квалификации, специализации и стажировки, участия в научных конференциях. Большое значение имеют взаимные визиты пред-

¹¹ «Революция 1905—1907 гг. на Украине». Сборник документов и материалов в 2-х томах. Киев, 1955.

¹² Текущий архив Президиума АН УССР (далее — ТА ПАН УССР). Отчет Института истории АН УССР о научно-исследовательской работе в 1971 г., с. 8; Отчет... в 1972 г., с. 62.

¹³ «На магістралях дружби і братерства...»; П. М. К а л е н и ч е н к о. Великий Жовтень і революційний рух у Польщі (листопад 1917 — жовтень 1919), Київ, 1971;

ставителей руководства обеих академий и соответствующих отделений, во время которых уточняются конкретные задания и намечаются планы дальнейшего сотрудничества. Командирование специалистов является эффективной формой сотрудничества, благодаря которой научные кадры воспитываются в духе взаимопомощи и взаимопонимания, глубже изучают достижения науки в стране.

Академия наук СССР регулярно отмечает памятные даты в истории польского народа и польско-советской дружбы. Историки АН УССР участвуют в работе всесоюзных конференций историков-славистов, кроме того, проводят республиканские конференции¹⁴. Особенное значение имеет проведение совместных советско-польских конференций и сессий. Так, состоялись конференции: «Борьба В. И. Ленина за мир и восстановление Польши» (Варшава, 1970); научная сессия, посвященная проблеме становления раннеславянских государств (Киев, 1970) и ряд других.

Совместная работа советских и польских историков дает возможность объединить усилия ученых при исследовании сложных научных проблем. Сотрудничество создает условия для максимального сбора фактического материала, находящегося в распоряжении обеих стран. Проведение совместных исследований способствует ускорению темпов научных изысканий. Советско-польские научные связи в области исторических наук выполняют и важную политическую роль — способствуют укреплению идеологического единства двух народов.

Украинские и польские ученые сотрудничают и по другим направлениям общественных наук. Их исследования в области литературоведения и языкознания концентрируются на проблемах взаимовлияний и связей литератур социалистических стран, на процессе исторического развития славянских литератур и славянского языкознания. Так, в частности, для подготовки к изданию Институтом литературы АН УССР 20-го тома сочинений И. Франко из Института литературных исследований ПАН поступили фотокопии писем выдающегося украинского писателя к польской общественной деятельнице и писательнице Элизе Ожешко (1886—1888), а из Польско-советского института — списки рукописей И. Франко, находящихся в Национальной библиотеке (Варшава) и 20 фотокопий его рукописей и писем к литераторам и общественным деятелям Польши. Были также получены оригиналы писем Т. Г. Шевченко к его другу Михаилу Лазаревскому и фотокопия письма поэта к польскому общественному деятелю Аркадию Венгжиневскому¹⁵. Академия наук УССР, в свою очередь, передала польским коллегам экземпляр газеты «Трибуна народов», изданной в 1849 г. в Париже, редактором которой был великий польский поэт Адам Мицкевич¹⁶. Обмен архивными материалами способствует повышению уровня научных исследований, а также пополняет архивные и библиотечные собрания.

Плодотворно развивается советско-польское сотрудничество в области литературоведения. Так, например, польские ученые выступали с докла-

его же. Брати по класу — брати по зброї. Участь польських інтернаціоналістів у боротьбі за владу Рад на Україні. 1917—1920. Київ, 1973; его же. Співробітництво Радянської України та Народної Польщі...; И. Д. Кундюба. Советско-польские отношения (1939—1945). Киев, 1963; С. М. Антонович. Розвиток сільського господарства в Народній Польщі. Київ, 1960.

¹⁴ По инициативе Института общественных наук АН УССР (Львов) украинские историки-полонисты провели четыре республиканские конференции. Ученые-слависты УССР — восемь республиканских славистических конференций, причем историки участвуют в их работе с 1962 г., т. е. с V межвузовской республиканской славистической конференции. См. «Тезиси доповідей V міжвузівської республіканської славистичної конференції. 25—30 вересня 1962 р.» Ужгород, 1962.

¹⁵ ЦГАОР УССР, ф. 4915, оп. 1, ед. хр. 1184, л. 32, 35.

¹⁶ ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 4, ед. хр. 3, л. 11.

дами и сообщениями на торжественной сессии АН УССР (август 1956, Киев, Львов), посвященной 100-летию со дня рождения И. Франко, на десятой юбилейной Шевченковской конференции (1961, Киев). Значительными событиями в истории польско-украинских и польско-русских литературных связей было проведение научных сессий в Варшаве по случаю 100-летия со дня рождения И. Франко (1957), 150-летия со дня рождения украинского поэта Т. Г. Шевченко, 200-летия со дня рождения И. П. Котляревского (1969) и др. Польские ученые, командированные в Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, знакомятся с рукописными материалами института, получают консультации по вопросам дооктябрьской и советской литературы и по проблемам, касающимся межславянских литературных связей.

Давние традиции научного сотрудничества связывают лингвистов СССР и Польши. Советские и польские ученые проводили параллельные исследования по русско-польским и украинско-польским языковым связям, работали над изданием русско-польских и польско-русских словарей. В частности, в результате поездки украинского лингвиста В. М. Русановского в Польшу Институт языковедения АН УССР получил дополнительные письменные источники для изучения истории украинского и польского языков. Полученные материалы были использованы при написании «Исторической грамматики украинского языка» и трудов о языковых связях двух народов. Ученые Института литературных исследований ПАН совместно с сотрудниками Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Т. Рильского АН УССР изучают проблему этногенеза и этнической истории славянских народов.

С каждым годом расширяется сотрудничество ученых обеих стран в области экономики, философии и права. Первые связи в этих областях науки также осуществлялись в форме обмена научной литературой и командирований специалистов. Но уже в 1953 г. украинские и польские экономисты приступили к разработке проблемы «Закономерности развития социалистической экономики», изучение которой было предусмотрено решением десятой сессии советско-польской комиссии по научно-техническому сотрудничеству¹⁷. На данном этапе ученые-экономисты Львовского, Одесского, Харьковского и Донецкого (Донецкое отделение Института экономики АН УССР называется Институтом экономики промышленности АН УССР) отделений Института экономики АН УССР проводят с польскими учеными совместные научные исследования. Развитие сотрудничества между вышеназванными организациями объясняется прежде всего актуальностью разрабатываемых научных проблем, их тесной связью с производственными процессами, непосредственным внедрением научных достижений в производство. К тому же, сотрудничество ряда институтов республики обусловлено общностью научно-исследовательских тем; схожестью имеющихся в УССР и ПНР природных ресурсов (например, угольных бассейнов) и т. д. Ученые-экономисты АН УССР и ПАН обмениваются специалистами для чтения лекций и участия в международных конференциях. В частности, ученые из Одесского отделения Института экономики АН УССР не раз приглашались в Институт морской экономики ПАН (Гданьск) для чтения лекций по актуальному вопросу развития морского транспорта¹⁸. Сотрудники Института экономики АН УССР выезжали в Польшу для изучения имеющегося в ПНР опыта в области исследований по аграрным проблемам и аграрно-промышленной интеграции. Польские

¹⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 9493, оп. 1, ед. хр. 143, л. 158.

¹⁸ ТА ПАН УССР. Отчет о научно-исследовательской работе Одесского отделения Института экономики АН УССР в 1975 г., с. 48.

экономисты интересуются вопросами координации научных исследований, организации производственных объединений в промышленности и др.¹⁹ Дальнейшую совместную работу экономистов определило заседание советско-польской экономической комиссии (1975, ПНР)²⁰.

Значительное внимание уделяется и развитию сотрудничества в области философских наук. Установлены деловые контакты между отделом логики научного познания Института философии АН УССР и отделом логики эмпирических наук Института философии и социологии ПАН. Советские и польские философы опубликовали ряд совместных работ, участие в которых принимали и украинские ученые. Так, статья проф. Л. В. Сохань «Образование как фактор развития личности в современном обществе» была опубликована в совместном советско-польском издании²¹. Ученые принимают участие в научных конференциях, посвященных философским вопросам современной науки, теоретическим и практическим исследованиям по проблемам социалистического гуманизма и др.²², которые проводятся с участием представителей АН СССР, АН УССР и ПАН. Украинские философы участвовали в совещании редакторов философских и социологических журналов социалистических стран, а на X Международном гегелевском конгрессе директор Института философии АН УССР В. И. Шинкарук выступил с докладом «Феноменология духа и диалектическая логика Гегеля»²³. Успешно сотрудничают и социологи наших двух стран. В результате нескольких поездок советских социологов в Польшу была разработана конкретная программа в области социологических исследований, связанных с индустриализацией в СССР и ПНР. В эту программу вошли проблемы промышленности и труда, индустриализации, выбора специальности, текучести кадров, свободного времени рабочих, технического уровня специалистов и др. Вопрос о сотрудничестве в этой области обсуждался на советско-польской конференции в Варшаве (1966). Советско-польская социологическая комиссия, координирующая и направляющая эти исследования, выделила для совместного изучения философами и социологами 15 тем²⁴. Проведение совместных социологических исследований необходимо как польской, так и советской стороне. Социальные процессы, происходящие сегодня в социалистических странах, наименее изучены. Своевременное решение социологических проблем дает возможность практически применять более совершенные методы научного управления производством, совершенствовать социалистический образ жизни.

Сотрудничество в области юридических наук также проявляется в обмене литературой и специалистами, организации и проведении научных конференций, и, наконец, в совместных исследованиях. Польские и советские ученые вместе с юристами других социалистических стран разрабатывают правовую проблематику стран — членов СЭВ, изучают ряд тем идеологического характера, связанных с мирным сосуществованием двух социально-противоположных систем, некоторые проблемы гражданского права. Сотрудничество способствует урегулированию правовых вопросов между странами — членами СЭВ, в том числе между СССР и ПНР.

Советско-польское сотрудничество в области общественных наук с каждым годом все углубляется. Доказательством этого может служить проблемный план сотрудничества, согласованный в июне 1975 г. представите-

¹⁹ ТА ПАН УССР. Отчет... Института экономики АН УССР в 1974 г., с. 102; Отчет... в 1969 г., с. 101; Отчет... в 1975 г., с. 48.

²⁰ «Ekonomista», 1975, № 3, s. 667.

²¹ ТА ПАН УССР. Отчет о научно-исследовательской работе Института философии АН УССР в 1974 г., с. 34.

²² «Nauka Polska», 1974, № 6, s. 157.

²³ ТА ПАН УССР. Отчет о работе Института философии АН УССР в 1974 г., с. 27.

²⁴ «Nauka Polska», 1975, № 8, s. 43.

лями Академии наук СССР и Польской Академии наук. По этому плану проводятся: изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции; исследование современного капитализма; экономики и политики развивающихся стран; проблем идеологической борьбы в условиях мирного сосуществования двух систем; совершенствования планирования и развития народного хозяйства; эволюции социальных структур социалистического общества; общественного планирования и прогнозирования; роли рабочего класса в мировом революционном процессе.

Двустороннее сотрудничество в результате совершенствования и развития расширило свои рамки и переросло в многостороннее, опирающееся на соответствующие соглашения. Украинские историки совместно с учеными социалистических стран принимают участие в изучении проблемы «Великая Октябрьская социалистическая революция». Наряду с Институтом истории в многостороннем сотрудничестве принимают участие Институт общественных наук АН УССР, Институт экономики АН УССР и Институт языковедения АН УССР. Так, в 70-х годах Институт экономики АН УССР в рамках многостороннего сотрудничества со странами — членами СЭВ участвовал в изучении общетеоретических и экономических основ развития науки и техники, в том числе по таким темам как: «Исследование экономических условий и хозрасчетных факторов ускорения технического прогресса в промышленности и разработка рекомендаций по их совершенствованию», «Исследование путей совершенствования экономических методов управления производством и научно-технических методов в промышленности», «Методические основы определения и экономической оценки технико-экономического уровня общественного производства». Сотрудники Института экономики АН УССР совместно с экономистами социалистических стран изучали тему «Критика немарксистских концепций социально-экономического развития стран „третьего мира“». Украинские языковеды принимают участие в разработке Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), в создании которого участвуют представители десяти стран — восьми социалистических и двух капиталистических. В каждой стране-участнице созданы национальные комиссии. Академию наук СССР в редколлегии Атласа представляют Институт славяноведения и балканистики АН СССР, а Академию наук Украинской ССР — Институт языковедения им. А. Потебни и Институт общественных наук. С 1971 г. ученые приступили к составлению лингвистических карт ОЛА²⁵.

Таким образом советские и польские ученые осуществляют тесное сотрудничество во всех областях общественных наук: истории и археологии, литературы и языка, философии и социологии, экономики и права. В результате динамичного развития Советского Союза и Народной Польши, укрепления их единства, расширения политического, экономического и культурного сотрудничества появилась необходимость поиска новых видов научных связей и отношений. Так двустороннее сотрудничество между академиями наук СССР и ПНР перерастает в многостороннее сотрудничество академий наук стран — членов СЭВ. Сотрудничество на многосторонней основе строится с учетом интересов как отдельной страны, так и всего содружества в целом.

Сотрудничество ученых в области общественных наук способствует укреплению идеологического единства народов социалистических стран, и советские ученые-обществоведы, укрепляя и развивая это сотрудничество, достойно выполняют свой интернациональный долг.

²⁵ Р. И. А в а н е с о в. Общеславянский лингвистический атлас. «Вестник Академии наук СССР», 1974, № 8, с. 94, 97.

П. Г. УСЕНКО

К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ З. СЕРАКОВСКОГО В «СОВРЕМЕННОМ»

Зыгмунт Сераковский занимает довольно видное место в плеяде революционных деятелей 60-х годов XIX в. Руководитель восстания «За нашу и вашу свободу» в Литве, активный участник как польского, так и русского освободительного движения, он стал олицетворением тесной связи революционеров-демократов разных национальностей. Ярким проявлением интернационализма Сераковского является его дружба с Н. Г. Чернышевским, сотрудничество в петербургском журнале «Современник».

В столицу России З. Сераковский прибыл в 1856 г. из оренбургских линейных батальонов, где провел долгих восемь лет солдатской службы. Царские охранители не смогли сломить его волю, погасить революционные порывы. Казарма, которая, по определению В. И. Ленина, «была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы»¹, не только не запугала молодого поляка, а закалила его, расширила кругозор, сблизила с простым народом. Настоящим жизненным университетом для него оказалось знакомство с политическими ссыльными — великим украинским поэтом-революционером Т. Г. Шевченко и петрашевцами.

В августе 1856 г., уезжая за границу, Н. А. Некрасов передал свои редакторские права в «Современнике» Н. Г. Чернышевскому, который и ввел Зыгмунта Сераковского в число сотрудников журнала. «Иностранные известия, — писал он Некрасову 5 ноября 1856 г., — составляет Сераковский, если помните, Вы встретили его у Вашей сестры. На первый раз он составил иностранные известия не совсем искусно, но будет полезным сотрудником как человек неглупый и образованный»².

Этот период жизни и деятельности видного революционера отражен в целом ряде документальных материалов и специальных исследований. Гонорарные ведомости редакции «Современника» свидетельствуют, что с ноября 1856 г. по июль 1857 г. З. Сераковский поместил в журнале (№ 11, 12 за 1856 г., № 3, 4, 5, 7 за 1857 г.) шесть обзоров «Заграничные известия», а также статью «Взгляд на внутренние отношения Соединенных Штатов». Еще одна статья — «Поэты бедных» — была запрещена цензурой³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 112.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 14. М., 1949, с. 327.

³ «Литературное наследство», 1949, № 53—54, с. 229—288; В. Богра д. Журнал «Современник». М.—Л., 1959, с. 538—539; А. Ф. Смирнов в написанной им биографии «Сигизмунд Сераковский» (М., 1959, с. 37) указал, что польский революционер-демократ публиковался в «Современнике» с сентября 1856 г., но это не подтверждается источниками.

А. В. Кушаков высказал предположение, что «Заграничные известия» в журнале за январь 1857 г., автор которых в гонорарных ведомостях не указан, также принадлежат перу Сераковского⁴. В тексте ноябрьского номера журнала, упоминая об «Очерках Англии» Эмерсона и о романе Бичер-Стоу «Дред», З. Сераковский обещает: «В декабрьской или январской книжке „Современника“ постараемся дать о них отчет нашим читателям»⁵. В январе такой отчет и был помещен. Казалось бы, доказательству Кушакова находят дополнительную фактическую опору. Однако в февральском номере за 1857 г. есть прямое указание А. Н. Пыпина на то, что в составлении январских «Заграничных известий» принимал участие он: «Прошлый раз мы говорили о новом путешествии во внутреннюю Африку...»⁶.

Разрешить это несоответствие можно, предположив либо соавторство Сераковского и Пыпина, либо, что под рубрикой «Заграничные известия» были объединены два обзора, составленные ими порознь. Последнее представляется более вероятным, поскольку «Путешествие для исследования Африки» и по содержанию и по стилю существенно отличается от напечатанного на предыдущих страницах «Заграничных известий», к тому же его автономность подчеркнута введением специальных подзаголовков («Гора с серебряным куполом под экватором». «Пигмеи Вибиликомо». «Король Кмери и маги в Усамбаро». «Озеро Морави»), как для отдельной статьи.

Все те «внутренние признаки», послужившие А. В. Кушакову основанием для установления авторства З. Сераковского — характерная акцентировка темы национально-освободительной борьбы и идейно-стилистическая близость с другими его работами — присущи лишь первой части рассматриваемых «Заграничных известий», в то же время вторая часть близка обзорам А. Н. Пыпина.

Видимо, можно раскрыть аноним январского номера «Современника» таким образом: автор «Заграничных известий» со 139 по 157 страницу — Сераковский, автор «Путешествия» — Пыпин.

Анализируя содержание «Заграничных известий», составленных З. Сераковским, необходимо учитывать, что ни в 1856, ни в 1857 гг. редакции «Современника» не удалось добиться разрешения на ведение отдела «Политика». В этих условиях «Заграничные известия» выполняли роль политического обозрения. В свете такой постановки вопроса в определенной степени проявляются те строки из письма З. Сераковского варшавскому публицисту И. Скимборовичу от 10 (22) декабря 1856 г., в которых хорошо слышны отголоски борьбы с цензурой. В одном месте Сераковский прямо пишет: «Может я бы взялся писать вам „Известия“ из Петербурга, во-первых, если думаешь, что в Варшаве пройдет хотя бы то, что в Петербурге, и что это принесет какую-нибудь пользу, а в другом намекает на существование в журнале, издаваемом Н. А. Некрасовым, особых приемов письма: «Итак, в „Современнике“ отчеты о нашей литературе, в твой журнал — отчеты о русской или об интересных заграничных известиях из петербургских журналов. Гувальд тебе расскажет, как мы их составляем. Помни, что в русской литературе есть поэты, как Некрасов, о котором тебе расскажет Гувальд». Опубликовавший это письмо Д. Файнгауз справедливо заметил, что недомолвки в нем связаны с тайной стороной политической деятельности Сераковского⁷.

⁴ А. Кушаков. Сигизмунд Сераковский — сотрудник «Современника». «Русская литература», 1958, № 3, с. 152.

⁵ «Современник», 1856, № 11, с. 150.

⁶ «Современник», 1857, № 2, с. 345.

⁷ D. Fajngauz. Nieznane listy Zygmunta Sierakowskiego. «Przegląd historyczny», 1961, z. 4, s. 753. В переводе на русский язык письмо помещено Г. Писарком в «Историческом архиве», 1961, № 4, с. 227—228.

Следует предположить, что Сераковский стал одним из создателей знаменитого «эзопова языка» революционно-демократической журналистики, необходимого для общения с читателем в обход цензуры. И действительно, основные суждения в его статьях имеют порой завуалированный смысл, который и выступает главным, определяющим. В свете этого весьма важным является тезис В. А. Дьякова о том, что иностранные известия, так же как и другие разделы «Современника», заставляли читателя задумываться над несовершенством существовавших в России порядков, внушая мысль о необходимости революционно-демократических преобразований в стране⁸. Так, уже в первом своем публицистическом выступлении Сераковский заговорил о самом злободневном — о необходимости уничтожения крепостного права, смело назвав освобождение крестьян и наделение их землей «соответствующим стремлениям и духу народа»⁹.

До сих пор на антикрепостнический характер «Заграничных известий» в научной литературе не обращено должного внимания. А. Кушаков, первым исследовавший выступления Сераковского в «Современнике», соотнес с российской действительностью лишь одну статью — «Взгляд на внутренние отношения Соединенных Штатов»: «Страстно негодующее отрицание невольничества в Америке имело отношение не только к действительности США, но было также и формой горячего протеста против крепостного права в России, формой агитации за освобождение крестьян от ярма неволи и в России»¹⁰.

Замечание верное, однако, на наш взгляд, публицистические выступления Зыгмунта Сераковского в 1856—1857 гг. заслуживают более пристального внимания. Не в одном, а в большинстве случаев описание зарубежных событий в «Современнике» того периода становилось формой для подцензурной постановки острых вопросов, которые в России «сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»¹¹.

Постоянно применяемым приемом общения с революционно настроенным читателем было для З. Сераковского проецирование зарубежных событий на русскую почву. Вот, например, одно из известий, напечатанных в марте 1857 г.: «Несмотря на уничтожение невольничества, вывоз сахара увеличился в вест-индских колониях в последние годы. Противники освобождения невольников всегда предсказывали совершенное разорение колоний, упадок плантаций, предсказывали, что без невольников нельзя будет получить ни одного фунта сахару. События не оправдали этих ложных возгласов. События подтвердили непреложную истину, что свободный труд увеличивает производство. Впрочем, этот вопрос давно уже решен историей. В начале средних веков было только два класса людей на Западе: феодальные владельцы и *glebae adscripti* — производители. В настоящее время *glebae adscripti* исчезли, и, кажется, поземельные владельцы не могут жаловаться, чтобы их поместья приносили меньше дохода, чем в средневековое время. Следовательно, не только человеколюбие, но и выгоды поземельных владельцев настоятельно требовали принужденный труд заменить свободным. История разрешила уже этот вопрос; и напрасно плантаторы не считали нужным изучать историю и слушаться ее советов»¹².

В этих словах заключена скрытая полемика с экономистом Л. В. Тенгоборским, который, имея в виду выгоды помещиков, утверждал, что еще

⁸ В. А. Дьяков. Сигизмунд Сераковский. М., 1959, с. 29.

⁹ «Современник», 1856, № 11, с. 149.

¹⁰ «Русская литература», 1953, № 3, с. 150.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

¹² «Современник», 1857, № 3, с. 179—180.

рано отменять крепостное право. Труд Тенгоборского «О производительных силах России» (вышедший в Париже в 1852—1855 гг. на французском языке и затем издававшийся в Москве по-русски) был широко известен, поэтому современники могли легко соотнести с ним сведения из «Заграничных известий». Через год, когда обсуждение вопросов отмены крепостного права в России будет дозволено цензурой, к критике Тенгоборского вернется Н. Г. Чернышевский. В статье «О новых условиях сельского быта» он — уже на примере из экономики Дании — покажет, что освобождение крестьян «повсюду неизменно... было соединено с быстрым возвышением доходов помещика...»¹³.

Чаще всего автор «Заграничных известий» обращался к американской действительности — сказывался многолетний интерес Сераковского к этой стране, глубокое изучение американских печатных источников. Сераковский по достоинству оценивал революционность войны за независимость в Северной Америке (1775—1783). Великими и славными он называл основателей республики — Вашингтона, Джефферсона, Франклина, которые были для него символами революции. Его мысли были созвучны идее, выраженной в словах Тараса Шевченко: «Коли ми діждемося Вашингтона з новим і праведним законом?»¹⁴.

Положение, сложившееся в Америке к середине XIX в., по мнению революционеров-демократов, было сходным с ситуацией в России по двум пунктам: во-первых, наличие подневольного труда, во-вторых, необходимость вооруженной борьбы за его уничтожение. Этим «русско-американским» проблемам посвящены многие работы в «Современнике». Достаточно вспомнить слова Н. Г. Чернышевского — «коренное зло в Соединенных Штатах — невольничество»¹⁵, сказанные им в статье о книге известного американского буржуазного экономиста Г. Кэри. Первым же публицистом «Современника», использовавшим понятие «рабовладельческая Америка» для обозначения крепостнической России, был Зигмунт Сераковский. Тема «крепостное право — невольничество», рассматриваемая им из номера в номер, нашла свое наиболее яркое выражение в статье «Взгляд на внутренние отношения Соединенных Штатов»: «В настоящее время вопрос о невольничестве в Северной Америке самый важный и не терпящий отлагательства. Если б даже удалось устранить его на время, он возродился бы с новой силой, угрожая беспрерывными волнениями и смутами, доколе не будет решен окончательно»¹⁶.

Чрезвычайно интересно для истории русской журналистики сравнение подцензурной оценки крепостного права, данной Сераковским, с бесцензурной — герценовской. Герцен в предисловии ко второму изданию «Крещеной собственности» пишет о крепостном праве как о «язве» и «пятне» России¹⁷. И публицист «Современника» дает такое же определение, говоря об Америке, имея в виду Россию: «Одно *пятно* видно на ее (Америки.— П. У.) знамени, усеянном звездами, — невольничество, вот *язва* в настоящем и угроза в будущем»¹⁸.

Ярким свидетельством взаимодействия сложившихся во второй половине 50-х годов петербургского и лондонского революционных центров

¹³ Н. Г. Чернышевский. Там же, т. 5, 1950, с. 79.

¹⁴ Т. Г. Шевченко. Повне зібр. творів у шести томах, т. 2. Київ, 1963, с. 296.

¹⁵ Н. Г. Чернышевский. Там же, т. 7, с. 920.

¹⁶ «Современник», 1857, № 4, с. 67.

¹⁷ А. И. Герцен. Собр. соч., т. 12. М., 1957, с. 94.

¹⁸ «Современник», 1857, № 7, с. 127. (Выделено мной.— П. У.)

является сообщение, в котором зашифровано непосредственное обращение Сераковского к Герцену и Огареву со страниц «Современника» в марте 1857 г.: «В Англии совершенно полная свобода книгопечатания. Каждый англичанин может напечатать все, что ему заблагорассудится. Но книга, памфлет является одним, двумя, десятью изданиями, — следовательно, она не производит такого влияния, как журнал или газета, которая каждый день может твердить одно и то же»¹⁹.

Читатели той поры без труда раскрывали заключающийся здесь скрытый смысл. Герценовские издания в России были запрещены, но, несмотря на это, они получили широкое распространение. «Полярную звезду» встречали с энтузиазмом, переписывали и пересказывали. Вот почему, коль речь зашла о свободе книгопечатания в Англии, читатель «Современника» (а именно он чаще всего становился читателем «Полярной звезды» и других изданий А. И. Герцена) должен был подумать о русской вольнице в Лондоне.

«Заграничные известия» выражали солидарность с Герценом, поддержку его деятельности, понимание необходимости и полезности расширения форм революционной пропаганды, призыв к изданию нового действенного революционного органа, каким впоследствии и стал «Колокол». В словах Сераковского заключалось мнение целого круга единомышленников, составивших революционно-демократическое ядро редакции журнала «Современник». За единство действий с основателем Вольной русской типографии выступали и Чернышевский и Добролюбов, активно борющиеся за Герцена-демократа. Н. А. Добролюбов, как известно, распространял лондонские издания, а в 1857 г. стал одним из первых корреспондентов «Колокола».

Для выражения своих чувств в связи с известием о скором выходе первого номера «Колокола», Сераковский умело использовал прием, примененный Н. Г. Чернышевским в «Очерках гоголевского периода русской литературы». Когда необходимо было указать на дружбу Огарева с Герценом, имя которого было запрещено так же, как его произведения, Чернышевский ввел в свое повествование греческих героев — друзей Патрокла и Ахилла. Читатели узнавали Герцена с Огаревым и понимали, что современной Троей, против которой борются герои и которая будет сокрушена, является твердыня самодержавия.

В майском номере 1857 г. Сераковским были названы французские республиканцы Жюль Мишле и Эдгар Кине: «Там, где есть прекрасные старики, как Мишле, Кине, которые благословляют и призывают на труд и подвиг молодое поколение, и возвещают эпоху возрождения, там нельзя отчаиваться за будущность»²⁰. Современники, интересовавшиеся событиями 1848 г., знали, что Жюль Мишле и Эдгар Кине так же, как Герцен и Огарев, были соратниками по борьбе. Кине являлся членом Учредительного и Законодательного собраний республики и после контрреволюционного государственного переворота в 1851 г. вынужден был эмигрировать из Франции. Через год Мишле отказался присягнуть Наполеону III.

К восприятию параллели Мишле, Кине — Герцен, Огарев читатели были подготовлены еще в предыдущем номере «Современника». Сераковский открыто сопоставлял деятельность Жюля Мишле и Т. Н. Грановского, друга Герцена и Огарева: «Мы не разделяем... всех взглядов Мишле, не подлежит сомнению, что он увлекается и нередко произносит несправедливые приговоры и часто впадает в риторику. Но вот в чем мы видим его главную заслугу. Никто из французских ученых не умеет лучше его вну-

¹⁹ «Современник», 1857, № 3, с. 176.

²⁰ «Современник», 1857, № 5, с. 94.

шить любовь к истине, веру в ее торжество... Кто из юношей, читая его „Орлеанскую деву“, не чувствовал готовность пожертвовать собою для спасения Отечества? У нас был один человек, которого можно сравнить с Мишле — это Грановский. Французский ученый провел жизнь в архивах и только изредка являлся на кафедре; русский деятель начал и кончил свое поприще на университетской кафедре. Но между ними обоими есть много общего: оба они были учителями молодого поколения и образовали не столько ученых, сколько людей благородных»²¹. Эти слова заставляли вспомнить не только Грановского, чью силу Герцен видел «в постоянном, глубоком протесте против существующего порядка в России»²², но и самого Герцена.

Политические симпатии З. Сераковского проявились так отчетливо, что привлекли внимание чиновника особых поручений при министерстве народного просвещения графа Комаровского, наблюдавшего за направлением периодических изданий. В обнаруженном нами в Центральном историческом архиве СССР рапорте от 23 мая 1857 г. граф-цензор, процитировав слова Сераковского, сделал вывод об их предосудительности, поскольку Мишле страстно выступал против французской королевы. В результате доноса товарищ министра князь Вяземский принял решение «поставить о вышеизложенном на вид цензирующему журнал „Современник“ цензору Санкт-Петербургского цензурного комитета статскому советнику Лажечникову и редактору сего последнего, чтобы он впредь был осторожнее при выборе статей для своего журнала»²³.

Основную задачу свою Сераковский как публицист видел в пробуждении революционной инициативы народа. «Нужно создать новый мир», — провозглашал он. — «Все разумное должно осуществиться»²⁴. Выступления З. Сераковского, полные веры в революционное преобразование общества, созвучны с мыслями Н. А. Добролюбова о том, что «современная путаница не может быть разрешена иначе, как самобытным воздействием народной жизни»²⁵. Подцензурное выражение этой мысли Добролюбовым («Не препятствуй только развитию крестьян...»²⁶) даже текстуально близко с высказанными ранее словами Сераковского: «Смотрите на крестьян с уважением и надеждой... Дайте ему (крестьянину. — П. У.) возможность свободно развиваться»²⁷.

К середине 1857 г. ни Секретный, ни Особый комитеты, созданные царем, не предприняли никаких конкретных мер в пользу отмены крепостного права. «Все реформы до сих пор ограничиваются фразами и далее риторика не идет»²⁸, — возмущался А. И. Герцен. Того же мнения был и публицист «Современника», заявивший, что «время декламации прошло»²⁹. З. Сераковский одним из первых выступил на стороне Чернышевского против либеральных реформаторов, у которых «много слов, а мало дела»³⁰. Он едко высмеял тип «сладенького либерала», не любящего сильных увлечений: «У него все, и успех, и гениальность, и любовь, все должно быть умеренно»³¹.

²¹ «Современник», 1857, № 4, с. 332.

²² А. И. Герцен. Там же, т. 9, 1956, с. 122.

²³ ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, ч. 2, ед. хр. 2151, л. 1—3.

²⁴ «Современник», 1857, № 4, с. 325.

²⁵ Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 9. М.—Л., 1964, с. 408.

²⁶ «Современник», 1858, № 1, смесь, с. 106.

²⁷ «Современник», 1857, № 7, с. 130.

²⁸ А. И. Герцен. Там же, т. 12, 1957, с. 94.

²⁹ «Современник», 1857, № 7, с. 128.

³⁰ «Современник», 1856, № 12, с. 123.

³¹ «Современник», 1857, № 1, с. 142.

Вера в народ, в крестьянскую революцию роднит творчество З. Сераковского с идеями ведущих сотрудников «Современника» — Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. В своей публицистической деятельности он проявил себя ярким представителем революционно-демократической идеологии и просветительства в России, основными чертами которых были: 1) вражда «к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области»; 2) «...защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России»; 3) «...отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян..., искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому»³².

Поляк З. Сераковский, как и виднейший русский революционный просветитель Н. Г. Чернышевский, стремился «составить себе справедливое понятие о современном состоянии европейской науки и цивилизации»³³. Понимая, что развитие производительных сил ведет к крушению феодализма, он в ответ на консервативные выступления славянофилов против усвоения Россией форм западноевропейской жизни решительно заявил: «Петр Великий, — сказал поэт, — прорубил окно в Европу. Через десять лет железные дороги соединят нас более с Европой — тогда будут открыты и двери настежь»³⁴.

Мысль о великом значении развития техники нашла отражение и у Шевченко. 27 августа 1857 г. в своем «Дневнике» поэт-революционер записал: «Великий Фультон! И великий Уатт! Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя в скором времени пожрет кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуется, как школьник леденцом. То, что начали во Франции энциклопедисты, то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное гениальное дитя. Мое пророчество несомненно»³⁵. Это высказывание давно заинтересовало исследователей³⁶, однако до сих пор не обращено внимание на его прямую связь как с мыслями З. Сераковского, так и с положениями написанной ранее (в январе 1848 г.) статьи Ф. Энгельса «Начало и конец Австрии». В частности, о последствиях строительства железных дорог там сказано: «Горные преграды, отделявшие австрийскую монархию от внешнего мира, Богемию от Моравии и Австрии, Австрию от Штирии, Штирию от Иллирии, Иллирию от Ломбардии, — эти преграды рушатся перед железными дорогами. Гранитные стены, за которыми каждая провинция сохраняла свои национальные особенности и вела замкнутую местную жизнь, перестают служить преградой»³⁷. И далее Энгельс рассказывает, «как Меттерниха и всю династию Габсбургов сокрушают колеса паровой машины, как австрийская монархия разрезается на куски ее собственными локомотивами»³⁸.

Совпадение высказываний украинского и польского революционеро-демократов с выше приведенными отрывками знаменательно в любом случае: самостоятельно ли пришли Шевченко и Сераковский к мыслям, отраженным ими в «Современнике» и в «Дневнике», или яркое публицистиче-

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 519.

³³ Н. Г. Чернышевский. Там же, т. 3, 1947, с. 83.

³⁴ «Современник», 1857, № 5, с. 95.

³⁵ Т. Г. Шевченко. Там же, т. 5, с. 109.

³⁶ В. Анісов, Є. Серєда. Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка. Київ, 1976, с. 217; О. Білецький, О. Дейч. Тарас Григорович Шевченко. Київ, 1961, с. 157; И. Д. Назаренко. Общественно-политические, философские, эстетические и атеистические взгляды Т. Г. Шевченко. Киев, 1964, с. 249—250.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, с. 475.

³⁸ Там же, с. 476.

ское выступление Энгельса в газете «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» было им уже известно. Так или иначе это еще одно яркое свидетельство высокого уровня их революционного демократизма.

Привлекая З. Сераковского к составлению «Заграничных известий», Н. Г. Чернышевский поделился своими планами, идеями. Это отразилось уже в том, что постоянной мишенью своей критики Сераковский избрал французский журнал «Revue des deux Mondes» — одно из тех изданий, которые Чернышевский называл «главными богадельнями для... беззубых воздыханий». Из этого источника, по мнению автора «Очерков гоголевского периода русской литературы», черпалась славянофильская мысль о неспособности западной цивилизации к развитию³⁹. Сераковский выявил классовую сущность игры в разочарование на страницах «Revue des deux Mondes». Он убежден, что рессимистические взгляды французских публицистов, на которые ссылались славянофилы, формировались в гостиных богачей, пресытившихся жизнью. Его взгляд полон оптимизма: «Мы живем в великое время, — время, по преимуществу драматическое»⁴⁰. Можно судить, что отсчет этого великого европейского времени он ведет от Великой французской революции, уничтожившей феодально-абсолютистский строй у себя в стране⁴¹. С фактами и доказательствами вступал З. Сераковский в полемику со славянофилами, рассказывая о гигантском развитии производительных сил на Западе, об успехах науки: «В великое время мы живем: в физическом мире современный человек решительно стал овладевать всеми силами природы»⁴². Внимание З. Сераковского привлекает перспектива открытия Суэцкого канала, улучшавшего морское сообщение между странами, он предсказывает великое будущее воздухоплаванию. З. Сераковский прекрасно понимал, что далеко не все, формально провозглашенное на Западе, стало нормой европейской жизни. Однако в подцензурном журнале только на заграничных примерах ему и можно было открыто пропагандировать революцию, республику, самоуправление, свободу печати, свободу новости и вероисповедания, гласность в судах и т. п. Не переоценкой значения европейской цивилизации, как, на наш взгляд, ошибочно указал А. Кушаков, а последовательными революционно-демократическими взглядами Сераковского как просветителя объясняется его внимание к Западной Европе и США. Что касается пороков буржуазного общества, то в «Заграничных известиях» они получили реалистическое отражение. Иначе и не могло быть в журнале, редактировавшемся таким глубоким критиком капитализма, как Чернышевский.

Обозревая в «Заграничных известиях» экономическое положение капиталистических стран, З. Сераковский пишет о бедствиях парижских рабочих, об угрозе голодной смерти, вставшей перед ирландскими крестьянами, о пауперизме в Англии, Швейцарии и других европейских странах. Резким контрастом тяжелому материальному положению трудящихся классов, страданию «измученных и голодных» были представленные в «Современнике» «картины из жизни счастливых мира сего»⁴³ — представителей буржуазии. Ему было абсолютно ясно, что обнищание масс так же закономерно при капитализме, как и концентрация богатства в руках буржуазии. В «Заграничных известиях» на фоне народных бедствий предстают омерзительные фигуры тунеядцев из высшего общества. Страсть наживы настолько одолевает буржуазию, что она легко идет даже на уголов-

³⁹ Н. Г. Чернышевский. Там же, т. 3, с. 83—84.

⁴⁰ «Современник», 1857, № 5, с. 95.

⁴¹ «Современник», 1856, № 11, с. 141.

⁴² Там же, с. 144.

⁴³ «Современник», 1857, № 5, с. 101.

ные преступления. «Заграничные известия» доказывали, что между «честной» предпринимательской деятельностью и тривиальной кражей нет никакой особой грани: «Если цель жизни нажиться, не у каждого достанет твердости наживаться законным образом»⁴⁴.

В своих обзорах З. Сераковский неустанно разоблачал антинародный характер буржуазных политических институтов, обращал внимание на то, что несмотря на провозглашение всевозможных демократических свобод, власть в капиталистических странах узурпируется богачами. Там, в Соединенных Штатах, отмечал он, «свобода подачи голосов на деле уничтожена»⁴⁵, республика управляется олигархией. В одном из своих известий Сераковский приводит данные о расходах на выборную кампанию очередного кандидата в американские президенты Дж. Бьюкенена (по тогдашней русской транскрипции — Буканана), убедительно доказывая, что у власти может находиться или очень состоятельный человек, или ставленник богачей. Тут же отмечается продажа ораторов, выступавших с речами, агитируя за своего кандидата: «1000 ораторов по 500 долларов каждому за три месяца»⁴⁶. Письменное слово тоже было предметом купли — продажи. Сераковский с сарказмом рассказывает о пути к обогащению французского журналиста Жирандена: «Г. Эмиль Жиранден служил всем партиям и достиг своей цели, нажился... честь и слава победителю!»⁴⁷.

Сотрудничество З. Сераковского в «Современнике» не ограничивалось публицистическими выступлениями. Агитатор с практической жилкой, он сыграл видную роль в сплочении редакции на революционно-демократической основе. Поступив осенью 1857 г. в Академию Генерального штаба, Сераковский способствует сближению с «Современником» прогрессивно настроенных офицеров. Один из мемуарных источников связывает с именем Сераковского факт редактирования Н. Г. Чернышевским «Военного сборника», который в 1858 г. стал своеобразным приложением к «Современнику». «Об участии Чернышевского в журнале военного министерства, — писал В. Н. Шаганов, — я постараюсь сказать после, по поводу Сераковского — офицера Генерального штаба»⁴⁸.

Указание на близость З. Сераковского к кругу лиц, издававших «Военный сборник», содержится и в «Записках и заметках» М. А. Домонтовича, где речь идет о том, что «прапорщика из ссыльных (т. е. Сераковского. — П. У.)... можно было встретить как своего человека у многих тогдашних влиятельных людей, между прочим, и у Карцева»⁴⁹. Обер-квартирмейстер Отдельного гвардейского корпуса генерал Карцев (Карцов) был одним из тех, кто нес ответственность за издание «Военного сборника». Именно от него исходило приглашение Н. Г. Чернышевскому на пост редактора этого журнала⁵⁰. Возможно, сама идея этого приглашения была подана Карцеву Сераковским.

Подтверждением этой гипотезы может служить одновременное появление во втором номере «Современника» за 1858 г. объявления о предстоящем выходе «Военного сборника» и рассказа «„Чудо“ Морского сборника», написанного ближайшим другом и соратником Сераковского, его «alter ego» — Яном Станевичем (псевдоним Иван Путинка). Рассказ, по сути,

⁴⁴ «Современник», 1856, № 12, с. 273.

⁴⁵ «Современник», 1857, № 4, с. 97.

⁴⁶ «Современник», 1857, № 1, с. 143.

⁴⁷ «Современник», 1856, № 12, с. 273.

⁴⁸ В. Н. Шаганов. Н. Г. Чернышевский на каторге и ссылке. СПб., 1907, с. 7. В примечании к приведенным словам указано, что «автор своего обещания не выполнил».

⁴⁹ «Русско-польские революционные связи», т. I. М., 1963, с. 204.

⁵⁰ Н. Г. Чернышевский. Там же, т. 14, 1949, с. 352.

был программным: в нем намечались главные темы нового журнала под редакцией Чернышевского — отстаивание человеческого достоинства солдата, обличение невежества офицеров-крепостников, борьба с рукоприкладством, обкрадыванием «нижних чинов».

Чрезвычайно важным представляется и то, что З. Сераковский особое внимание уделял хлопотам об освобождении от солдатчины Т. Г. Шевченко. Царского решения об этом освобождении удалось добиться 1 мая 1857 г., и есть основания предположить, что страстные слова, приведенные З. Сераковским в «Заграничных известиях» майского номера «Современника», имеют непосредственное отношение к Великому Кобзарю: «Преследования, темницы, эшафоты, костры не могли подавить человеческого духа. Бывали времена, когда палач брал верх (например, в Испании, в Италии), но победа всегда оставалась неполной и бесплодной. Был всегда уголок в мире, где угнетенная совесть восставала, где она провозглашала права свои у подножья эшафота. Преследования никогда не поддержат отжившего порядка. Римские императоры и проконсулы свирепствовали — христианство торжествовало. И потому не парадокс, не пустая фраза, но исторический вывод: в сущности, в окончательном выводе, преследования остаются бессильными и способствуют даже торжеству гонимых идей»⁵¹.

Так Зыгмунт Сераковский приветствовал освобождение своего идейного вдохновителя, соратника по борьбе с царизмом. Примечательно, что уже в первый день пребывания в Петербурге Шевченко встречается с Сераковским. 28 марта 1858 г. в «Дневнике» поэта появляется запись: «Вечер провели мы у В. М. Белозерского, моего союзника и соседа по каземату в 1847 г. У него встретил я моих соизгнанников оренбургских — Сераковского, Станевича и Желяковского (Сову). Радостная, веселая встреча. После сердечных речей и милых родных песен мы расстались»⁵². Сераковский способствовал сближению великого украинского поэта-революционера с кругом «Современника» и, как считают исследователи, познакомил Т. Г. Шевченко с Н. Г. Чернышевским⁵³. На квартире Сераковского происходили встречи революционеров-демократов России, Украины и Польши.

Сотрудничество Зыгмунта Сераковского в боевом органе российской революционной демократии явилось значительным вкладом в освободительное движение в России, важным этапом создания русско-украинско-польского революционного союза. Опыт, приобретенный Сераковским в кругу «Современника», стал его оружием в дальнейшей борьбе.

⁵¹ «Современник», 1857, № 5, с. 111.

⁵² Т. Г. Шевченко. Там же, т. 5, с. 220.

⁵³ В. А. Дьяков. Тарас Шевченко и его польские друзья. М., 1964, с. 108—109; Н. М. Чернышевская. Н. Г. Чернышевский и Т. Г. Шевченко. Киев, 1974, с. 29; Е. С. Шаблювский. Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы. Киев, 1975, с. 58.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

1. «Две дисциплины — языковедение и археология — дополняют друг друга в достигаемых ими результатах: первая обеспечивает этнической этикеткой данные культуры, дошедшие до нас в виде лексических материалов, вторая, обращаясь к данным культуры, найденным в археологических раскопках, достаточно точно локализует их в о в р е м е н и и абсолютно точно в п р о с т р а н с т в е; синтезирование же научных результатов и характеристика всего материала одновременно в этническом, хронологическом и географическом аспектах вызывают серьезные трудности. Исключение составляет [...] топонимика: материал, **которым** она оперирует, размещен в пространстве и вместе с тем поддается рассмотрению в отношении языкового происхождения и времени возникновения»².

Эта цитата из работы Генрика Ловмянского удачно (хотя, может быть, и слишком оптимистично) подчеркивает специфику топонимических материалов, которые часто являются самым ранним и единственным языковым документом, относящимся к определенным территориям. Ранним происхождением этих материалов и тесной связью названий с определяемыми ими объектами (что дает возможность точно локализовать языковые факты) определяется особое место, которое ономастические материалы занимают в этногенетических исследованиях.

Вопрос о локализации этих материалов во времени уже не является ни простым, ни однозначным (несмотря на то, что большинство топонимических записей в источниках точно датировано). При локализации во времени наиболее древних топонимических пластов одной из самых трудных представляется проблема возможности заимствования названия какого-либо крупного объекта от этнических групп, прежде населявших данную территорию, а также способность языковых систем, заимствующих эти названия, полностью их ассимилировать. Следует также подчеркнуть сложный характер ономастического материала, включающего в себя: 1) самый древний слой, богаче всего представленный макрогидронимией; его языковой генезис часто неизвестен вследствие неясной или спорной

¹ Материалом для статьи в большой степени послужили данные хранящейся в Институте славяноведения ПАН в Варшаве «Картотеки языковых фактов, используемых как доказательство, касающиеся этногенеза славян». О принципах и характере этой картотеки см. Н. П о п о в с к а - Т а б о р с к а. Współczesne prace językoznawcze nad etnogenezą Słowian i zarysowujące się perspektywę badawczą. «Rocznik Słowistyczny» (в печати).

² Н. Ł o w m i a ń s k i. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu, t. I. Warszawa, 1964, s. 28.

этимологии и морфологической структуры; 2) слой названий настолько ясных, что вполне возможно их закрепление за определенной языковой группой; 3) более поздний слой названий с совершенно ясной этимологией и словообразовательной мотивацией; 4) весь макротопонимический материал, обычно с поздней датировкой, ведущий свое происхождение от апеллятивов; законы развития, которым он подчиняется, близки к законам развития апеллятивов. Материал этот показывает, что территориальное распределение отдельных корней зависит от лексических ареалов, а распределение суффиксов — от территориальных границ отдельных словообразовательных классов. В зависимости от того, с каким ономастическим слоем мы имеем дело в этногенетических разысканиях, будет складываться подход к материалу и характер окончательных выводов.

II. Как следует из сказанного выше, способы рассмотрения ономастического материала в этногенетических исследованиях могут быть очень разнообразными.

II.1. Широко практикуется анализ ономастических материалов с точки зрения их языкового генезиса. Обычно он применяется по отношению к самому древнему слою, этимология которого недостаточно ясна и дискуссионна. При обращениях к этому материалу чаще всего возникают весьма разнообразные гипотезы, вызванные неопределенностью языковых источников, которая нередко приводит к диаметрально противоположным выводам³. Обычно они опираются на макрогидронимию, которая по своей природе является самым древним слоем и отражает всю сложность отношений, существующих между этносом и языком. В исследованиях этого типа генезис отдельных названий довольно часто приписывается языкам, о которых из-за отсутствия полных свидетельств мы знаем в настоящее время очень немного. Выдвигаемые в этом случае гипотезы не могут быть подкреплены вполне достоверным материалом и почти никогда не выходят за рамки предположений, мало поддающихся проверке. С другой стороны, на характере исследований сказывается уровень наших знаний о тех или иных языках. Естественно, что в поисках этимологий неясных названий мы склонны обращаться к языкам, известным нам лучше и исследованным более обстоятельно, дающим много сравнительного материала, что при анализе древнейших номенклатурных слоев не всегда бывает оправдано с исторической точки зрения.

II.2. В случае этимологически прозрачных названий можно подвергнуть анализу их корни. Исследования связаны либо с изучением ареала распространения определенных апеллятивов, содержащихся в этих корнях⁴, либо с попытками наметить границы распространения связанных

³ В этом отношении одним из наиболее ярких примеров является различная интерпретация названий рек бассейна Одера и Вислы в работах: J. R o z w a d o w s k i. *Studia nad nazwami wód słowiańskich*. Kraków, 1948, s. 302; T. L e h r - S p ł a w i Ń s k i. *Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych*. «Rocznik Slawistyczny», 1960/1961, XX-1, s. 22; T. M i l e w s k i. *Nazwy z obszaru Polski podejrzane o pochodzenie wenetyjskie lub illiryskie*. «Slavia Antiqua», 1964, XI, s. 37—86; M. R u d n i c k i. *O prakolebce Słowian*. In: *Z polskich studiów slawistycznych*. Warszawa, 1972, s. 326—328; M. V a s m e r. *Die Urheimat der Slaven*. «Der deutsche Volksboden». Breslau, 1926, S. 118—143.

⁴ Так, например, Е. Налена (см. J. N a l e p a. *Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Podstawy jedności i jej rozpad*. Poznań, 1968, s. 59—75) на основе зафиксированных в северо-западнославянских и южнославянских названиях местностей славянских корней **brd-*, **krak-*, **nakъl-*, **sopot-*, стремится доказать генетическую связь южных славян с северо-западными. Й. Удольф в только что опубликованной статье [Zum Stand der Diskussion um die Urheimat der Slaven (mit zwei Karten). «Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge», 1979, Bd. XIV, H. I, s. 1—25], размышляя над этногенетическими проблемами, также анализирует апеллятивы, содержащиеся в славянских названиях местностей.

с ботанической терминологией названий, и сопоставить их с реальными зонами распространения деревьев и растений⁵.

Встречаются и рассуждения, ведущие к заключениям, касающимся материальной и духовной культуры, а также общественной жизни древних славян⁶. Главным условием логичности рассуждений во всех этих случаях является анализ самых ранних зафиксированных названий и привлечение возможно более полного сопоставительного материала со всей славянской территории. При наличии нескольких свидетельств источников об одном и том же названии необходимо, конечно, сравнительное изучение всех известных записей. Каждое заключение при этом должно четко соотноситься с конкретными этапами истории славян. Параллельно с этим весьма желательно использовать также данные о распространении соответствующих апеллятивов на современной славянской территории, хотя следует помнить, что ономастические образования в структурном и семантическом отношениях нередко отклоняются от апеллятивов и, более того, некоторые корни в современных славянских апеллятивах уже не отмечены. Разумеется, следует избегать слишком поспешных выводов при анализе тех названий, которые несомненно возникли в поздний период и никак не связаны с древней историей славян⁷. Ограниченную ценность и в этих рассуждениях имеют недостаточно ясные названия, допускающие возможность нескольких различных интерпретаций.

На топонимический материал опираются также рассуждения о времени и характере колонизации. Первоочередным здесь является вопрос о том, может ли отсутствие на данной территории инородных названий служить достаточным основанием для вывода об автохтонности этнической группы, населяющей ныне эту территорию. Часть исследователей⁸ не

⁵ Е. Налеча (Ibid., s. 75—76) объясняет многочисленные южнославянские названия вод и местностей, происходящие от апеллятива *bukъ 'Fagus silvatica', генетическими узлами южных славян с северо-западными территориями: «Если южные славяне имеют сотни топонимов от *бука*, то из этого, вероятно, следует, что они происходят из земель, где росло это дерево, т. е. не из восточных земель, но из северо-западнославянских» (Ibid., s. 76). Подобное рассуждение автор применяет к выступающим в южнославянской ономастике апеллятивам *tisъ 'Taxus baccata', *glogъ 'Crataegus'; *avorъ, *javorъ 'Acer pseudoplatanus'. С. Рослонд (см. S. Roslund. Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-ysk-*. Wrocław, 1969, s. 380) в свою очередь обращает внимание на возможность составления карт почв, лесов, растительности и фауны на основе славянских топонимов с суффиксом *-ysk-* и *-yn-*.

⁶ Диапазон этих исследований очень разнообразен. См., например, выводы М. Фасмера относительно лесного хозяйства праславян, основанные на названиях местностей типа *Praga, Görlitz* (M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde, I. Berlin, 1971, S. 80—99). Ср. также способ воссоздания давних племенных границ по названиям местностей типа *Stup, Stróże, Zawada, Osiek*, связанных с организацией обороны на окраинах поселений (см. об этом подробнее Н. Ёлшиана́ски. Ibid., III, s. 98 и далее). К особой области исследований, касающихся духовной культуры праславян, относятся попытки выяснения этимологии имен славянских божеств с целью реконструкции славянской мифологии (работы типа Л. Сгера́жас. Zum slav. Stribog. «Die Welt der Slaven», 1967, XII, I, S. 19—21). Ср. в связи с этим главу, посвященную религии праславян в книге: М. Рудницки. Praslaviańszczyzna — Lechia—Polska, II. Wspólnota słowiańska. Wspólnota lechicko-polska. Warszawa, 1961, s. 120—125; основу ее составляет этимологическая интерпретация названий славянских божеств. Ср. также предпринимаемые в настоящее время В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым (Исследования в области славянских древностей. М., 1974) опыты реконструкции духовной культуры древних славян, опирающиеся на этимологический анализ названий славянских божеств.

⁷ Так, например, М. Рудницкий (Praslaviańszczyzna — Lechia — Polska, II, s. 124) на основе местных названий типа *Konojady, Konojedzko*, имеющих, несомненно, характер прозвищ, строит гипотезу о том, что в этих названиях, возможно, сохранились следы обряда жертвоприношения (жертвенного умерщвления) коней славянским божествам.

⁸ Например, К. Мошиньский (см. Pierwotny zasięg języka praslaviańskiego, s. 167)

видит в этом факте решающего аргумента, хотя признает, что отсутствие неславянских названий делает более правдоподобной гипотезу об исконном характере славянских поселений. Другие склонны строить на этом куда более далеко идущие выводы⁹.

Есть также попытки делать заключения о времени и характере колонизации на основе названий, означающих лесной покров (типа польск. *Bory, Bukowina, Lipiny, Zalesie, Zagaje*). Считается, что эти названия относятся к позднему периоду колонизации лесных районов и намечают пределы дальнейших очередных этапов распространения славянской стихии¹⁰.

И.З. Совершенно особую область исследований представляет рассмотрение ономастического материала с точки зрения морфологии. На этот сугубо существенный метод обратили внимание сравнительно поздно, однако в настоящее время проблема распространения определенных славянских топонимических структур находится уже в центре внимания ономастов и может послужить важным исходным пунктом в плане соотнесения с ранней историей славян¹¹. Интерес к морфологической структуре отдельных названий связан также с современными принципами этимологических исследований, предполагающих, как правило, возможно более полный словообразовательный анализ, предшествующий окончательным выводам относительно генезиса названий¹².

В рассуждениях о хронологии заселения славянских территорий часто учитывается первичный или вторичный характер словообразовательной структуры названий отдельных территорий. По мнению некоторых исследователей¹³, преобладание первичных названий, а также вторичных названий, характеризующихся архаичной основой и древними формантами, говорит в пользу раннего заселения, и наоборот — преобладание назва-

⁹ Так, например, З. Голомб (*Z. G o ł a b. Etnogenezata na Slovenite vo svetlinata na lingvistikata. «Makedonski jazik», 1968, XIX, s. 5—20*) на основании славянского генезиса названия реки *Варта* склонен признать, что славяне находились в ее бассейне с античных времен. Одновременно он исключает возможность пребывания праславян в бассейне верхнего Днепра ввиду того, что гидронимия этого района носит явно балтийский характер.

¹⁰ Ср. Н. Ł o w m i a ń s k i. *Ibid.*, III, s. 52.

¹¹ Необходимость исследования определенных ономастических структур выявляет и подчеркивает в своих многочисленных ономастических работах С. Роспонд, справедливо утверждая, что «в настоящее время славистика ищет новые, внефонетические, то есть морфологические и лексические критерии языкового родства [...]». Ценные материалы можно черпать из данных ономастики, поэтому следует их пополнять, анализировать и синтезировать (S. R o s p o n d. *Stratygrafia toponimiczna. In: Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1958, s. 184*). До сих пор эти намерения наиболее полно реализованы в опубликованном С. Роспондом двухтомнике работ под названием «*Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych (Próbny atlas toponomastyczny)*». Wrocław, 1974, 1976. В них рассмотрены славянские названия на *-itjo, -bšk- u -yn-*. В трех сериях карт указан территориальное распределение топонимов, представляющих данные образования с древнейших времен по XII в. включительно и с XII в. до самого последнего времени.

¹² Примером такого метода исследований является книга: В. Н. Т о п о р о в и О. Н. Т р у б а ч е в. *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья (М., 1962)*, в которой основная классификация материала опирается на анализ словообразовательных формантов. Ср. также работу О. Н. Трубочева «*Названия рек правобережной Украины*» (М., 1968), содержащую обратный словарь гидронимов и словообразовательный комментарий к нему.

¹³ Так, например, по мнению Т. Лера-Сплавиньского (*Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych*), словообразовательная структура названий рек бассейна Одера и Вислы указывает на более древнее происхождение этих названий по сравнению с названиями бассейна Днепра с их более сложной словообразовательной структурой. В связи с этим ср. также S. R o s p o n d. *Prasłowianie w świetle onomastyki. I Międzynarodowy Kongres Archeologii słowiańskiej, Warszawa 14—18 IX 1965. Wrocław, 1968, s. 133—136*.

лий, представляющих дериваты первичных названий, известных на других территориях, склоняет к выводам о более позднем заселении.

Одним из центральных объектов изучения являются также древние, исконно славянские топонимические названия, в частности, образованные при помощи формантов **-itj-* и **-ьsk-*¹⁴. Обычно обращают внимание на то, что эти славянские архетипы продуктивны, главным образом, на севере славянской территории, что дает возможность говорить о древнейших контактах западных славян с восточными на линии Поморье — Мазовше — Древняя Русь. Кроме того, подчеркивается, что территория особой продуктивности этих суффиксов является, вероятно, районом первоначальных исконно славянских поселений¹⁵. Впрочем, из территориального распределения этих славянских архетипов иногда делаются еще более далеко идущие выводы. По мнению некоторых исследователей факт продуктивности образований с **-itj-* оказывается существенным, например, для выводов о первоначальном родовом строе славян. На основании того факта, что на юге славянской территории положение компактного сербохорватского ядра совпадает в общих чертах с границами распространения первичного форманта **-itj-*, тогда как на южнославянской периферии данный тип непродуктивен, делается вывод о раннем исчезновении родовой организации на территории современных Словении и Болгарии¹⁶.

Г. Ловмянский на основании небольшого числа названий с формантом **-itj-* в Болгарии и относительной их редкости на Руси (при значительном количестве на западнославянской территории) склоняется к выводу о том, что существовало два потока колонизации, продвигавшихся на Балканы с востока и с запада славянской территории¹⁷. В свою очередь В. А. Никонов¹⁸ в неравномерном размещении на восточнославянской территории образований с **-itj-* находит повод поставить под сомнение схематическое деление славян на западных, восточных и южных, предполагая в прошлом существование переходных зон, где перекрещивались отдельные группировки.

С. Роспанд¹⁹ видит в названиях мужского рода на *-jь*, *-ьskъ*, *-ovъ* образования с предполагаемым вторым членом **gǫrdъ* и поощряет более детальное их изучение в рамках исследований системы славянского общества, опирающейся на грады.

В исследованиях славянской колонизации особую и, безусловно, слишком широкую функцию приписывает патронимическим названиям Г. Ловмянский²⁰, выводя из них сведения: 1) о заселенных и освоенных

¹⁴ Меньшее значение для этого анализа имеют структуры с *-ьл*, относящиеся к более древнему слою славянской топониматики. Как следует из работ Г. Борека (H. B o r e k. Zachodniowłocławskie nazwy toponimiczne z sufiksem *-ьл*. Wrocław, 1968; Восток, южнославянские топонимы с формантом *-ьл*. В кн. Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 90 и далее), а также из карт, приведенных в книге: S. R o s p a n d. Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych, II, они представляют собой общеславянское образование и не отличаются какими-либо особенно важными для установления этногенеза славян территориальными размещениями.

¹⁵ Ср. S. R o s p a n d. Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-ьsk-*. Wrocław, 1969, s. 377—386; е г о ж е. Południowosłowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem **-itj-*. Kraków, 1937; е г о ж е. Stratygrafia toponimiczna, s. 186. Ср. также H. Ł o w m i a ń s k i. Ibid., III, s. 41 и H. G ó r n o w i c z. Próba rekonstrukcji przedziejów osadnictwa na Powiślu Gdańskim w świetle nazewnictwa. «Onomastica», 1978, XXXIII, s. 55.

¹⁶ S. R o s p a n d. Stratygrafia toponimiczna, s. 186; е г о ж е. Południowosłowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem **-itj-*, s. 213; Ср. также H. Ł o w m i a ń s k i. Ibid., III, s. 89.

¹⁷ H. Ł o w m i a ń s k i. Ibid., II, s. 417.

¹⁸ В. А. Н и к о н о в. Две волны в топонимии Полесья. В кн. Полесье (лингвистика, археология, топонимика). М., 1968, с. 103—204.

¹⁹ S. R o s p a n d. Stratygrafia toponimiczna, s. 186.

²⁰ H. Ł o w m i a ń s k i. Ibid., III, s. 58—59.

территориях, 2) об относительной плотности населения отдельных регионов, 3) об отношении колонизации к географическим условиям, 4) об отношении патронимических названий к расположению археологических памятников, 5) о связи между распространением колонизации и политической географией, иначе говоря, происхождением племен.

Здесь следует отметить, что многие исследователи²¹ уже обращали внимание на тот факт, что попытки делать выводы о ранней истории славян на основе территориального распределения определенных славянских архетипов названий местностей ведут слишком далеко и опираются на чересчур легковесное отношение к установлению периодизации утраты продуктивности определенными формантами. Несомненно, что географическое размещение этих формантов правильнее и осторожнее связывать непосредственно с языковой дифференциацией славян, нежели с колонизационной. Для такого рода рассуждений существенны только названия с ранней датировкой, достаточно точно проанализированные с историко-лингвистической точки зрения.

Особой областью, привлекающей интерес исследователей, является морфологическая структура славянских этнонимов. Среди вторичных образований, представляющих собой чаще всего этнонимы от топографических названий, основными считаются образования на *-janinъ, *-ĕninъ, а также на *-itjo²². Здесь следует отметить, что в последнее время Л. Мошинским²³ предпринята интересная с методологической точки зрения попытка наметить предполагаемые передвижения праславянских племен на основе данных о территориальном расположении названий на -jane, образованных от топонимов (типа *Gołężanie, Łędzianie, Obodrzanie*) и их дериватов на -icy (типа *Gołężycy, Łędzicy, Obodrzycy*), обозначающих происхождение.

II.4. Исторические материалы по ономастике дают также обширную информацию о фонетических изменениях, свидетельствующих о первоначальном распределении славянской территории. Будучи часто самыми древними языковыми свидетельствами, они позволяют наметить относительную хронологию древнейших изменений и пролить дополнительный свет на связи славян с соседними народами. В значительной степени исследования касаются названий районов позднейшей колонизации²⁴, где славянские элементы наслоились на элементы иного происхождения (греческие, романские, фракийские, дакийские, иллирийские, финские, германские). Рассматривается также топонимика неславянских стран, освещающая историю славянской колонизации на север от Дуная. С методологической точки зрения здесь, конечно, важно разграничивать древние славянские топонимы и топонимы, возникшие уже на почве других языков из апеллятивов, представляющих в этих языках славянские заимствования. Лишь первые из них имеют непосредственное отношение к теме

²¹ В связи с этим ср. К. R y m u t. Toponomastyka w służbie badań historyczno-osadniczych (na marginesie III tomu «Początkow Polski» H. Łowmiańskiego). «Onomastyka», 1970, XV, s. 289—297.

²² Ср. S. R o s p o n d. Prasłowianie w świetle onomastyki, s. 128.

²³ L. M o s z y ŋ s k i. Z zagadnień słowotwórstwa prasłowiańskich nazw plemiennych. Referat wygłoszony na Sesji poświęconej etnogenezie i topogenezie Słowian (Poznań, 8—9 XII 1978). См. сб. докладов этой сессии (в печати).

²⁴ Ср. среди прочего: M. V a s m e r. Die Slaven in Griechenland. Abhandlung der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1941; P. S k o k. Slovenstvo i romanstvo na jadranskim otocima. Zagreb, 1950; E. K r a n z m a y e r. Ortsnamenbuch von Kärnten. Klagenfurt, 1956, I; 1958, II; C. h. E. B i d w e l l. The Chronology of Certain Changes in Common Slavic as Evidenced by Loans from Vulgar Latin. «Word», 1961, XVII, p. 105—128; G. Y. S h e v e l o v. A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.

нашей статьи. Кроме того, при анализе определенных фонетических черт особенно важно убедиться в том, что изменение, зафиксированное в записи, относится к явлениям, которые совершались на славянской почве, а не к фактам, возникшим под воздействием иной, неславянской языковой системы.

III. В этногенетическом анализе дополнительную и немалую роль играет специфика рассматриваемых названий, при этом особенно разнородная и специфическая проблематика связана с гидронимическим и этнонимическим материалом.

III.1. Специфика гидронимического материала основывается, прежде всего, на особой устойчивости названий вод как определенных для неизменяющихся географических элементов²⁵. Тем самым, как уже было сказано, названия рек представляют обычно самый древний слой названий; названия крупных речных артерий (которые в примитивных условиях играли существенную коммуникативную роль) следует рассматривать как самые древние и самые устойчивые свидетельства. С этим фактом связана сложность отношений между языком и этносом, что очень отчетливо проявляется в гидронимии. Традиционным является заимствование новыми для данной территории этническими группами иноязычных названий рек и полная адаптация этих названий их собственной языковой системой. В ходе такой адаптации название, конечно, может легко подвергнуться преобразованиям под воздействием характерных особенностей заимствующего языка или распространенных в нем названий. Оно также утрачивает свое первоначальное этимологическое значение и представляет особенно трудную проблему для его будущих исследователей. Как справедливо замечает Я. Сафаревич, «установление принадлежности праформы отдельных речных названий лишь в редких случаях бывает совершенно надежным»²⁶; трудности же в отношении названий рек на славянской территории усугубляются еще и тем, что на землях по Одеру, в Повислье, в Поднепровье и в Поднестровье названия вод имеют почти всегда индоевропейский характер, а значит, и корни, и суффиксы, выступающие в них, обнаруживаются в различных (не только славянских) языках. Дополнительные трудности в этимологических исследованиях возникают из-за невозможности установить определенную семантику соответствующих названий рек, или же из-за возможной многозначности их корней, причем семантический диапазон оказывается здесь очень неточным. (Названия — если говорить в общем плане — могут быть связаны с определением характера воды или же влаги, типа грунта, быстроты или медленности течения, а также с ботаническими или зоологическими признаками). Все это приводит к тому, что мы очень редко имеем дело с единственной этимологией названия реки, напротив, почти для всех больших славянских рек существует несколько этимологий, предлагающих весьма разное языковое происхождение. Кроме того, в большинстве языков названия крупных рек издавна не имеют реального значения. Их связь с соответствующими объектами является «исключительно традиционной»²⁷, и это дает нам право предполагать возможность переноса названий рек как такого рода традиционных элементов.

²⁵ В связи с этим ср., например, доклад Й. Заимова (Макрогидронимия и микрогидронимия в източните балкански земи), прочитанный в 1978 г. на VIII съезде славистов в Загребе; в нем показано, что у самых больших рек северо-восточной части Балканского полуострова названия с античного периода не изменились.

²⁶ J. S a f a r e w i c z. Реф. на кн. К. Moszyński. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Kraków, 1957. In: «Studia Językoznawcze». Warszawa, 1967, s. 291.

²⁷ J. S a f a r e w i c z. Реф. на кн. H. Łowmiański. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e. Warszawa, 1963. In: «Studia Językoznawcze», s. 301.

Из всего, что было сказано, следует, что ценность макрогидронимического материала для этногенетических исследований имеет в значительной степени ограниченный характер. Однако, с другой стороны, исследования, основанные на этом материале, всегда будут играть существенную роль, позволяя нам перенестись в наиболее отдаленное от нас языковое прошлое.

III.2. Значение этнонимов в этногенетических исследованиях определяется, между прочим, их ранним появлением в источниках. К сожалению, возможности для идентификации и локализации этих названий значительно более ограничены, чем в случае аналогичного гидронимического материала. Как и при анализе гидронимов, попытки этимологизации самых древних этнонимов первичного или вторичного типов (со стертой словообразовательной структурой) наталкиваются здесь на очень серьезные трудности. Прежде всего, дискуссионной часто оказывается языковая принадлежность народов, упоминаемых в источниках. Имея дело с неясным названием или же с названием с несколькими различными этимологическими интерпретациями, трудно принять однозначное решение об этнической принадлежности народа, носящего это название²⁸. Конечно, было бы ошибкой относиться к этническим названиям как к однородному материалу, не пытаясь выделить в нем исторических и географических напластований. В случае этнонимов, ясных в словообразовательном и этимологическом отношениях или связанных генетически с определенными славянскими апеллятивами, следует помнить о возможности спонтанного и независимого возникновения одних и тех же названий на разных территориях. Таким образом, племенные названия, встречаемые в разных частях славянской территории, образованные от повсеместно употребляемых слов и особенно от слов, указывающих на типичные территориальные особенности, могли относиться к племенам, которые не находились в непосредственном родстве друг с другом. Иную доказательственную ценность в этом случае, вероятно, имеют этнические названия с неясной этимологией (как, например, хорваты, дулебы). Тот факт, что они неоднократно встречаются в разных славянских землях, может склонять к гипотезе об общем происхождении групп, названных с использованием этих неясных корней. Следовательно, изучение перемещения этнических групп — далеко не легкая задача. Здесь должны также войти в поле зрения названия местностей, связанные с этнической терминологией, которые, однако же, могут отличаться более поздним происхождением и не зависеть от важнейших направлений. Ибо, как правильно подчеркивает Г. Ловмянский²⁹, возникновение таких названий может быть следствием поселения военнопленных или спонтанного проникновения иноплеменного населения уже в значительно более позднее время. Вторичным характером эти названия, возможно, обязаны процессу образования личных имен или родовых фамилий от этнических названий. Этот ономастический материал не представляет, конечно, никакой ценности для исследования древних этнических размещений.

III.3. В данной статье умышленно не поддерживаются никакие этногенетические положения и не выдвигаются никакие конкретные гипотезы. Задачей статьи является анализ и оценка применяемых до настоящего времени исследовательских методов и способов умозаключений, основанных на ономастическом материале. Вместе со многими другими исследо-

²⁸ В этом отношении особенно характерна, например, продолжающаяся до сих пор в научной литературе дискуссия об этнической и языковой принадлежности вентов.

²⁹ H. L o w m i a ŋ s k i. Ibid., II, s. 60—61, 182.

вателями автор питает уверенность в том, что этот материал обладает большой ценностью для этногенетических исследований — при условии достаточно продуманной и осторожной интерпретации. В этом отношении правильно подходит к вопросу В. Ташицкий, словами которого я позволю себе закончить свою статью: «Географические и личные названия заслуживают более пристального внимания также и с внеязыковой точки зрения. Ибо в них кроются сведения, которые могут пригодиться представителям разных исторических дисциплин. Для того, чтобы можно было извлечь из них максимальную пользу, они прежде должны быть самым тщательным образом проанализированы с формальной и семантической стороны лингвистами. Историки (в широком смысле слова), как уже нередко случалось, оперируют иногда недостаточно исследованными и неточно объясненными материалами. Это наводило их на ложный путь и делало иллюзорными результаты их утверждений или гипотез, основывающихся на ономастическом материале. Широкий диапазон применения, который сулит всестороннее изучение ономастического материала (а это могут сделать только лишь лингвисты), побуждает к тому, чтобы как можно более пристально заняться работой в этой области»³⁰.

---

³⁰ W. T a s z y c k i. Stosunek onomastyki do innych nauk humanistycznych. «Onomastica», 1963, VIII, s. 17—18.

М. О. ГЛОБАЧЕВ

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «НОВЕ ВИДНОКРЕНГИ» (1941—1946)

Вторая мировая война и гитлеровская оккупация 1939—1945 гг. были для польской культуры тяжелым ударом, на годы задержавшим ее полноценное развитие. Однако несмотря на потери, понесенные культурой Польши, на все усилия нацистов уничтожить в захваченной стране любые проблески творческой мысли, она не угасла совсем, а лишь замерла на время, уйдя в подполье, где сохранялась ценой невероятных лишений, или продолжая развиваться в эмиграции, в странах, свободных от гитлеровской неволи. Развитие польской культуры и литературы шло в эти годы по трем направлениям — в стране и в двух эмиграционных центрах, сложившихся в основном в первые месяцы войны: в Западной Европе и на территории СССР.

Подробная характеристика двух первых направлений выходит за пределы задач данной статьи. Отметим лишь, что среди 1123 (по другим источникам — 1400) известных ныне польских подпольных изданий 1939—1945 гг. насчитывалось 23 культурных и литературных, а также 16 литературно-сатирических журналов. Постоянно устраивались нелегальные литературные вечера и даже театральные представления, издавались отпечатанные на гектографе поэтические сборники¹. Богатая литературная жизнь шла в западной эмиграции, центром которой стал Лондон. Там был издан ряд книг на польском языке; на страницах еженедельника «Вядомосьци польске» («Польские известия», Париж, 1940; Лондон, 1940—1944) наряду с политическими обсуждались культурные вопросы. Особенно примечателен для нас факт, что внутри западной эмиграции ни на день не стихала острейшая полемика: наряду с различного рода политическими авантюристами, крайне реакционными элементами и просто далекими от политики интеллигентами, в ней находились такие крупные мастера слова, как Ю. Тувим, К. Прушинский, В. Броневский (последний — с 1942 г.). Истинному таланту не могла не претить атмосфера, создаваемая эмигрантским правительством, и в то время, когда официозная газетка «Мысль паньствова» («Государственная мысль») открыто провозглашала, что «немецкая угроза отодвигается на второй план, а на первый план вы-

¹ «Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы. 1939—1945» М., 1972; Wł. Bartoszewski. Konspiracyjne czasopiśmiennictwo kulturalne w kraju w latach 1939—1945. «Twórczość», 1961, № 10.

двигается растущая угроза со стороны русских»², Тувим писал в своей программной «молитве изгнанника»:

Отгороди нас от немецкой
Земли стеной до неба сводов,
Зато дружнее, по-соседски
Дай жить с народом ста народов³.

Однако подлинным средоточием передовой политической и культурной мысли поляков стала в этот период эмиграция в СССР. Особая ответственность за судьбы страны в тяжелое военное время падала не только на патриотов, боровшихся с врагом в оккупированной Польше, но и на участников прогрессивной эмиграции на территории Советского Союза, демократов и коммунистов, создавших в 1943 г. многотысячный Союз польских патриотов (СПП) в СССР, а затем активно участвовавших в формировании Войска Польского.

Понимая необходимость коренных перемен в польской общественной жизни после победы над фашизмом, идейный авангард польской эмиграции вел в годы второй мировой войны большую организационную и воспитательную работу среди тысяч эмигрантов. Важнейшую роль в этом в условиях широкого расселения польских беженцев по всей территории Советского Союза — от Киргизии до Коми АССР — играли средства массовой информации: польский радиовещательный центр, печатный орган СПП — газета «Вольна Польшка» («Свободная Польша», 1943—1946) и журнал «Нове виднокренги» («Новые горизонты», 1941—1946), примкнувший к деятельности СПП с момента его создания.

В работе руководящих органов СПП принимали активное участие многие деятели польской культуры и литературы. Среди них: В. Василевская, А. Лямпе, В. Сокорский, С. Ендрыховский, Е. Путрамент, Т. Пайпер. Их труд был значительным вкладом в победу над фашизмом, в дело строительства народно-демократической Польши. Высокую оценку деятельности СПП дал VI съезд ПОРП (декабрь, 1971 г.), подведший итоги развития Народной Польши за истекший период и определивший пути дальнейшего строительства социализма. В отчетном докладе ЦК ПОРП говорилось: «Серьезный вклад в дело освобождения Польши внесли организаторы „Союза польских патриотов“ в СССР — Ванда Василевская, Альфред Лямпе, Болеслав Дробнер... и многие другие»⁴.

Политическая и военная деятельность СПП хорошо изучена в Польше и в СССР⁵. Вместе с тем, такая интересная и значительная проблема, как культурная работа и литературные публикации в периодических изданиях СПП до сих пор не получила полного освещения. Отдельные отрывочные упоминания о ней есть в мемуарных произведениях участников эмиграции⁶, так же неполно она исследовалась в работах советских и

² Цит. по: A. L a m p e. O nową Polskę. Artykuły i przemówienia. Warszawa, 1954, s. 211.

³ Ю. Т у в и м. Цветы Польши. (Перевод Н. Чуковского.) М., 1971, с. 54.

⁴ «VI съезд ПОРП. Основные материалы и документы». М., 1972, с. 92.

⁵ «История Польши», т. 3. М., 1958; «Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu drugiej wojny światowej», т. 1—11. Warszawa, 1957—1968; «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały», т. 1—7. Warszawa — Kraków — Wrocław, 1965—1970; «Publicystyka Związku Patriotów Polskich 1943—1944». Warszawa, 1967; A. L a m p e. Ibid.

⁶ J. B r o n i e w s k a. Notatnik korespondenta wojennego, т. 1—2. Warszawa, 1963; J. B r z o z a. Moje przygody literackie. Katowice, 1967; J. P u t r a m e n t. Pół wieku, т. 2 — Wojna. Warszawa, 1962; A. R u d n i c k i. Piękne oczy Aleksandra Nawryłuka. В кн. Niebieskie kartki. Słpe lustro tych lat. Warszawa, 1958.

польских историков⁷ и литературоведов⁸. Однако нет цельной картины культурной и литературной жизни польской эмиграции в СССР в годы второй мировой войны.

Польские землячества и польская пресса в СССР имели к началу второй мировой войны достаточно давнюю историю и богатые традиции⁹. С одной стороны, это безусловно облегчало задачу культурного обслуживания разросшегося за короткий срок польского населения¹⁰. С другой стороны, начинать практическую работу по организации печатных изданий приходилось заново.

Изменился и круг читателей. Перед Советской властью стояли обширные, как никогда раньше, задачи в этой области: приспособить массу эмигрантов, невероятно пеструю в социальном и классовом отношении, к новым условиям страны с иным общественным строем, найти ей место в политической и экономической жизни Советского Союза, сделать эмигрантов союзниками в борьбе с фашизмом. Не обошлось без временных трудностей и недоразумений, но в конечном итоге эти задачи были решены успешно. Советская власть и партийное руководство, действуя в тесном контакте с идейным авангардом передовой эмиграции, проявили глубокое понимание нужд всех поляков доброй воли, готовых трудиться и сражаться для победы над фашизмом.

Уже в октябре 1939 г. во Львове начала выходить ежедневная газета «Червоны штандар» («Красное знамя»), а во второй половине 1940 г. появились «Правда виленьска» («Вильнюсская правда») и «Штандар вольносьци» («Знамя свободы», Минск). В это же время был создан ряд газет местного значения, выходивших лишь частично на польском языке, например, «Вольна Ломжа» (Ломжа) или «Нове жиче» (Граево).

В крупнейших из этих газет наряду с политическими печатались материалы по истории литературы и искусства¹¹.

Крупнейшим культурным и литературным центром польской эмиграции в СССР был в то время Львов. По свидетельству Е. Путрамента, к осени 1940 г. там собралось около 200 польских литераторов¹². Деятелям польской культуры и образования была предоставлена возможность вступить в соответствующие организации СССР. Широкий отклик получила деятельность польского театра во Львове, а также наиболее значительное культурное мероприятие этих месяцев — празднование 85-летия со дня смерти Адама Мицкевича, организованное советским руководст-

⁷ П. М. Калениченко. Прогрессивна польська еміграція в СРСР в роки другої світової війни. Київ, 1957; Т. И. Сизова. Журнал «Нове виднокренги» — орган прогрессивной польской эмиграции в СССР (1941—1943). «Советское славяноведение», 1978, № 6; Е. Васи́нський. Związek Patriotów Polskich w ZSRR — rzecznik idei Frontu Narodowego. Warszawa, 1966; G. B u t l o w. Wychoźstwo polskie w ZSRR w latach 1939—1946. «Świat i Polska», 1947, № 4; R. J u r y ś. Kilka uwag o «Wolnej Polsce» i «Nowych Widnokregach». «Prasa Polska», 1954, № 7/8.

⁸ Т. П. Агапкина. Из истории польско-советских литературных связей конца 30-х — начала 40-х годов XX в. В кн. Польско-русские литературные связи. М., 1970; А. Г. Пиотровская. Польская литература времени бурь. В кн. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы. 1939—1945. М., 1972.

⁹ К. Сіеро́ска. Polonia radziecka 1917—1939. Z działalności kulturalnej i literackiej. Warszawa, 1968; M. S t e p i e ń. Zagadnienia literackie i publicystyczne polonii radzieckiej (1918—1939). Warszawa — Kraków, 1968.

¹⁰ По данным из разных источников (централизованный учет польских военных беженцев в СССР не велся), их число достигало 500—700 тыс., не считая лиц, принявших советское гражданство.

¹¹ «Czerwony Sztandar», 12, 13 X 1940; «Sztandar Wolności», 13, 20, 29 X 1940; 22, 24 XI 1940; 8, 9, 11, 26, 28 I 1941; 13 II 1941; 4, 5, 9—12 IV 1941.

¹² J. P u t r a m e n t. Ibid., t. 2, s. 17.

вом совместно с польскими товарищами при активном участии выдающегося публициста Е. Борейши¹³.

В 1940/41 учебном году были выущены обновленные хрестоматии для V—VII классов и учебник литературы для VIII—X классов польской школы. Над пособиями, охватывающими период с XV в. до новейшей литературы, работал большой коллектив польских авторов. Учебник, представлявший принципиально новую по сравнению с довоенной трактовку исторических и литературных явлений, получил высокую оценку критиков.

Таким образом, с самого начала в Советском Союзе делалось многое, чтобы сплотить разнородную массу польских жителей, вовлечь их на равных правах в политическую и культурную жизнь, сделать сторонниками социализма.

Несмотря на относительно большой объем польской прессы в СССР, читательские потребности еще не были удовлетворены. Чувствовалась необходимость в «толстом» журнале, который, как прежняя «Культура мас», совмещал бы в себе политические и культурные задачи. Таким изданием стали «Нове виднокренги».

Журнал «Нове виднокренги» начал выходить в январе 1941 г. в Гослитиздате как общественно-политический и литературно-художественный ежемесячник польского национального меньшинства в СССР¹⁴. В состав редакции вошли В. Василевская (главный редактор), Е. Ф. Усиевич (ответственный секретарь), Т. Бой-Желеньский, Я. Броневская, С. С. Дзержинская, Ю. Пшибось. В львовском филиале редакции, кроме того, работали К. Курьлюк и Ш. Натансон. В журнале постоянно сотрудничали Г. Гурская, С. Ендрыховский, Ст. Е. Лец, Е. Путрамент, А. Рудницкий, М. Яструн и др.

Как политическую, так и литературно-художественную деятельность журнала можно разделить на три основных периода: первый — с января по июль 1941 г., второй — с мая 1942 примерно до конца 1944 г., третий включает весь 1945 и январь 1946 г.

Журнал был задуман и выходил в первый период как издание в основном для советских граждан польской национальности. Но с 1942 г. его деятельность, в целях борьбы с фашизмом, окончательно распространяется на польскую эмиграцию во всех районах СССР. Однако из-за невозможности прямого контакта с оккупированной Польшей журнал, несмотря на широту проблематики, продолжал оставаться в этот период в определенной степени замкнутым, ограниченным изданием. На его страницах из номера в номер повторялись одни и те же литературные имена. Чтобы избежать такого однообразия, многие сотрудники журнала были вынуждены прибегать к псевдонимам.

Ситуация меняется к концу 1944 г., когда центр политической и литературной жизни польских эмигрантов в СССР окончательно переместился на польские земли, в освобожденный Люблин. Хотя культурную и литературную инициативу «Новых виднокренгов» начинают все решительней подхватывать другие издания, возникающие уже в Польше, жизнь журнала не только не угасала в течение всего 1945 г., но даже заметно оживилась в связи с поступлением разнообразных материалов со всех концов

¹³ Ibid., s. 24.

¹⁴ В начальный период своей деятельности «Нове виднокренги» были не единственным изданием такого рода. Однако ежеквартальник львовской организации СП УССР «Альманах литерацики» («Литературный альманах»), первый и единственный номер которого вышел в свет через несколько месяцев после основания «Новых виднокренгов», не сыграл сколько-нибудь значительной роли в польской прессе СССР.

родной страны. По свидетельству одного из сотрудников журнала, это было «самое жизнеутверждающее поражение, какое только могли потерпеть издания польской эмиграции»¹⁵.

Существование журнала эмиграции до 1946 г. объясняется тем, что до этого времени не все поляки успели вернуться на родину. К началу 1946 г., когда основная масса репатриантов уже находилась в пути, «Нове виднокренги» попрощались с читателями — роль журнала была завершена.

В программном воззвании ко всем читателям, открывавшем первый номер журнала в 1941 г., говорилось:

«Минувший год полностью, в корне переменял нашу жизнь. Мы живем в другом мире, идем иными путями. Но то, что пройдено нами, оставило в нас глубокий след.

Мы, живущие в Советском Союзе — в единственной стране, где каждый народ имеет право на развитие, на уважение, на саму жизнь — — мы охраняем то, что было лучшего в польском народе...

Польской культуре, ее сохранению и развитию должен служить наш журнал.

Мы хотим утвердить наш взгляд на происходящее — и открыть то, что часто сознательно скрывалось под пылью забвения.

Мы хотим вспомнить великих творцов, их пламенные сердца и блестящие умы, которыми мы гордимся на протяжении столетий. Сегодня мы хотим использовать их наследие лучше, искренней, чем это было возможно в условиях общественного строя, при котором мы жили...

Мы хотим очистить от лжи наше прошлое и показать его подлинные, непреходящие ценности.

Мы хотим помочь всем тем, кто еще не идет в ногу с нами, кому годы лжи и лицемерия не позволяют трезво взглянуть на прошлое и настоящее...»¹⁶.

Таким образом, с самого начала своего существования «Нове виднокренги» заявили о своей решимости отстаивать принципы демократической культуры. Программа журнала может показаться на первый взгляд несколько расплывчатой («Мы хотим сплотить всех, кому есть что сказать: Мы призываем всех и никого не отталкиваем... Мы не выдвигаем предписаний, норм, границ. Мы верим, что каждый придет к нам с лучшим, что он имеет»¹⁷), в действительности же это была сознательная тактика борьбы за сплочение на демократической основе всех прогрессивных сил эмиграции, обсуждавшаяся еще на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г., результат творческого подхода к проблемам широкого народного фронта.

Литературно-художественная часть журнала в то время была еще довольно бедна, публицистическая выглядела несколько богаче. Одной из главных задач новой эмиграции становилась борьба с идеологией санационного режима, против многолетнего влияния буржуазной пропаганды на умы поляков. В связи с этой задачей большое значение приобретали очерки, репортажи и информационные сообщения о жизни советского народа.

Авторы критико-библиографических статей рассматривали отдельные вопросы прогрессивной мировой литературы; они особенно стремились подчеркнуть связь польского народа и славянских народов Советского Союза, выделить все лучшее, что объединяет польскую и восточнославянскую передовую культуру, показать эмигрантам достижения страны, строящей социализм.

¹⁵ R. J u r y ś. Ibid., s. 7.

¹⁶ «Nowe Widnokrengi», 1941, № 1, s. 5.

¹⁷ Ibid., s. 5—6.

Большой интерес читателей вызвали дискуссионные материалы о новых учебных пособиях на польском языке. Основной задачей польской литературы и педагогики в СССР было, как отмечали «Нове виднокренги», «распространять произведения прогрессивных польских писателей, которые в довоенной Польше доходили до читателя в искаженном виде, знакомить с творчеством молодых польских писателей, принимающих активное участие в деле строительства социализма в СССР»¹⁸.

В журнале постоянно публиковались обзоры книг на польском языке, выпускаемых Госиздатом национальных меньшинств УССР, с которым «Нове виднокренги» были в тесном контакте.

Свои стихи и рассказы публиковали в первых номерах «Новых виднокренгов» А. Важик, Г. Гурская, Э. Дзедзиц, Б. Збышевская, Е. Путрамент, Ю. Пшибось, А. Рудницкий, М. Яструн и др. Произведения, напечатанные в журнале в этот период, тематически четко делятся на две группы — переживания первых дней войны, сентябрьское отступление, уход на восток и воспоминания о жизни до сентября.

Часть рассказов и стихотворений на военную тему не оставила заметного следа в польской военной литературе. Но некоторые, впервые увидевшие свет на страницах «Новых виднокренгов», на долгие годы остались в памяти читателей, например, «Идут танки» Е. Путрамента (№ 5/6). Интересен рассказ того же автора «По ту и эту сторону моста» (№ 2), послуживший одной из заготовок для романа «Сентябрь»¹⁹ и выгодно отличавшийся от многих других произведений «сентябрьской» тематики, отразивших лишь отчаяние, безмерную растерянность и вопрос без ответа. Рассказ Путрамента способствовал пониманию причин «молниеносного» поражения Польши: героизм и самопожертвование фронтовиков были бессильны спасти страну в условиях карьеризма, коррупции и раздоров командования — таков печальный вывод рассказа.

Началу войны посвящен также рассказ Б. Збышевской «Последний день», описывающий страдания жителей осажденной Варшавы (№ 1), очерк А. Рудницкого «На дорогах» (№ 4) и стихотворения Путрамента «Запад», «Идут танки», Яструна «Воспоминание» (№ 1), Важика «О прожекторах» (№ 2).

В прозе этого периода на мирные темы можно отметить автобиографическую повесть Э. Дзедзица «Дорога» (№ 3—4) и рассказ А. Рудницкого «Кюнь», повествующий о жизни довоенного села. В рассказах Х. Сельм «Angina pectoris» (№ 1) и Г. Гурской «Сестра Юзека-Китайца» (№ 5/6) описывается жизнь городской бедноты — безработных взрослых и безпризорных детей. Оба рассказа как бы дополняют друг друга, рисуя картину безрадостного круговорота человеческой жизни в капиталистическом городе.

Стихотворения З. Гинчанки, П. Кожуха, Ст. Е. Леца, Ф. Парецкого, В. Слободника посвящены разнообразным переживаниям лирического характера или воспоминаниям о прошлом. Тогда же «Нове виднокренги» начали публиковать роман Е. Путрамента «Действительность», полностью напечатанный только после войны. Три главы из романа были впервые опубликованы в № 5/6 журнала.

Относительная бедность литературного содержания «Новых виднокренгов» львовского периода объясняется не столько отношением литераторов к новому изданию (напротив, сотрудничали с ним охотно), сколько влиянием радикальных и для большинства неожиданных перемен в жизни, нарушивших нормальный ход творческой работы, заставивших пересмот-

¹⁸ Ibid., № 2, s. 199.

¹⁹ J. P u t r a m e n t. Ibid., s. 97.

реть многие темы и взгляды. Сказывалась и определенная замкнутость журнала, все более проявлявшего себя как издание «для польской интеллигенции Львова, Вильнюса, Белостока»²⁰.

Это положение было нарушено войной: фашисты заняли Львов на девятый день Великой Отечественной войны. Летом 1941 г. вышли еще два номера журнала, дополнявшиеся переводными материалами (рассказы А. Платонова и О. Эрберга, выступления Сталина, Молотова, Папанина, Пудовкина и др.). Восьмой, августовский номер «Новых виднокренгов» уже не вышел из печати. Польская литературная общественность Западной Украины и Белоруссии, Литвы, Белостока частью рассеялась по дорогам войны, частью была уничтожена оккупантами.

Новый этап деятельности «Новых виднокренгов» начался 5 мая 1942 г.: в этот день в Куйбышеве вышел первый номер журнала (теперь двухнедельного). Решение возобновить издание было продиктовано фактом установления дипломатических отношений между Советским Союзом и правительством генерала Сикорского, формирования на территории СССР польских вооруженных сил под командованием генерала Андерса и вытекающей отсюда необходимостью пересмотра некоторых политических моментов. Наиболее удачное определение новой ориентации журнала дано в воспоминаниях Путрамента: «Вместо ежемесячника, предназначенного для польских интеллигентов — советских граждан..., посвященного прежде всего вопросам литературы, и даже преимущественно беллетристике и лирике, возник двухнедельный журнал общественно-политического характера, адресованный всем полякам, находящимся на территории СССР, независимо от их юридического статуса»²¹.

Должности главного редактора и ответственного секретаря снова заняли В. Василевская и Е. Ф. Усиевич, администрацией руководила Я. Броневская. В редакции «Новых виднокренгов» работали в то время Е. Борейша, С. Вербловский, В. Грош, С. Ендрыховский, Е. Путрамент, П. Хофман и др. Ведущим публицистом и идеологом журнала стал выдающийся деятель польского революционного движения А. Лямпе, умерший в декабре 1943 г.

Вначале редакция насчитывала всего несколько сотрудников: некоторые трагически погибли еще летом, захваченные фашистами (Т. Бой-Желеньский), другие не успели вовремя уйти на восток и остались в оккупации (З. Гинчанка, Э. Дзедзиц, Ю. Пшибось, М. Яструн). Однако штат редакции быстро увеличивался, а измененная программа журнала облегчала контакты с читателями, проявившими живой интерес к новому изданию. Редакционные отчеты зафиксировали постоянный рост тиража «Новых виднокренгов» и количества читательских писем с откликами²².

Литературная деятельность журнала, начиная с 1942 г., соответствовала его новой политической программе. Основной целью прогрессивной польской эмиграции становится в это время борьба с фашизмом на идеологическом фронте. «Нове виднокренги» не только приводили в каждом номере статистику человеческих жертв, зверски убитых, изгнанных из дома и угнанных в рабство, но также наглядно показывали, что режим, поправший великую культуру собственной страны и многих других народов, не способен создавать подлинные культурные ценности.

²⁰ Ibid. !

²¹ Ibid., s. 141.

²² F. Z b i n i e w i c z. Rola komunistów polskich w organizowaniu i działalności Związku Patriotów Polskich w ZSRR oraz Polskich Sił Zbrojnych w ZSRR (maj 1942 — lipiec 1944 r.). «Z pola walki», 1961, № 4, s. 93—99.

С едким сарказмом высмеивает журналист К. Длубек в фельетонах «История в афоризмах», «Как Геббельс строил Краков» и «Колыбель на колесах» (1943, № 5, 6, 11) попытки нацистов обосновать вторжение на польские — «исконно германские» земли, фальсифицировать историю, приписав немецким колонистам культурные достижения славянских народов. Фельетоны Длубека — не только удачное воплощение известного тезиса о бичевании смехом, но и боевой стимул для тысяч поляков, которые не могли остаться равнодушными, читая о проектах уничтожения «неарийских» архитектурных памятников, о логове генерал-губернатора Франка в резиденции польских королей на Вавеле, об онемеченном Копернике и о «немце Вейт Штоссе» — авторе алтаря в Мариацком костеле. Публиковались в журнале и свидетельства очевидцев вандализма фашистов, получаемые через радиостанции.

В очерке «Немецкая образованность» (1943, № 18) Е. Лукача, основанном на подлинном дневнике немецкого офицера, потомственного интеллигента, поражает тупое равнодушие, с которым, казалось бы, способный мыслить человек принимает все приказы, любые жестокости и военные авантюры командования. Можно рассуждать о немецком национальном характере и причинах массового морального вырождения немцев под властью нацизма, однако автор очерка подводит читателя к выводу, столь ясному в наши дни, но тогда звучавшему для многих как откровение: фашизм — неизбежное порождение империализма. То, что произошло в Германии, могло произойти в другой капиталистической стране. Понимание этого было особенно важно в среде людей, для которых еврейские погромы и концлагерь санации Береза были реалиями недавнего прошлого, тем более, что в эмигрантском правительстве, стремившемся распространить свое влияние на всю эмиграцию, не последнюю роль играли крайне правые, националистические элементы.

С этим непосредственно связана другая важнейшая проблема культурной работы журнала: полемика с реакционной эмиграцией на Западе — идеологическая борьба, в которой культурные вопросы тесно связывались с политическими. Е. Борейша вновь возвращается к вопросу о национальном в поэзии Мицкевича (полемика Борейши с реакционной трактовкой творчества Мицкевича «специалистами» из Лондона началась в ноябре 1940 г. на страницах «Штандара вольносьци» в годовщину смерти поэта), показывая прогрессивный, интернационалистический характер польского романтизма, поскольку не умолкают голоса лондонских эмигрантов, пытающихся приспособить наследие польской литературы, прежде всего романтизма, для нужд реакции, одеть его в маску национализма и шовинизма под прикрытием лозунгов национальной культуры. Одна из статей Борейши, посвященных этому вопросу, так и озаглавлена — «На ярмарке масок»²³.

Иронический комментарий внутренних распрей в прессе лондонской эмиграции дает Е. Паньский в фельетоне «Болотце». Процесс сползания вправо эмигранционного правительства в точности отразился на подборе литературных материалов в его крупнейшем издании «Вядомосьци польске». Однако наиболее талантливые литераторы не желали иметь ничего общего с этим процессом²⁴.

Особенно важно было вовремя оценить наиболее талантливые и значительные произведения тех западных эмигрантов, которые продолжали развивать в своем творчестве демократические, гуманистические мотивы. Редакция журнала верила, что после освобождения Польши лучшие

²³ «Nowe Widnokregi», 1944, № 7, s. 2.

²⁴ Ibid., 1943, № 23, s. 5.

люди западной эмиграции займут свое место в общем строю борцов за новое общество и новую культуру.

Война и оккупация очистили от налета модных течений, закалили творческий дух многих писателей и поэтов²⁵, способствовали развитию «поэзии, ответственной перед историей»²⁶.

Важнейшей и единственной темой художественных произведений, печатавшихся в «Новых виднокренгах» в 1942—1945 гг., оставалась война и немецкая оккупация на территории Советского Союза и Польши. На страницах журнала в этот период представлено все многообразие литературных жанров — от большого романа (В. Василевская. «Радуга», 1942, № 12—14, 16; 1943, № 1—6; «Просто любовь», 1944, № 14/15—17, 19—23/24; 1945, № 1—4), драмы (Л. Кобжинский. «Ночь в Кале», 1945, № 17/18) до скетча (А. Важи́к, Л. Пастернак. «Новогодние ясли», 1943, № 2) и фельетона в стихах (А. Важи́к, Л. Пастернак, К. Юзвяк).

Особое развитие получили в эти годы жанры документального очерка и лирического стихотворения. Очерки о Советской Армии, о партизанах, польских солдатах дивизии им. Костюшко публиковали Е. Борейша, Я. Броневская, В. Василевская, Р. Мандель, З. Оскерко, Е. Паньский, Е. Путрамент. Оригинальностью тематики и мастерством исполнения отличается цикл очерков И. Саца «Немецкие силуэты» (1943, № 21—22). Не могли оставить читателя равнодушным и вдохновенные очерки В. Василевской, по своему характеру занимающие промежуточное положение между публицистическим репортажем и малыми формами беллетристики. Этот цикл был напечатан в «Новых виднокренгах» в 1942 г.

Лирика была представлена в журнале именами А. Важи́ка, Л. Пастернака, Е. Путрамента, В. Слободника, Л. Шенвальда, а также Ю. Пшибося и М. Яструна, в 1944 г. вернувшихся к сотрудничеству с журналом после тяжелых лет оккупации. В 1943 г. в «Новых виднокренгах» было напечатано большинство ставших ныне широко известными военных стихов талантливого пролетарского поэта Л. Шенвальда («Юзеф Надзея пишет из Средней Азии»; № 13; «Прощание с Сибирью», № 15).

«Нове виднокренги» охотно помещали на своих страницах стихи непрофессиональных поэтов — читателей журнала. Настоящей жемчужиной любительского творчества стала в «Новых виднокренгах» поэма подхоружего армии Андерса К. Юзвяка «Путешествие в Форабу» (1943, № 9), изображающая вывод андерсовцев из Советского Союза.

Стремясь сплотить для будущей работы в освобожденной Польше лучшие силы культуры и искусства, «Нове виднокренги» постоянно публиковали как литераторов западной эмиграции, так и те немногие произведения подпольной литературы в стране, которым удавалось проникнуть через линию фронта. К последним относятся два стихотворения неизвестных авторов — «Улица Маршалковская» и «Баррикада» (1943, № 17) и «Партизанская песня» К. Бартковьяка (1943, № 11). В № 17/18 за 1945 г. была напечатана «Песня» Ч. Милоша из сборника «Песнь независимости».

Кроме того, «Нове виднокренги» публиковали фрагменты из поэмы Ю. Тувима «Цветы Польши», а также его стихотворение «Силезия поет»; стихотворения В. Броневского — «Примкнуть штыки», «Польский солдат», «Via dolorosa», «Роза Сарона», «Домой»; А. Слонимского «Суд»; Ст. Балиньского «Попытки» и, наконец, «Уходы и возвращения» — фрагмент повести К. Прушиньского о гражданской войне в Испании.

Одно из наиболее волнующих поэтических произведений западной эмиграции, помещенных в «Новых виднокренгах», — «Приятелю с друго-

²⁵ J. H u s z c z a. «Wielka podróż» Stanisława Balińskiego. «Nowe Widnokreği», 1944, № 11/12, s. 18.

²⁶ M. J a s t r u n. Poezje wybrane. Warszawa, 1968, s. 21, 166.

го берега Атлантики) — принадлежит члену литературной группы «Скамандр» Е. Пачковскому, участнику французского Сопротивления, замученному фашистами в 1945 г.

Крупнейшими произведениями, опубликованными в «Новых виднокренгах», были романы В. Василевской «Радуга»²⁷ и «Просто любовь». Популярность этих книг была огромна. Оба романа параллельно с польским журнальным изданием публиковались в русском переводе в журнале «Октябрь» («Радуга», 1942, № 10—11; «Просто любовь», 1944, № 7—8), а «Радуга» еще и в газете «Известия» (1942, № 193—219). В 1943 и 1946 гг. романы были удостоены Государственной премии I и II степеней соответственно

«Радуга», выдержавшая 12 изданий только на русском языке, во время войны проникала даже за границу, в оккупированные фашистами страны. В «Новых виднокренгах» была помещена рецензия С. Вербловского — один из первых откликов на этот роман на польском языке²⁸.

В 1944—1946 гг. литературные публикации журнала разнообразятся произведениями писателей, переживших в Польше оккупацию, и бывших эмигрантов. Это рассказы о партизанах и подпольщиках: «Лес и война» З. Дрождж, «Мастика для полов» А. Малишевского; о тяжелых буднях оккупации: «Ночь законопослушания» А. Сандауэра; о концлагерях: «Зина» М. Зарембиньской, глава из повести С. Шмаглевской «Дым над Биркенау» — «Алегри из солнечной Греции».

Некоторые рассказы, публиковавшиеся в «Новых виднокренгах» впервые или одним из первых изданий, вошли в золотой фонд польской новеллистики. Таковы «Святая пуля» Е. Путрамента, «Варшавянка» Е. Анджеевского, «Дануся» Х. Богушевской, «Победа» К. Филиповича.

Менее богат был отдел переводов. Из их числа можно назвать стихотворения М. Рыльского «Братьям-полякам» и черноморского поэта Р. Стийенского (Марковича) «Полякам» (тематически к этому циклу переводных стихотворений примыкает «Борющейся Польше» известного литовского поэта Л. Гиры, написанное, однако, на польском языке), фрагмент из поэмы А. Блока «Возмездие», посвященный Варшаве, и несколько лирических стихотворений А. С. Пушкина. Эти переводы выполнили А. Вазжик, М. Яструн, Л. Пастернак, Е. Путрамент. Кроме того, «Новые виднокренги» публиковали в 1943—1945 гг. отдельные рассказы из цикла В. Инбер «Почти три года».

«Новые виднокренги» не отступили и от того пункта своей программы, в котором говорилось о национальной классике. В 1942—1945 гг. на страницах журнала были опубликованы стихотворения и фрагменты прозаических произведений классиков польской литературы — А. Мицкевича, Ю. Словацкого, М. Конопницкой, Г. Сенкевича, С. Жеромского, а также многочисленные критические и биографические материалы, посвященные этим и другим писателям.

Литературная критика и биографические материалы занимали важное место в журнале. Выше уже упоминались рецензии на произведения авторов, сотрудничавших в журнале, и публикации начального периода, служившие укреплению связей польской и советской культуры. Еще более широкое развитие эта инициатива получила в двухнедельнике²⁹.

²⁷ См. подробнее: Е. Ф. У с и е в и ч. Ванда Василевская. М., 1953.

²⁸ S. W i e r b ł o w s k i. Ziemia i naród. «Nowe Widnokreği», 1943, № 6, s. 12.

²⁹ J. P a ń s k i. «Rosjanie» — dramat wojenny Simonowa. «Nowe Widnokreği», 1943, № 2; H. U s i j e w i c z. Lwy i szakale. Ibid., № 7; R. W. Naród zjednoczony. Ibid., № 11.

Отдел литературной критики «Новых виднокренгов» активно работал и в тот период, когда на освобожденных польских землях начали во множестве возникать литературно-художественные журналы. Статья З. Оскерко, посвященная трем первым номерам лодзинского ежемесечника «Кузница» в 1945 г., дает наиболее последовательное выражение культурной и литературной концепции прогрессивной критики. В разборе деятельности нового журнала Оскерко с особым удовлетворением подчеркивает его демократическую направленность, борьбу за культуру для всего народа. Такая борьба имела особое значение в специфических условиях послевоенной Польши.

«Элитаризм, — писал Оскерко, — теория, враждебная демократии и особенно опасная в Польше, где ее долго, а в некоторых кругах с большим успехом культивировала санация»³⁰.

Те же передовые взгляды нашли выражение в письме одного из тысяч читателей журнала, представителя творческой интеллигенции, подписавшегося инициалами Ст. А. Письмо было своего рода отповедью бывшему товарищу по литературной группировке Т. Пайперу, опубликовавшему в «Новых виднокренгах» (1943, № 15) очерк «Причины поражения», в котором он отдавал дань футуристической поэзии. Очерк заключался буквальным утверждением, что Польша проиграла войну оттого, что не развивала технику, игнорируя призывы футуристов-«конструктивистов». Через месяц собрат по перу полемически обратился к Пайперу на страницах «Новых виднокренгов»: «...Мы были типичными представителями „искусства для искусства“. Мы не понимали значения единства с массой. Мы жили в кафе. Там творили, критиковали и прожектировали (...)

А за зеркальными витринами кафе была жизнь, был народ, которого мы не понимали, и которому непонятен был наш, испещренный иностранциной и иными диковинами язык... Надо было выйти на улицу, на заводы, в трамваи, в железнодорожные депо и там учиться новым ритмам. Там связать творчество с новой жизнью, жизнью человека. Творить то, чем дышало время...»³¹.

Перечисленные задачи далеко не исчерпывают всего многообразия литературной деятельности журнала «Нове виднокренги», с начала до конца своего существования последовательно выполнявшего демократическую программу. Журнал, как и вся пресса польской эмиграции в СССР, был еще далек от идей строительства социализма. На страницах журнала, открытых для свободной дискуссии, публиковались работы авторов, принадлежавших к самым различным литературным и политическим группировкам. Однако принципы, выработанные журналом, наряду с идеями зачинателей польской марксистской критики, легли в основу послевоенной социалистической критики и литературы. «Нове виднокренги» были голосом народной демократии, обращенным ко всем эмигрантам. Информировав читателей об интернациональных связях польской литературы, подчеркивая прогрессивные тенденции в произведениях писателей, разъясняя важные идеологические, политические и культурные вопросы людям, зачастую обманутым санационной пропагандой, журнал закладывал основы нового, передового сознания широких масс эмигрантов, многих тысяч простых поляков.

В прощальной передовой статье последнего номера «Новых виднокренгов» говорилось: «В то время, когда еще не существовал Союз польских патриотов, мы были единственным средоточием демократической мысли

³⁰ «Nowe Widnokreği», 1945, № 19/20.

³¹ Ibid., 1943, № 17, s. 7.

польской эмиграции, а картотека... корреспондентов и читателей, ежедневная почта... были лучшим доказательством нашей необходимости... И когда в июне 1943 г. возник Союз польских патриотов, он взял за основу идеи и принципы, сформулированные в ряде программных статей „Новых виднокренгов“»³².

Этот итог выдающегося вклада журнала в дело сплочения всех польских патриотов в СССР, в дело освобождения Польши и строительства основ демократического общества в полной мере можно отнести и к начальным этапам утверждения принципов социалистической литературы в Польше.

---

³² Ibid., 1946, № 1/2, s. 1.

А. ШАУЛИЧ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ДРОБНЯКЕ, ЕГО ГУСЛЯРАХ И СОБИРАТЕЛЯХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Дробняки, племя этнографической Герцеговины, населяющее территорию между рекой Тарой на севере, Шаранацем и Верхней Морачей на востоке, Пивой на западе и Никшической Жупой на юге, известные своим решительным сопротивлением турецким завоевателям, боролись против них поодиночке или вместе с другими герцеговинскими и черногорскими племенами. Эта борьба усилилась в XVIII в. благодаря поддержке России времен Петра I и Екатерины II и сербскому восстанию, когда планировались совместные действия дробняков с герцеговинцами и черногорцами после их встречи под Сеницей. Уже в начале XIX в. дробняки не повиновались владыке Ананию из Мостара, призывавшему их быть покорными султану¹, а обращались за советом к черногорскому владыке Петру I и носили дань не в Мостар, а в Цетинье. По преданию племя дробняков свергло семь турецких пашей; даже если учесть, что это число могло быть преувеличено воображением, то фактом остается то, что чужая власть не могла удержаться в Дробняке, и дробняки, спасаясь от мести турецких властей, уходили в неприступные для них области Верхней Морачи и Ровца. Среди дробняков были известные герои: Караджичи из Петницы, Церовичи из Тушины, Башовичи и Головичи из Пошчя, Джурджевичи из Комарницы, Якувичи из Буковицы, Якшичи из Придворицы — мы указали лишь несколько храбрых родов, но были и другие.

Почти в каждом роду были герои, отличившиеся в битвах и прославляемые своими, а в зависимости от степени известности — и другими герцеговинскими гуслярами. Вук Караджич после своего пребывания в России в 1819 г. добавил к фамилии отца также родовое имя, признавая героизм и авторитет Караджичей. В течение XVIII—XIX вв. упоминаются воеводы Митар, Йоко, Стоян, Василие (Шуе), Милован, но последний стал уже носить чин капитана. В народных песнях воспеваются Шуе, Никола, Йован, Милич, Василь². В беседе с Вуком Поповичем, выяснившим у Шуе по просьбе Караджича некоторые вопросы, связанные с Караджичем, Шуе упомянул девять человек из своей семьи и близкой родни, погибших от турецких завоевателей, но добавил, что все они были отомщены³. Доказательством тому была присылка отряда травницким визирем, «чтобы Караджичу нигде в турецкой земле нельзя было остановиться»⁴.

¹ «Kazivanja starih Trebješana». Beograd, 1842, s. 178—179.

² N. Šaulić. Srpske narodne pjesme. Podgorica, 1923, s. 12—20.

³ G. Dobrišinić. Arhivska gradja o Vuku Karadžiću. 1813—1864. Beograd, 1970, s. 453.

⁴ Ibid., s. 454.

Расположившись на богатых пастбищах с обилием воды, сильные и сообразительные дробняки, если не было войны, доставляли с гор каймак и сыр, приготовленные трудолюбивыми горянками, с мая до конца сентября заготавливали на зиму сено и дрова, пригоняли с гор скот и в течение нескольких зимних месяцев и ранней весной не имели никакой другой работы, кроме добывания самого необходимого да разгребания снега. В то время как равнинным крестьянам в это время года приходится много работать, дробняки располагали досугом для размышлений, игры воображения и создания народных юнацких песен.

Караджичи были не только известными героями, но и хорошими гусярами. По преданию у них был обычай: перед первым кормлением новорожденного «давать ему молоко с гуслей»⁵. Полагали, что именно от этого у них много одаренных гусяров. В XIX в. и первой половине XX в. Караджичи славились гусярами. Именно поэтому Шуче был выбран, чтобы петь перед Негошем⁶. В семье Вука тоже были известные гусяры. Раскрывая источники своего собрания юнацких песен, он указывал, что его дед Йокко и дядя Тома не только знали и исполняли множество песен, но и слагали их сами⁷. Вук утверждает, что песни, упомянутые в предисловии к первой книге лейпцигского издания, принадлежат его деду⁸. От дяди он целиком приводит песню «Смерть Смаил-аги Безагича». Работая в поле, Тома Караджич описал гибель бега всего через 4—5 дней после самих событий⁹. Это свидетельствует о том, что событие, представлявшее интерес для всей округи, сразу же входило в песню. От своего отца Стевана Вук также записал ряд песен. Сам не особо интересуясь песнями, отец Вука невольно запоминал их, слушая своего отца и брата. От него Вук записал пять отрывков из косовского цикла и опубликовал их в «Сборнике сербских народных песен»¹⁰. Однако его вариант песни о женитьбе короля Вукашина Вук не опубликовал, так как эта песня ему не понравилась. От отца он слышал также и песню «Раздел Якшичей», которую он опубликовал в третьей книге лейпцигского издания¹¹, а песни «Вук Анджелич и Бан Задранин»¹² и «Шеович Осман»¹³ в четвертой книге.

В песнях отца и дяди Вука очень хороши описания, но в развязке чувствуется поспешность и есть пропуски. Песню дяди Вук, возможно, запомнил не полностью, так как он слышал ее в 1803 г., а записал в 1814 г. уже по памяти. Можно предположить, что если отец Вука от важной песни косовского цикла, не менявшейся на протяжении многих поколений, запомнил лишь отрывки, то скорее всего он так же неполно мог запомнить и песню «Шеович Осман».

В XIX в. на старой родине Караджичей были хорошие гусяры. В своих записках Шаулич упоминает Стояна и его сына Андрию, на редкость даровитого не только исполнителя и обработчика, но и сочинителя песен — «песняра»¹⁴. В своем путешествии по Черногории Матия Мурко упоминает Рапу Караджича¹⁵. Между двумя мировыми войнами пользовались известностью гусяры из Жабляка Йико и Лако Караджичи.

⁵ N. Š a u l i ć. Anegdote o Njegošu. «Stvaranje», 1951, № 12, s. 740.

⁶ Ibid.

⁷ «Narodne srpske pjesme», knj. 4. Beč, 1833, s. XXVIII.

⁸ Ibid., knj. 1. Lajpcig, 1824, s. XX—XXVII.

⁹ Ibid., knj. 4, s. XXIX.

¹⁰ «Narodna srpska pesnarica». Beč, 1815, s. 108—114.

¹¹ «Narodne srpske pjesme», knj. 3. Lajpcig, 1823—1865.

¹² Ibid., knj. 4, s. 131—136.

¹³ Ibid., s. 294—301.

¹⁴ A. Š a u l i ć. Andrija Karadžić guslar iz Vasojevića. «Kovčević», knj. XIII. Beograd, 1975, s. 72—93.

¹⁵ «Tragom srpskohrvatske narodne epike». Zagreb, 1951, s. 159.

Узнав об авторитете Вука и — неточно — о том, «что жалование ему идет от всех семи королей»¹⁶, Караджичи из Петнице постарались установить с ним связь. Первым ему передал привет воевода Шуе (1788—1858)¹⁷ в письме секретаря Негоша Милаковича в 1834 г., а второй раз — в очень важном «письмеце»¹⁸. Помимо чувства удовлетворения, что у него в роду есть герои и воеводы, Вук имел также потребность установить связь со своей родней в Петнице: он предполагал получить от них народные юнацкие песни из Дробняка, а также «сербули» из монастыря, которые он изучал и продавал. Однако, несмотря на желание Вука посетить Дробняк и увидеться с семейством Шуе, эта встреча не состоялась: Вуку было трудно передвигаться по неприступным горам и оба они опасались встречи с турками: Вук получил одну «сербулю» от племянника Шуе — Милована, но народных песен получить от Караджичей ему не удалось. Шуе не умел ни читать, ни писать, да и из других Караджичей ни один не был достаточно грамотен, чтобы записывать народные песни во время их пения или пересказа. Вук все же проявил свои родственные чувства к Шуе: когда тот был в изгнании и большой нужде, он хлопотал о нем перед князем Данило¹⁹ и сам помогал ему материально²⁰.

С переселением старожилов Дробняка в Сербию (Вук упоминает близкого родственника Йоко, который заходил к ним в Тршич) и возвращением жителей на старую родину (Вук отмечает, что его дядя Тома был в Дробняке накануне Первого сербского восстания), наряду со старыми песнями появлялись и новые, возникшие в Сербии и Черногории. Это, впрочем, видно и по самому содержанию четвертой книги народных песен из собрания Вука (Вена, 1833 г.): «Битва у Делиграда», «Прощание Джорджа с Сербией» и др. наверняка возникли в Сербии, подобно тому как «Битва морачан с турками», «Бан Милутин и Дука Герцеговинец», «Женитьба Вукашина» должны были возникнуть в Герцеговине и Черногории.

Интересно, что после присоединения Дробняка к Черногории в 1858 г., к чему стремились обе стороны, появились разногласия не только на экономической почве (по сравнению с каменистой Черногорией Дробняк был богатым краем и вынужден был больше вносить в общую экономику), но и из-за того, что черногорские гусяры, описывая совместные битвы, выделяли лишь своих героев. Однако и те и другие несомненно понимали, что похвалы должны быть основаны исключительно на действительных фактах, ибо песни с надуманными героями, по словам Митра Мартиновича — борника объединения 1918 г., «умирали бы раньше своего сочинителя».

Появлению на территории этнографической Герцеговины и Черногории множества хороших песен способствовали многие обстоятельства. Постоянная борьба — то в ограниченных пределах, когда речь шла о кровной межродовой и межплеменной мести или, по причине бедности, за трофеи, за отвоевывание награбленного турками-поработителями, а иногда и своими, то в более широких масштабах, когда объединялись усилия в борьбе за свободу дробняков и других герцеговинских племен, — давала самые разнообразные мотивы для песен. В Дробняке пели и о Первом сербском восстании (в Сербии дробняки принимали участие во взятии Белграда), и об убийстве Смаил-аги, организованном и выполненном дробняками, и о страшной мести Дед-аги — сына Смаил-аги. Поход Омер-паши на Черно-

¹⁶ G. D o b r a š i n o v i ć. Ibid., s. 451.

¹⁷ «Vukova prepiska», knj. V, s. 39.

¹⁸ Arhiv SANU, 8181/1.

¹⁹ S. V u k m a n o v i ć. Iz prepiske Vuka Karadžića sa knjazom Danilom. «Stvaranje», 1956, № 3, s. 199.

²⁰ J. S a u l i ć. Vukovi rođaci iz Petnjice. Zbornik Matice srpske, zaknjiževnost i jezik. Novi Sad, 1973, knj. XXI, sv. 2, 356—357.

горию в 1852 и 1862 гг.; восстания Вукаловича; невероятная победа под Граховцем в 1858 г., когда небольшой отряд герцеговинцев и черногорцев уничтожил большую турецкую армию, после чего было признано присоединение Дробняка к Черногории; Герцеговинское восстание 1875 г., охватившее всю Герцеговину, а со вступлением Черногории и Сербии в борьбу, переросшее в настоящую войну; оккупация Боснии и Герцеговины 1878 г. и аннексия 1908 г.; Балканские войны 1912 и 1913 гг. и первая мировая война 1914 г. — все это давало богатый материал дробняковским гусярам для новых тем и творческого подъема.

Примечателен факт, что три собирателя народных эпических песен из Дробняка: Вук из Петницы, Сима Милутинович из Комарницы и Новица Шаулич из Придворицы, хотя и не жили в самом Дробняке, были прекрасно знакомы с дробняковскими преданиями, устным народным творчеством и особенно с песнями гусяров. В предисловии к четвертой главе «Сербских народных песен» (Вена, 1833 г.) Вук (1787—1864) отмечал, что он родился и вырос в доме, где его дед, дядя, другие герцеговинцы, почти ежегодно заходившие к ним на зимовку, всю зиму пели или рассказывали народные песни.

Слова «почти ежегодно» указывают не только на экономические причины (неурожайные годы), но и на прочную привязанность к старой родине, особенно если принять во внимание трудные, медленные и опасные путешествия того времени. На чужой территории их поджидали и убивали турецкие завоеватели («и убили дядю Якова в Ужице, куда он пошел за пропитанием») ²¹.

Родившийся в Сараево Сима Милутинович (1791—1847) ²² отчетливо сознавал свое происхождение из Дробняка. В одном письме он прямо это подчеркивает, для того чтобы Вук с большим пониманием отнесся к его собирательской деятельности в Черногории ²³. Собранные там песни Милутинович опубликовал дважды: в Будиме в 1833 г. и расширенным изданием в Лейпциге в 1837 г. под названием «Песни черногорские и герцеговинские». За исключением нескольких лирических песен, в сборнике Милутиновича содержатся не систематизированные эпические песни разных исторических периодов. Большинство песен — о Марке Кралевиче и феодалах послековского периода. В песнях о феодалах-венграх, вошедших в венгерскую историю и в сербские народные песни благодаря совместной борьбе сербов и венгров против турецких завоевателей, чувствуется влияние приморских гусяров и бугарштиц. Милутинович внес в сборник также песни в народном духе Петра I и Петра II Негошей, причем последнего он с гордостью представляет читателям как своего ученика. В концовку песен Милутинович вносит припевы, как это делают и гусяры перед началом или при завершении песни, но иногда вместо припевов он вносил и свои стихи, отличие которых от народного творчества легко заметить. «Песни...» Милутиновича важны и в поэтическом и в языковом отношении. В них есть новые мотивы, темы, выражения, слова. Милутинович «первым из наших собирателей догадался указывать певцов» ²⁴ и давал краткие сведения об исполнителях, от которых он записывал песни, а также обогатил собрание песнями с новой фольклорной территории.

Вплоть до 30-х годов нашего века обе части Дробняка — Корита (Русла) и Озер — были сплошным бездорожьем. Современная культура и цивили-

²¹ G. Dobrišević. Ibid., s. 453.

²² Сербский писатель, поэт-романтик; автор лирических, эпических, драматических произведений, исторических трудов; собиратель фольклора.

²³ «Vukova prepiska», knj. I, s. 35.

²⁴ V. Nedić. Sima Milutinović Sarajlija. Beograd, 1959, s. 103.

лизация туда не проникали, прикладное искусство в ручных изделиях женщин и резьба по дереву, распространенная среди мужчин, а также устное творчество, в котором выделялись лирические песни, были в этих краях единственным способом художественного выражения. Почти в каждом доме были гусли, а в каждом селе — по несколько гусяров. Поэтом довольно много эпических песен нашел у дробняков и третий собиратель — Новица Шаулич (1888—1966), род которого идет из Придворицы в Дробняке, а сам он родился в Озерах под Дурмитором, на хуторе Юнче-До близ Жабляка. Он вырос примерно в тех же условиях, что и Вук в Тршице 150 лет тому назад — в атмосфере эпического творчества. К его отцу — священнику заходили по дороге в Жабляк известные дробняки и Новица слушал их рассказы, вперемешку с анекдотами и пословицами, а также песни о битвах с турецкими завоевателями.

Шаулич закончил ту самую гимназию в Сремских Карловцах (основанную в 1791 г.), в которую не приняли девятнадцатилетнего Вука и в которой учился также Сима Милутинович. Его тема по сербскому языку была «Вук и Максимилиан Врховац» (в то время уже полностью определилось понимание значения Вука, и в Карловцах все более высоко оценивались его заслуги). Вполне естественно, что благодаря домашним условиям и воспитанию, а также обучению в Карловцах, у Шаулича рано пробудился интерес к фольклору. Начиная с третьего класса гимназии и далее, после возвращения в Жабляк, он записывал народные песни. Избрав юриспруденцию, он сохранил прочную привязанность к родному краю и к собиранию устного народного творчества²⁵. Его сборники эпических песен «Сербские народные песни» (Подгорица, 1923 г.), «Сербские народные песни» (Белград, 1929 г.), «Сербские народные песни. Кралевиц Марко» (Белград, 1938 г.), «Сербские народные песни. Косово» (Белград, 1939), «Первое сербское восстание» (Белград, 1954 г.), другие эпические песни, опубликованные в отдельных изданиях и научных журналах, среди которых особенно выделяется песня «Стоян Янкович и травницкий визирь»²⁶ по большей части происходят от известных гусяров Дробняка. В своей работе о косовских песнях²⁷ он упоминает имена исполнителей или их родные села. В статье о песне «Янкович Стоян и травницкий визирь» Шаулич упоминает дробняковских гусяров, у которых он записывал песни о гайдуках и ускоках. Мича Шибалич, от которого Шаулич записал песню «Взятие Белграда», сказал ему: «Эту песню я слышал от Видака Новосела с Босача, а Видак слышал ее от одного оружейника, который туда заходил и ковал оружие»²⁸. «Битву на Мишаре», отличающуюся от песни Вука, Шаулич записал от Риста Вуковича из Меляка, а тот, в свою очередь, слышал ее от Ивана Чупича из Добрых Сел. Один из исполнителей, Стеван Бадняр из Подгоры, от которого записаны песни «Старина Новак» и «Плавко Маджарин», говорил Шауличу: «Если песня мне понравилась и я полюбил ее, она остается у меня в памяти. К каждой услышанной песне я добавляю что-нибудь свое, чтобы она стала еще лучше и краше, а в основе своей осталась прежней».

Дробняковские гусяры, признавая Шаулича своим, охотно жертвовали целые ночи, чтобы петь и наговаривать ему песни.

Песенный дар проявляется и у потомков дробняковских гусяров. Красивую и длинную песню «Бан Страинич» Шаулич записал по исполнению Маринко Леовца, предками которого были Яуковичи из Придворицы

²⁵ О жизни и деятельности Шаулича с библиографией его работ см. «Zbornik za život i obiçaje južnih Slavena», knj. 43, Zagreb, 1967, s. 653—657.

²⁶ «Glasnik Etnografskog muzeja», knj. XIX, Beograd, 1956, s. 217—237.

²⁷ «О происхождении сербских героических песен косовского цикла». «Русский фольклор», VIII. М.—Л., 1963, с. 178.

²⁸ Слова гусяров у Шаулича взяты из его рукописных материалов.

в Дробняке, но переселившись в Шетин в окрестностях Плевля, на гору Леово, они стали называть себя Леовцами. От него песню запомнил Милован Чворович из Никшической Жупы — сам признанный гусляр, в доме которого собирались гусляры из Гацка, Невесиня и других мест Герцеговины, среди них и был Леовац. От Милована песню запомнил его племянник Милан, от которого ее и записал Шаулич.

Из неизменной на протяжении поколений любви дробняков к народной песне и гуслиам, примером чему служат Караджичи — Шуге и Барье из Петницы, Стоян с сыном Андрией из Лопат в Лиевой Реке (Васоевичи), Йоксиль и Тома из Тршича, можно сделать вывод, что в глубине своей души Вук хранил любовь к народным песням, чувствовал их красоту, был способен к отбору лучшего, так что Копитару во время их встречи в Вене нетрудно было привлечь его к занятиям фольклором.

СУДЬБА СЛЕПЧЕНСКОГО АПОСТОЛА

Слепченский апостол — древнеболгарский кирилловский памятник, датируемый исследователями XII веком. Он представляет собой рукопись болгарской редакции, in folio, писанную уставом, на 154 пергаментных листах. Свое название памятник получил по месту обнаружения: его открыли в монастыре Слепче (св. Иоанна Предтечи), находящемся приблизительно в четырех часах пути к северо-западу от г. Битоля. Слепченский монастырь существует издавна, он много раз приходил в запустение, но затем возобновлялся¹. В средние века этот монастырь был центром письменности. Так, например, иеромонах Виссарион из г. Дебыр в 1547 г. переписывает здесь «Златоуст» и «Поучения» Кирилла Иерусалимского²; в 1563 г. здесь же переписывается книга «Диоптр» («Зръцало»), хранящаяся ныне в собрании А. И. Хлудова под № 66 в Московском Государственном историческом музее³. В XVI в. ктиторм монастыря был Димитр Кратовский — видный боярин, пользовавшийся влиянием среди турецких властей и щедро жертвовавший средства монастырям и церквам⁴. В 1845 г. русский славист В. И. Григорович, совершавший путешествие по европейским провинциям Османской империи, посещает Слепченский монастырь, наслышавшись о его богатой коллекции, насчитывавшей около 60 рукописей⁵. На В. И. Григоровича произвело сильное впечатление то обстоятельство, что в монастыре поддерживалось славянское богослужение, в то время как на обширной территории от Солуны и Охрида, от границ Фессалии до Скопие и Мелника богослужение велось на греческом языке. В 1916 г. болгарский ученый Йордан Иванов обнаружил в Слепченском монастыре уже около 70 славянских рукописей XIV—XIX вв.

Как один из древнейших памятников славянской письменности Слепченский апостол стал известен науке в середине XIX в. Тогда он представлял собой единое целое и хранился в упомянутом монастыре. Ныне он существует в разрозненном состоянии: отдельные его части находятся в архивах Москвы, Ленинграда, Киева и Пловдива.

Когда и при каких обстоятельствах разрозненные фрагменты памятника перекочевали в названные города?

¹ И. И в а н о в. Български старини из Македония. София, 1931, с. 71; Г. Т р а й ч е в. Манастирите в Македония. София, 1933, с. 61—67.

² Б. Ц о н е в. Опис на ръкописите и старопечатните книги в Народната библиотека в София, ч. I. София, 1910, с. 247—248.

³ А. Н. П о п о в. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 137.

⁴ Б. Ст. А н г е л о в. Из старата българска, руска и сръбска литература, ч. II. София, 1967, с. 295.

⁵ В. И. Г р и г о р о в и ч. Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877, с. 114—115.

СКРЪКА НА СКРЪЗЪ ПРНМХ ОМНУ ЖЕНО О
 БЕТЪ МНС РАДОКАТИ НАДЪАКЪСАНАКЪ
 САВЪЩЕ КОЛО РАДОСТЪ КЪСАЛЪКАМЪ БС
 СЕЪ: И РЕУА АНЕ ОМНОГЪ МНЪХЪ ПНСАХЪ КА
 МЪА МНОГА ПЛСЪЗЪА МН ДАНЕ ОБСКРЪБИТЕ
 СДАНЪАДОКЪ КЪРАДОУАЖЕТЕ ЖЖЕНЛА
 МЪА ЗАНХАКЪКАМЪ: К ПНЕ БРКАЛА

 РАСАГА РИ АБ СТРЪКАМ ЧНОХ НЖ: НА
 АНЦЕ ЕЛНУ ПРОТН КЖСТАХЪ: К КОЗА 2 ОА
 ЧКН МНЪ: АВЕВКО ДАЖЕ НЕ ПРН ДХЕТЕРИ
 КОТЪ К КО ВАСЪ ЖЪМЪ ДЪШЕ: Е ДТАЖЕ ПО
 АЖЪЗЪРЪЖАШЕСА: НОТЪ АЖУАШЕСА: НО
 СОВЪШЕ СЕБЕ: КОЖЕ АСЖШНХЪ ОТЪ ОВРЪ
 ЗАННЪ: НЛН ПЕЛЪРНШЖСАСЪННМЪА ПР
 ЧННОАЕН: Б К ОНКАРМАКЪ ПОВЪСТАТИ: АНЦЕ
 МЪА РЪГТЪА НХЪ: НЖБАГАКН ДЪХЪ: Б К ОН
 ПРАВОХОДАТЪ: КЪНСТННЪ СЕТАПЪ: О АХЪ
 ПЕТРОУ ПРЪАЪ БЪА МН: АЩЕ ПЪННОАЕН СЪ
 ЖЪА ПЪСКЪ: АНЕ НОАВНСКЪМ ЖНБЕШН
 КАКО ЖЪМЪ БЪА НШН: НОАЕН СТКОВАТИ
 ПЪА ОДОМЪННОАЕН: АНШЖЪМЪ КЪРЪШЪ
 МНЪН КНАЪКЪШЕ: К ОМБЕ ПОВАДН ПЪСА
 ЧАКЪА ПДАЪАЪЗЪА К ОН ДАШЕ МЪКЪ ОЖИ СЪ
 КОЖ: МЪА КЪА СХА ВЪРОВА КОЛЪ: АДО ПРАКЪ
 АНМЪА СМОТЪ КЪРЪХЪ ВЪ: АНБ ОДЪАЪЗЪА КО

9. Славянский Апостолъ собранія Верковича Публичной библиотеки Е. п. I. № 101: листъ 55.

Фрагмент Григоровича. Весной 1845 г. славист В. И. Григорович при посещении Слещенского монастыря приобретает там несколько рукописей, среди которых и части указанного апостола. В своих очерках о путешествии ученый не сообщает об этом факте, но на первом листе фрагмента имеется отметка карандашом, сделанная рукой В. И. Григоровича: «Слеще». Фактическим открывателем памятника становится известный русский исследователь И. И. Срезневский, который в 1868 г. впервые сообщает о

находке В. И. Григоровича, публикуя московский фрагмент⁶. После смерти В. И. Григоровича эта часть Слепченского апостола вместе с другими рукописями ученого в 1877 г. была передана его родственниками в Московский Румянцевский музей (ныне — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). Фрагмент Слепченского апостола хранится в архиве под шифром: Григ. 14, или Муз. 1695.

Фрагмент Верковича. Стефан Веркович посещает Слепченский монастырь и находит отрывки апостола. На л. 10 обнаруженной им части рукописи, ученый оставляет запись, указывающую год и место ее открытия. Позднее С. Веркович передает отрывки апостола доктору Й. Шафарику, а тот, в свою очередь, предоставляет их И. И. Срезневскому для подготавливаемого им издания фрагмента В. И. Григоровича. Описание фрагмента С. Верковича выполнил русский исследователь А. А. Кочубинский⁷. После смерти Й. Шафарика (1876), фрагмент вновь возвращается к С. Верковичу. Около пятнадцати лет Ст. Веркович проводит в России и в 1891 г. продает собранные им рукописи Петербургской Публичной библиотеке, где их спустя некоторое время кратко описывает библиотекарь А. Ф. Бычков⁸. Фрагмент С. Верковича хранится ныне в Ленинградской Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром: 1.101. Это самая большая часть Слепченского апостола, насчитывающая 130 л. (Рис. 1).

Фрагмент Сарафова. В отчете Петербургской Публичной библиотеки за 1895 г. сообщается о приобретении ею рукописного собрания болгарина Сарафова, однако не приводится никаких подробностей. Оставалось неизвестным, каким образом указанная коллекция была предложена библиотеке, как эти рукописи попали в Петербург, и что за личность был этот Сарафов.

В «Отчете» на с. 39 читаем: «Между тем, для библиотеки было весьма нежелательным упустить случай присоединить это собрание к ранее купленному ею собранию рукописей Верковича, так как одно собрание дополняет другое». Как видно из этих строк, библиотека связывала имена Сарафова и Ст. Верковича и поэтому логично искать следы этой загадочной личности среди друзей и знакомых Ст. Верковича и вероятнее всего там, где он долгое время работал и занимался поисками рукописей.

В корреспонденции Ст. Верковича фигурируют имена Петра, Николы, Косты Сарафовых — братьев из села Гайтанинова Неврокопской области⁹. Очевидно, наиболее тесную связь Ст. Веркович поддерживал с Петром Сарафовым (1842—1913), получившим образование в г. Сересе и работавшим там учителем. Как известно, в этом городе Ст. Веркович долго жил, занимаясь поисками рукописей. В декабре 1881 г. учитель Петр Сарафов, являвшийся одновременно секретарем местной болгарской церковной общины, послал письмо Ст. Верковичу с просьбой походатайствовать перед русским императором о защите болгар от султана Абдула-Гамида. В другом письме П. Сарафов сообщает Ст. Верковичу о том, что он начал учить болгарскому языку его детей и те делают большие успехи. Еще в одном письме от 5 мая 1881 г. он пишет Ст. Верковичу, что открытие болгарской школы в

⁶ И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, с. 110—117, 301—330.

⁷ А. А. Кочубинский. Отчет о занятиях славянскими наречиями с 1-го февраля 1875 г. до 1-го августа 1876 года. «Записки императорского Новороссийского университета», т. XX. Одесса, 1876, с. 52—54.

⁸ См. «Отчет о заседаниях Императорского общества любителей древней письменности». СПб., 1891.

⁹ «Документы за българското възраждане из архивата на Ст. И. Веркович». София, 1969, с. 606—607.

Сересе осложняется из-за противодействия местного греческого владыки.

Сохранились и другие письма П. Сарафова Ст. Верковичу, свидетельствующие о тесной связи между ними. Все это наводит на мысль о том, что П. Сарафов и есть тот болгарин, у которого Петербургская Публичная библиотека в 1894 г. приобрела славянские рукописи.

Киевские фрагменты. 21 апреля 1895 г. на торжественном отчетном собрании Общества любителей древней письменности зачитывается сообщение, присланное профессором Киевской духовной академии П. В. Владимировым. Оно озаглавлено: «Два пергаментных листа из книги Апостольских чтений XII века». Позднее это сообщение публикуется в приложении к «Отчету о заседаниях Императорского общества любителей древней письменности в 1894—1895 году» (СПб., 1895, с. 65—70). П. В. Владимиров привел текст фрагмента целиком, однако, как впоследствии установил В. Ягич (AsbPh, XIX, с. 294), со множеством неточностей. Указанные листы из Апостольских чтений хранились тогда в Церковно-археологическом музее при Киевской духовной академии. Они были переданы туда воспитанником академии архимандритом Антонином¹⁰, побывавшим в Слепченском монастыре в мае 1865 г. По-видимому, данные листы апостола были вырваны из него еще ранее, так как в части рукописи, обнаруженной Ст. Верковичем, они уже отсутствовали. После установления Советской власти рукописи Церковно-археологического музея были переданы в Центральную научную библиотеку АН УССР. Сюда попали и фрагменты Слепченского апостола, хранящиеся в библиотеке под шифром: ДА/П.26.

Пловдивские фрагменты. 28 июня 1880 г. Хр. В. Пулеков подарил пловдивской Народной библиотеке девять пергаментных листов, которые были зарегистрированы под № 62. Они являлись частью рукописи болгарской редакции и содержали отрывки Апостольских чтений. Их происхождение длительное время оставалось неясным. Лишь спустя девятнадцать лет на них впервые обратил внимание русский историк П. Кулаковский, побывавший в Пловдиве летом 1899 г. В своем отчете он пишет: «При моем знакомстве с рукописным собранием этой библиотеки я обратил внимание, между прочим, на пергаментную неполную копию апостольских чтений, подаренную этой библиотеке Пулековым (№ 62). Язык, материал и прочие палеографические данные заставляют меня предположить, что этот памятник может быть отнесен даже и к XIII в. Можно заметить сходство форм и письма с текстом Слепченской книги апостольских чтений XII в. Но это остается только предположением»¹¹.

В августе 1905 г. русский славист Г. А. Ильинский посещает Пловдив и снимает с фрагментов копию. Очевидно, они действительно являются частью Слепченского апостола и ранее занимали место между л. 15 фрагмента Ст. Верковича и л. 1. фрагмента В. И. Григоровича. Позднее пловдивские листы были описаны Б. Цоневым¹².

Лист Срезневского. В феврале 1906 г. Г. А. Ильинский обнаруживает в библиотеке В. И. Срезневского еще один лист Слепченского апостола. Этот лист достался последнему по наследству от отца — И. И. Срезневского, а тот, в свою очередь, получил его от В. И. Григоровича. Место данного фрагмента между л. 102 и 103 части Слепченского апостола Ст. Верковича. В 1910 г. рукописи И. И. Срезневского были переданы в архив библиотеки

¹⁰ Н. И. Петров. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. I. Киев, 1875, с. 16.

¹¹ П. Кулаковский. Отчет о научных занятиях за границей в летнее вакационное время 1899 г. Варшава, 1900, с. 8.

¹² Б. Цонев. Опис на славянските ръкописи и старопечатните книги в Пловдивската Народна библиотека. София, 1920, с. 18, № 25 (65).

Петербургской Академии наук. Фрагмент И. И. Срезневского, являющийся синаксарной частью Слепченского апостола, хранится здесь под шифром: 24.4.6.

Для лучшего прочтения текста указанный фрагмент подвергался химической обработке и приобрел синеватый оттенок. Нижняя его часть слегка повреждена¹³.

В начале XX в. Г. А. Ильинский занялся изучением всех отрывков Слепченского апостола с лингвистической и палеографической точек зрения. Он пришел к выводу, что памятник создавался в восточной Болгарии. Свои наблюдения ученый обобщил в замечательном труде «Слепченский апостол XII в.» (М., 1912).

Это издание до настоящего времени является одним из лучших исследований-изданий древнеболгарских памятников в науке.

---

¹³ Ю. Б у б н о в, О. П. Л и х а ч е в а, Н. Ф. П о к р о в с к а я. Пергаментные рукописи библиотеки Академии наук СССР. Л., 1976, с. 12—13.

Е. А. АКСЕНОВА

ВАЖНЫЙ ПАМЯТНИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГРАММАТИКО-ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (текстологический и акцентологический анализ)

§ 1. Для истории славянской культуры большой интерес представляют средневековые грамматические сочинения разного характера. Являясь продуктом научной мысли своего времени, они отражают разные этапы формирования лингвистического знания. Среди старорусских грамматических руководств едва ли не самым ранним является так наз. Буковница, известная по рукописи 1592 г.¹ Буковница 1592 г. ценна, с одной стороны, как образец средневекового языкознания, с другой, как богатый источник сведений о русском языке XVI в., в особенности о его словоизменении и акцентуации. Эта рукопись позволяет, в частности, существенно расширить имеющиеся сведения по истории старорусских акцентных систем. Поскольку Буковница датирована и локализована, ее данные весьма существенны также для русской исторической диалектологии (в особенности для ее акцентологического аспекта).

Буковница 1592 г. (сокращенно: Бук.) занимает л. 130—235² в сборнике ГБЛ, ф. 173.1 (собр. Моск. духовной академии), № 35. Рукопись написана на бумаге размером в лист конца XVI в. мелким полууставом одной руки. Послесловие писца (л. 233) помимо даты (1592) содержит сведения о заказчике и о самом писце, позволяющие отнести данную рукопись к северо-востоку великорусской территории (район ростово-суздальской колонизации). Писана Буковница «в дому ... Тимофе́а дѣякона Яковлева сына ва́женина»³ (*важенин* — от названия реки Вага, притока Северной Двины). Писец Павел — пострижник Ворбозомского Благовещенского монастыря (район Белого озера). Северо-восточное происхождение рукописи подтверждается некоторыми особенностями ее языка и лексического состава.

Назначение Буковницы — служить «распространѣнію вѣлѣаго рѣзума і грамотѣчству» (Бук., 233). Буковница является орфографическим руководством (с оригинальной системой правописания) и пособием по словоизменению некоторых классов слов. Она содержит расположенные в азбу-

¹ Автор выражает глубокую благодарность Н. Б. Тихомирову, обратившему его внимание на эту ценную рукопись.

² Здесь и в дальнейшем (при ссылках на текст рукописи) лицевая сторона листа обозначена просто его номером, оборотная сторона — тем же номером с буквой «б».

³ Орфография цитируемых текстов дается с некоторыми упрощениями (в частности, юс малый и *a* йотированное передаются одинаково через *я*; ук передан через *у*; из надстрочных знаков сохранены только акцентные знаки).

чном порядке списки словоформ с пояснениями грамматического характера. Так, например, обозначены формы чисел, падежей. Алфавитное расположение материала определило заглавие сочинения: «Буковница, рекше Азбука» (из послесловия). От других сочинений, содержащих алфавитные своды, например, азбуковников, Буковницу отличает отсутствие толкований при словах. Рукопись не закончена (например, личные формы глаголов доведены только до «s»). Фактически имеющийся текст состоит из трех частей. Назначение первой части — различие средствами орфографии единственного и множественного числа. Орфографическая система вводится специальной таблицей «Сказаніе боуквицямъ о них же[е] состоится единство і мно́жество» (Бук., 130). Полезность самого принципа графического различения единственного и множественного числа поясняется на примерах словоформ определенных категорий (как именных, так и глагольных), преимущественно форм-омонимов. Эта система довольно последовательно соблюдается в тексте всех разделов Буковницы 1592 г. Тем самым Буковница 1592 г. отличается от ряда рукописей грамматического содержания, в которых многие орфографические правила провозглашаются, но фактически не соблюдаются в самой рукописи.

В этом же разделе на полях помещена статья об употреблении титла, регламентирующая сокращенное (со знаком титла) или полное написание слов в зависимости от степени святости обозначаемого словом предмета или явления.

Две другие части посвящены словоизменению прилагательных и причастий. Они различны по объему, по числу и составу падежных форм, а также и по приемам систематизации материала. Во второй части только одна словоформа — именительный падеж мужского рода — написана полностью, для прочих указаны лишь падежные окончания и конечные буквы основы (т. е. использован технический прием, актуальный и для нынешней лексикографии).

Буковница могла быть использована и для обучения грамоте: на лл. 234—235 помещены азбучные таблицы и таблицы слогов (оставшиеся незаконченными).

§ 2. Анализ содержания позволяет выявить текстологическую общность Буковницы и других как собственно русских, так и южнославянских средневековых грамматических сочинений (большая их часть вошла в известный труд В. И. Ягича⁴). Это статьи «О восьми частях слова», «О множестве и единстве», «Буквы грамматичного и осмочастного учения» и некоторые другие. Сходные задачи в области упорядочения орфографии, создания «орфографической грамматики» решаются и авторами первых славянских грамматик (Грамматика Лаврентия Зизания 1596 г., Грамматика Мелетия Смотрицкого 1618 г.).

Сочинение «О восьми частях слова», автором которого считался Иоанн Дамаскин, пользовалось в среде русских книжников особой популярностью. Не случайно именно «великого светильника» Дамаскина призывает себе в помощь писец Буковницы Павел. В записи-послесловии к Бук. он прямо указывает, что грамматический комментарий («беседа») взят «от дамаскіновых грамотикѣи от осмоча́стнаго разумѣнїа от пѣрвыа части слова сирѣчь от имяни». Грамматическую терминологию Буковницы и типы выделяемых здесь грамматических разрядов можно найти либо в самом сочинении «О восьми частях слова» (Ягич, тексты гл. IV), либо в одной из статей того же названия, созданных на его основе (Ягич, гл. VII,

⁴ В. И. Я г и ч. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке (далее — Ягич). СПб., 1896 (отдельный оттиск из «Исследований по русскому языку», т. I, СПб., 1885—1895).

тексты №№ 22—25). Примером тому может служить парадигма слов адъективного склонения Бук., состоящая из четырнадцати форм («сущие нарицание мужскаго имяне единственно» — И. ед. муж., «помяновение мужскаго имяни единственно» — Р. ед. муж. и др.). Деление слов адъективного склонения на те же четырнадцать «начертаний» известно некоторым редакциям статьи «О восьми частях слова» (см. Ягич, текст № 22, с. 461, 464).

Наибольшую близость к Буковнице обнаруживает сочинение «О множестве и единстве» в редакции, известной по рукописи XVII в. Софийско-Новгородского собрания (Ягич, с. 431) и одна из редакций статьи «Буквы грамматичного и осмочастного учения» (сокращенно: «Буквы»), вошедшая в сборник первой четверти XVII в.⁵

В статье «О множестве и единстве» также решается задача различения средствами орфографии форм единственного, множественного и двойственного числа (последнее в Буковнице отсутствует) и объясняется необходимость различения «святого», «посреднего» и «отпадшего» (но алфавитного перечня слов здесь нет). Орфографическая система, типы противопоставленных грамматических разрядов, а также некоторые приемы изложения указывают на общий источник данной статьи и первой части Буковницы. Вместе с тем, Буковница является словарным пособием, объем метатекста здесь невелик, тогда как в указанной статье метатекст составляет большую часть содержания, а примеры носят чисто иллюстративный характер.

Второе из указанных сочинений («Буквы») соотносимо с Буковницей в целом. Точно определить его жанровую специфику довольно трудно, поскольку оно не является ни грамматикой, ни словарным пособием в собственном смысле слова. В структуре «Букв» сочетаются элементы грамматики и словаря, причем собственно словарный материал также неоднороден: часть его организована по принципу толковых словарей (типа азбуковников), другая часть — по типу Буковницы. В Тих. имеется довольно пространное предисловие, где от имени составителя «Букв» («аз ... потщѣлся сїя бѹквы состѣвити») назначение данной книги определяется следующим образом: «Сїя бѹквы состѣвлены вїны ради сея дабѣи і простѣйшимъ вѣдомо было, рѹдное ѿт прѣваго. і винѹвнаго і дѣйствиа[о]; і творїтелнаго; і да познѣется мѹжеска рѣчь ѿт женскїя, еж[е] чѣмъ разнствуєта другѣ друзѣи. і да разумна будуть двѹйственныя рѣчи ѿт множественныхъ. К сему ж[е] да познѣются нѣкїимъ сїя, еже чїмъ пакїи разнствуютъ рѣчи сїя, другѣ друзѣи, еже рещї дѣла і дѣянїя. іли житїє і жїзнь. і нїщї і оубогѣ. і пакїи да ѡбѣяйтся всѣмъ, еже кѹе разнство єсть еже рещи агг[е]ли, іли агг[е]лы...» (Тих., 236 — 24).

По сравнению со словарем Буковницы объем лексического материала «Букв» невелик, но глагольная и именная парадигмы представлены значительно более полно. «Буквы» (Тих.) объединяет с Бук. не только общность грамматической информации, словаря, но и некоторые приемы систематизации и подачи материала. Отметим, в частности, выделение одной из форм парадигмы в качестве исходной и сокращенную запись прочих словоформ, использование киновари для различения акцентуационных омонимов (подробнее см. § 3).

Существенно, однако, что при всех указанных текстологических связях с другими грамматическими сочинениями, Буковница 1592 г. является уникальным лингвистическим памятником: она в сущности представляет со-

⁵ Грамматический сборник. ГБЛ, ф. 299 (собр. Тихонравова), № 336 (далее — Тих.). Статья «Буквы» занимает в этом сб. л. 23—58.

бой не что иное как грамматический (словоизменятельный) словарь и в этом своем качестве не имеет прямых аналогов.

§ 3. Создателей Буковницы 1592 г. характеризует особое внимание к акцентологическому аспекту. Это получило отражение в грамматических комментариях Буковницы, в структуре грамматических статей, а также в некоторых нестандартных приемах обозначения ударения в самой рукописи.

В тексте, поясняющем назначение азбучных таблиц, в частности, говорится, что составлены они для того, «дабы сѣдѣи въ оучѣлищи именѣ боуквамъ изъясно въдал, и въ образъ ихъ по начертанію истинно разумѣл, и в с л о г ѣ с ѣ л у к р ѣ п к о р а з у м ѣ л ь» (Бук., 234). В известных редакциях статьи «Беседа о учении грамоте», включающей в себя подобные таблицы и пояснения к ним, указаний на «верхнюю силу» (т. е. на ударение) нет. Ср. Ягич, с. 392, 400.

Текст самой рукописи (Буковницы 1592 г.) последовательно акцентован, плотность акцентуации очень высока. Ударение передается с помощью следующей системы надстрочных знаков. Вария (˘) — над конечным открытым слогом, в прочих случаях, как правило, оксия (ˊ). Над начальной неприкрытой гласной знак варии сочетается со спиритусом, над срединной неприкрытой гласной спиритус обычно отсутствует. Употребление каморы (ˆ) ограничено словами (*за*)крыти, мужь и односложными типа *мы, бо*. Таким образом, в Буковнице 1592 г. представлен один из вариантов так наз. «старопечатной»⁶ системы. Вместе с тем нетрадиционным является употребление варии в формах страдательных причастий настоящего времени (независимо от позиции ударного слога) в отличие от форм 1 мн. презенса. Ср., например *оублажѣемъ онъ отъ насъ* и *оублажѣемъ мы его*.

В первой части Буковницы противопоставлены некоторые типы акцентуационных омонимов: формы типа *бѣгомъ* Т. ед. — *бѣгомъ* Д. мн.; 2 мн. презенса и императива глаголов определенных акцентных типов. В последних формах использован оригинальный способ обозначения иктуса: в словоформе с двумя акцентными знаками ударение презенса передается киноварью, ударение императива — чернилами (л. 134, но на л. 131 соотношение цветов иное). Ср., например, *божѣтѣся* (киноварь над *ы*) 131. Аналогичный способ различения этих двух глагольных форм встречаем в Тих. в статье «Буквы», где формы 2 мн. презенса и императива выделены в специальный раздел.

В грамматических статьях Тих. киноварь для обозначения акцентных знаков используется шире, чем в Буковнице 1592 г. С помощью киновари различаются здесь и другие типы акцентуационных омонимов, например, *брѣни* (киноварь над *и*): *брѣни* «вѣйны», *бранѣ* 2 ед. императива глагола *бранити*. Кроме того киноварью обозначено в ряде случаев альтернативное ударение: примеры типа *гбрѣи* (киноварь над *ѣ*). В Буковнице 1592 г. вариативность ударения также может быть передана двумя акцентными знаками в одной словоформе, но киноварь при этом не используется.

Отметим еще некоторые свидетельства внимания русских книжников к акцентологическому аспекту текста.

Писец сборника сочинений Дионисия Арсеподита (рукопись 1617 г.)⁷, принося извинения за возможные ошибки и погрешности, допущенные при

⁶ Речь идет о системе надстрочных знаков, принятой в старопечатных книгах XVI—XVII вв. См. А. А. З а л и з н я к. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в., § 6 (далее — Зализняк. Глаг. акц.). «Славянское и балканское языковедение. Проблемы морфонологии». М., 1980.

⁷ Творения Дионисия Арсеподита. ГБЛ, ф. 173. I (собр. Моск. духовной академии), № 26. Рукопись писана в Ярославле «рукѡю... Георгіа Евсѣвѣева с[ы]на. Комѣнина ржевѣтина».

переписке, просит не винить его и в тех случаях, когда он «над которую (sic!) рѣчию вѣрхънюю силу не по достоянью положилъ» (л. 312 б). В Тих. (первая четверть XVII в.) имеются замечания по поводу книжно-славянского языка Юго-Западной Руси. Здесь, в частности, указывается на несовершенство «в просодіюхъ» литовских грамматичных книг», в которых пишется «совѣтую, пользую, втѣрой» вместо «совѣтую, пользую, втѣрой» (л. 22).

§ 4. Анализ акцентной системы Буковницы 1592 г. представляет значительный интерес для исторической акцентологии. Исследования последнего времени в области славянской акцентологии убедительно продемонстрировали необходимость описания и систематического изучения конкретных просодических систем, отраженных средневековыми письменными источниками. Буковница 1592 г. дает большой однородный материал, позволяющий реконструировать акцентную систему одного из русских говоров северо-восточного типа, зафиксированную в конце XVI в. Особая ценность данной рукописи для исторической акцентологии и диалектологии русского языка определяется еще и тем обстоятельством, что системы северо-восточного типа не изучены.

В ходе акцентологического обследования рукопись была расписана полностью. Ниже предлагается обзор основных акцентных особенностей Буковницы 1592 г. Основное внимание уделяется акцентной системе слов адъективного склонения, составляющих большую часть материала Бук. Акцентная система Бук. рассмотрена в связи с системами, зафиксированными в ряде других русских акцентуированных рукописей XIV — XVII вв. и данными праславянской реконструкции⁸.

При установлении акцентных систем по данным старорусских рукописей, мы исходим из того, что русские акцентные системы XIV—XVII вв. сохраняют реконструируемое для праславянского (и раннего древнерусского) противопоставление трех акцентных парадигм⁹. Это противопоставление в указанный период приобретает следующий вид. А. п. а — неподвижное ударение на определенном слоге основы А. п. б — ударение на окончании в одних словоформах, на последнем слоге основы в других. А. п. с — подвижность ударения: одни словоформы имеют начальное ударение, другие — конечное, третьи — предконечное; формы с начальным ударением в составе фразы передают это ударение проклитике (приставке, частице) (маргинально-подвижное ударение). В то же время — в отличие от истори-

⁸ В вопросах реконструкции праславянской акцентной системы мы опираемся в первую очередь на работы Хр. Станга, В. М. Иллич — Свитыча и В. А. Дыбо. См. Chr. Stang. Slavonic accentuation (далее — Станг). Oslo, 1957; В. М. Иллич — Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963; В. А. Дыбо. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. «Вопросы славянского языкознания», вып. 6. М., 1962; е го же. Акцентология и словообразование в славянском. (далее — Дыбо 1968). «Славянское языкознание. VI международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации». М., 1968; е го же. О фразовых модификациях ударения в праславянском. «Советское славяноведение», 1971, № 6. Об истории ударения русских прилагательных см. В. А. Дыбо. Фрагмент праславянской акцентной системы (ударение прилагательных с суффиксом -ъкъ) (далее — Дыбо 1970). «Советское славяноведение», 1970, № 5; В. В. Колесов. История русского ударения. Л., 1972; В. А. Редькин. К истории ударения бессуффиксальных имен прилагательных в русском языке. «Филологические науки», 1961, № 4; е го же. Из истории имен прилагательных с ударением на корне в русском языке. «Вестник Московского университета», серия VII, 1963, № 1.

⁹ Термины «акцентная кривая» (далее — акц. кр.), «акцентная парадигма» (далее — а. п.), «энклиомен» используются в соответствии с работами В. М. Иллич — Свитыча и В. А. Дыбо; подробнее см. А. А. Зализняк. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV в. «Мерило праведное», § 2, 5, 6 (далее — Зализняк. Акц. Мер.). «Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность». М., 1979. При изложении общих положений использовались также другие работы этого автора, прежде всего — Зализняк. Глагол яцк.

чески первоначального состояния — древняя а. п. может быть представлена в некотором морфологическом классе слов более чем одной акцентной кривой. Разные а. п., однако, обычно не смешиваются. Далее под а. п. понимается определенная совокупность акцентных кривых, выявленных в результате чисто синхронического описания акцентных противопоставлений каждой из исследуемых рукописей. Таким образом удастся представить материал в виде, удобном для сопоставления в диахроническом и синхроническом планах.

Необходимо различать синхроническую а. п. некоторого слова (определяемую в пределах акцентной системы конкретного памятника, в частности, Бук.) и его исторически первоначальную (или «этимологическую») а. п., т. е. ту а. п., к которой это слово предположительно относилось в православнославянском. Далее везде, где специально не оговорено иное (в частности, с помощью пометы «этимологическая а. п.», или сокращенно — «этим.»), имеется в виду а. п., фиксируемая синхронически. Помету «этим. а. п. а (а. п. б, а. п. с)» получают все слова, обнаруживающие расхождение исторически первоначальной и синхронически фиксируемой а. п.

А к ц е н т н а я   с и с т е м а   с л о в   а д ъ е к т и в н о г о
с к л о н е н и я

§ 5. Прилагательные и все типы причастий представлены в Бук. полными и краткими формами (сокращенно: п. ф., кр. ф.). Из п. ф. в рукопись вошли словоформы типа *дббр-ыи, -ое, -аа* И. ед. жен., *-аго, -ому, -ымь* Т. ед., *-иа* Р. ед. жен., *-ыхъ, -ымь, -ыя* В. мн., *-ыми*. Из кр. ф. — *дббръ, дббрѧ* И. ед. жен., *дббрѡ, дббрѣ*, а также звательные формы единственного числа мужского и женского рода: *дббре, дббрѧ*. Сведений о распределении ударения в других точках парадигмы по кратким формам рукопись не дает (единичны акцентованные формы В. ед. жен.). Достаточно полно представлены непроизводные прилагательные, а также суффиксальные на *-ьнъ, -ѣкъ, -ьскъ, -янъ, -авъ, -окъ*. Не включен в статью материал по прилагательным на *-овъ, -инъ* и некоторым другим, поскольку данные здесь неполны.

§ 6. В акцентной системе слов адъективного склонения Буковницы 1592 г. противопоставлены три а. п. Акцентные кривые, отражающие а. п. а, а. п. б, и а. п. с, показаны в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Формы	а. п. а: акц. кр. а	а. п. б: акц. кр. б	а. п. с*		
			акц. кр. с ₁	акц. кр. с ₂	акц. кр. с ₃
Кр. ф.	<i>язьичень язьична язьично</i>	<i>красень краснѧ краснѡ</i>	<i>дблжень дблжнѧ дблжнѡ</i>	<i>тѣмень темнѧ темнѡ</i>	<i>грбмень грбмнѧ грбмнѡ</i>
П. ф.	<i>язьичны язьичныи</i>	<i>краснѣ краснѣи</i>	<i>дблжны дблжныи</i>	<i>темны темныи</i>	<i>грбмны грбмныи</i>

* У страд. прич. прош. вр. с *-н-* представлена еще и акц. кр. с₄: *прѡданъ, (про)дан-ѧ, -ѡ, -ѣ, прѡданыи*. В изолированных случаях как вариант к ударению типа *прѡданыи* выступает ударение типа *прѡданьѣи*.

Как видно из таблицы ¹⁰, каждая из первых двух а. п. представлена только одной акц. кривой. В а. п. а — неподвижное наосновное ударение.

¹⁰ Не включены в таблицу звательные формы ввиду их особого (книжного) характера. Ударение Зв. (за исключением Зв. ед. муж. слов. а. п. б) совпадает с ударением соответствующей формы И. У слов а. п. б в Зв. ед. муж. наосновное ударение типа *дббре* (ср. § 9, Замеч.).

В. а. п. *b* ударение кр. ф. (флексионное, при неслоговом окончании — на последнем слоге основы) противопоставлено наосновному ударению п. ф. Формы с *не-*, *пре-*, образованные от прилагательных а. п. *a* и а. п. *b*, как правило, сохраняют а. п. исходных прилагательных.

В. а. п. *c* различаются четыре акц. кривые. Акц. кр. c_1 соответствует тому, что теоретически ожидается для слов этим. а. п. *c*: флексионное ударение в кр. ф. женского рода и в п. ф., наосновное (начальное) ударение в прочих кр. ф. Как правило, акц. кр. c_1 реализуется в Бук. у слов этим. а. п. *c*; исключения: «сырой», «толстый» (по-видимому, этим. а. п. *a*). У некоторых прилагательных этим. а. п. *a* («чистый», «злобный») и а. п. *b* («равный») акц. кр. c_1 выступает в качестве акцентного варианта наряду с акц. кр. c_2 . Акц. кр. c_2 отличается от c_1 ударением п. ф. Значительная группа слов обнаруживает колебание ударения в п. ф. (c_1/c_2). Колебания отмечены для всех морфологических классов слов, где представлена акц. кр. c_2 : *хромѣи* — *хрѣмаго* (непроизводные), *грозными* — *грѣзнаго* (-ѣнѣ), *кроткими* — *крѣткими* (-ѣкѣ), *земскому* — *зѣмским* (-ѣскѣ)¹¹. Акц. кр. c_3 представлена у нескольких прилагательных этим. а. п. *c* на -ѣнѣ, -ѣнѣ. Образование кр. ф. этих слов, по-видимому, затруднено. Это, вероятно, и объясняет отклонение от подвижности в кр. ф. — наосновное ударение в форме женского рода.

Акц. кр. c_4 представлена у страдательных причастий прошедшего времени с -н-, образованных от глаголов а. п. *c* (*a*-глаголы с неслововым корнем и *V*-корневые глаголы¹²). Исторически первоначально в данном классе словоформ маргинально-подвижное ударение (первоначальной акцентной модели в Бук. соответствуют формы типа *прѣданѣ*, *прѣданѣ*, *прѣданѣи*).

Начальноударные словоформы а. п. *c* (старые энклиномены) могут переносить ударение на проклитики. Регулярно этот перенос осуществляется только у причастий: при акц. кр. c_1 — у *m*-причастий (*прѣклятѣ*, *прѣклятѣ* -о, -ѣ); при акц. кр. c_4 — у *n*-причастий (*прѣданѣ*, *сѣбранѣ*). Перенос ударения на частицу *не-* у прилагательных нерегулярен, на другие проклитики (приставку *пре-*) он не распространяется вообще. С ударением на *не-* зафиксированы формы прилагательных с акц. кр. c_1 (*нѣхудѣ*), c_1/c_2 (*нѣкрѣтко*).

Разбор материала

§ 7. Поскольку материал довольно велик, мы ограничиваемся здесь лишь кратким его обзором¹³.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Непроизводные и опростившиеся слова. А. п. *a*: *тѣхѣи* (представлен также акцентный вариант, соответствующий схеме подвижности кр. ф.), *щѣдрыи*¹⁴. А. п. *b*: *дѣбрѣ*, *дѣбрѣ-ѣ*, -ѣ, -ѣ, *дѣбрыи*, *прѣдѣбрѣ*, *прѣдѣбрѣ-ѣ*, -ѣ,

¹¹ То, что мы имеем здесь дело именно с колебаниями (а не с распределением двух типов акцентной в зависимости от грамматической формы), явствует из полного обследования всего относящегося сюда материала: в одних и тех же формах (даже для той же самой лексемы) может быть показано и наосновное и флексионное ударение. С другой стороны, практически для всех падежных форм, представленных в Бук., встретилось и корневое и флексионное ударение.

¹² Обозначение классов глаголов по работе: Зализняк. Глаг. акц., § 15.

¹³ Материал Бук. дается в сокращенной записи: для каждого слова приводится одна или несколько словоформ с указанием а. п. (и акцентной кривой внутри а. п.), к которой это слово относится. Указывается также (хотя и не всегда) общее число словоформ с показанной акцентной (в косых скобках).

¹⁴ Аналогичный материал для «щедрыи» дает Тих., где, в частности, *щѣдра* И. ед. жен. 5б. Соответствующий глагол как в Бук., так и в Тих. обнаруживает колебания между а. п. *a* и а. п. *c*. Этим. а. п. слова «щедрыи» — а. п. *b*, см. Дыбо 1968, с. 162; В. А. Дыбо о. Закон Васильева — Долобо в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета), с. 11 (далее — Дыбо 1975). «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», V. XVIII, 1975.

-ы, *предббрыи*; *кругола* 163, *кругла* И., Зв., -ò, 163, 201, -ы 201, *круглыи* 163, 201 /6/; *мёртвѣ*, *мертвѣ-а*, -ò, -ы, *мёртвыи*; *мудръ*, *мудра-а*, -ò, -ы, *мудрыи*; *тягль*, *тягла-а*, -ò (без п. ф.) 176; *нехитрѣ-а*, -ò, -ы, *нехитрыи*, *прехитрѣ*, *прехитрѣ-а*, -ò (но *прехитры* 208, см., § 9, Замеч.), *прехитрыи*; *чёрнѣ*, *чернѣ-а*, -ò, -ы, *чёрныи*. По-видимому, сюда же: *ббдраа*, *бблаа*, *ббцаа* (акцентная характеристика неполна; этим. а. п. *b*). Сложные слова, производные от прилагательных а. п. *b*, переходят в неподвижный тип с ударением на втором компоненте (а. п. *a*); в части словоформ ударение соответствует схеме подвижности кр. ф.: *цѣломудра*, *злolutа*. Ср. *зломудра*, -ò, -ы, *злolutа*, -ò, -ы¹⁵. А. п. *c* (акц. кр. *c*₁): *глухѣи*, *гнилыи*, *драги*, *живѣи*, *златѣи*, *младѣи*, *простѣи*, *худѣи*, *частѣи* (а также *сырыи*, *толстыи*, вероятно, этим. а. п. *a*). Без кр. ф.: *благи*, *яра* И. ед. жен. 1536. С колебанием в п. ф. (акц. кр. *c*₁/*c*₂): *гордымъ* — *гордаа* /3/, *твердыму* — *твёрдыи* /8/ (этим. а. п. *c*): *чистому* — *чистѣи* /5/ (этим. а. п. *a*); *тощѣму* /2/ — *тощѣи* /4/, *хромѣи* /3/ — *хромаго* (этим. а. п. не вполне ясна). При наличии *пре-* в п. ф. и кр. ф. только наосновное ударение: *прегбрыи*, *пречѣстыи*. Акц. кр. *c*₂: *облыгъмъ* (этим. а. п. *a*), *храбрыи* (этим. а. п. *a* или *b*), *лѣныхъ* (этим. а. п. *c*, см. Дыбо 1975, с. 54), *трѣзыи* (этим. а. п. *c*). Формы с *не-*, *пре-*: *нехудѣ*, *нехудѣа*, *нехудѣе* 1676, *несвятѣ*, *несвятѣа* 176, 206, *несвято* 206, *несвятѣи* /3/ 167, *препрѣсть* 208, *препрѣста* И., Зв. 1686, 208bis, *препрѣсты*, *препрѣстыи* /7/ 208.

Прилагательные на -ынь. А. п. *a*: *грамотныи*, *грѣховныи*, *язычныи* и многие другие. Особо отметим производные от имен а. п. *c*: *вѣчныи*, *гнибыныи*, а также *гласныи*, *телѣсныи*.

С колебаниями в производящей основе: *трѣпетень* /13/ — *трѣпѣтныи*; *терновень* /8/ — *терновень*, ср. также *терновы* /3/ — *терновѣа* /8/; *оужясныи* — *оужасень* /10/, ср. также *оужастень* /13/, *оужастивѣ* /2/ — *оужастѣва* /6/.

Особую акцентовку имеет прилагательное «лихостный»: в части п. ф. показано флексивное ударение: *лихостныхъ*, *лихостному*, *лихостныи* (8) 203. По-видимому, рефлекс старой подвижности; ср. *лихостѣвыи*.

В группе слов на -ственны, засвидетельствованы словоформы с флексивным ударением (возможно, ритмическим) в кр. ф.: *язычственд* 232, *оумножственд* 220. С ударением, соответствующим схеме подвижности: *превеличственд* 169, *предивственд* 170, *яроучственд* 232. Прочие п. ф. и кр. ф. этих слов имеют корневое ударение.

А. п. *b*: *грѣшна*, *прегрѣшны*, *грѣшныи*; *красень*, *краснѣа*, -ò, -ы, *красныи*, *оумень*, *оумнѣа*, -ò, -ы, *оумныи*. Семантически обособившееся от своего производящего прилагательное «прекрасный» имеет в кр. ф. ударение, соответствующее подвижности: *прекрасень*, *прекраснѣа* И. (*прекрасна* Зв.), *прекраснѣо*, -ы, -ыи.

А. п. *c* (акц. кр. *c*₁): *глумныи*, *гнусныи*, *грузнаго*, *должному*. Без кр. ф.: *больнымъ*, *дневнымъ*, *деснымъ*, *честнымъ*. С колебанием в п. ф. (акц. кр. *c*₁/*c*₂): *гнивнаа* /3/ — *гнивному* /2/, *грознымъ* /3/ — *грозныи* /5/, *личныи* /3/ — *личныи* /2/; *равень*, *равнѣа* И., Зв. 1706, 210, *равно*, *равными*, *равныи* /2/ 210¹⁶; *цѣтныа* /5/ — *цѣтнымъ*. Без кр. ф.: *гробнаа* — *гробныа*; *страннаа*, *странныа* /3/. Сюда же относится *пречѣстень*, *пречѣстнѣа* 169, 208, *пречѣстны* 208, *пречѣстнѣе* /3/, *пречѣстнаго* 208. Акц. кр. *c*₂:

¹⁵ А. п. «лютый» в Бук. не совсем ясна, поскольку представлены только формы сложного слова. Этим. а. п. *b* (Дыбо 1975, с. 30).

¹⁶ Следует считаться с возможностью акцентного варианта а. п. *b* слова «равный»: *равнѣа* 210. Однако, знак над «ы» ненадежен, возможна поправка. Этим. а. п. *b* (Дыбо 1975, с. 35).

гладными, ко́сное, тёмными, трудо́ными (этим. а. п. *b*), тучными, чудными. По-видимому, сюда же: си́льнà (этим. а. п. *a*), тѣснà, яснà. Акц. кр. *c*₃ (в п. ф. — *c*₁/*c*₂): злòбнѣ, злòбнàго /2/, злòбнѣи /9/ (у прилагательного «злòбный» в кр. ф. представлен также акцентный вариант, соответствующий обычной схеме подвижности); прочие громнѣмь — грòмнàго /8/, земнѣ /3/ — зѣмнѣхъ, мирнѣ — мѣрнѣи /4/ мрачнàго /3/ — мрачнѣхъ /2/.

Прилагательные на -ѣкъ. А. п. *a*: мѣрзòкъ, мѣрзò-о, -ы, -ѣи /4/ 204 (?) ¹⁷. А. п. *b*: легòкъ 203, легк-à 165, 203, -ò 165, -ѣ, лѣгкѣи /4/ 203; юзòкъ «узкий», юзкà 1876, без п. ф. А. п. *c*: тонкѣи (акц. кр. *c*₁); кроткѣи — крòткѣи /5/ (акц. кр. *c*₁/*c*₂); гòбрькѣи, нѣзкѣи (акц. кр. *c*₂). Без п. ф.: прекрѣпкà, ѣдкà, тѣжèкъ (по-видимому, акц. кр. *c*₂). Формы с не-: некрòтокъ, некрòткà 167, нѣкрòткò, нѣкрòткѣи, некрòткѣи /6/ 206.

Прилагательные на -ѣкъ. А. п. *a*: рàбскѣи, врачѣвскѣи, житѣискѣи и многие другие. А. п. *c*: земскѣи /3/ — зѣмскѣи /2/; мирскà (без п. ф.).

Прилагательные на -авѣ. А. п. *a*: невеличàвыи, лукàвыи. А. п. *c*: крò-вавь, кровавà Зв., крòвав-о, -ы 202, без п. ф. На -янь. А. п. *a*: багрѣяныи. А. п. *c* (акц. кр. *c*₁): дрѣвянь 1576, 194, дрѣвянà Зв. (дрѣвянà И.), дрѣвян-о, -ы, дрѣвян-àго, -бе, 194.

Прилагательные на -окѣ. А. п. *b*: превѣсòкъ, превѣсòк-à, -ò, -ѣи, (пре-)высòкѣи, глубòкъ, глубòк-à, -ò, -ѣи, глубòкѣи, ширòкъ, ширòк-à, -ò, -ѣи, ширò-каго. А. п. *c* (акц. кр. *c*₁): жѣстòкъ, жѣстòкà И., Зв., жѣстòк-о, -ы, жѣстò-кѣе /3/ 196.

Некоторые примеры сложных слов (в Бук. их очень много; все они относятся к а. п. *a*): всèднѣвнѣи, высòкосѣрдѣи, злòдѣрѣи.

ПРИЧАСТИЯ

§ 8. Страдательные причастия прошедшего времени с -ен- имеют две акцентные модели: неподвижное корневое ударение по всей парадигме и модель с флексийным ударением в кр. ф., наосновным (суффиксальным) в п. ф. Первая схема представлена у *i*-глаголов а. п. *a* и *C*-корневых глаголов с корневым ударением в прошедшем времени. Например, избàвленъ, избàвлен-а, -о, -ы, -ѣи, разсѣченъ, разсѣчен-а, -о, -ы, -ѣи. Вторую модель последовательно реализуют *i*-глаголы а. п. *c* и *C*-корневые глаголы с флексийным ударением в прошедшем времени. Например, положѣнъ, положен-à, -ò, -ѣи, положѣн(н)ѣи, принесѣнъ, принесен-à, -ò, -ѣи, принесѣн(н)ѣи. Для глаголов а. п. *b* возможны обе акцентные схемы; флексийное ударение в кр. ф. отмечено и у некоторых глаголов а. п. *a*¹⁸. В ряде случаев флексийное ударение (вместо наосновного) показано только в кр. ф. женского рода, а прочие кр. ф. сохраняют ударение на основе. Таким образом тенденция к подвижности получает в Бук. распространение и среди причастий. Например, оужàленъ, оужàленà (с двумя акцентными знаками), оужàлен-о, -ы, (глагол а. п. *a*); кàзненъ, казненà, кàзнен-о, -ы (глагол а. п. *b*); также у глаголов иной структуры (*V*-корневые, *ни*-глаголы): избѣенъ, избѣенà; исчèзновѣнъ, исчèзновенà, исчèзновѣннѣи. Примеры флексийного ударения (акц. кр. *b*) у глаголов этимологически и синхронически относящихся к а. п. *a* и а. п. *b*: (вос)хвал-ѣнъ, -енà, -енò, -енѣи (глагол а. п. *b*), возвыш-ѣнъ, -енà, -енѣи (глагол а. п. *a*); также у глаголов иной морфологической структуры: закрòв-ѣнъ, -енà, -енò.

¹⁷ Материал укладывается также в рамки акц. кр. *c*₂. Этим. а.п. не вполне ясна: а.п. *a* или а.п. *c* (Дыбо 1970, с. 51). Ср. в Бук. мѣрзàции (11) — мѣрзàци.

¹⁸ У страдательных причастий *i*-глаголов а.п. *a* и а.п. *b* исторически первоначально неподвижное наосновное ударение, у глаголов а.п. *c* предпологают маргинально-подвижное ударение, которое достаточно рано было заменено флексийным (Дыбо 1968, с. 209; Зализняк. Акц. Мер., § 91).

Причастия с *-и-* от глаголов на *-ати* с тематическим ударением в инфинитиве имеют ударение на том же слоге, что в инфинитиве (*вѣнчѣнъ*, *вѣнчѣнныи*), либо сдвинутое влево (*прѣгнанъ*, *прѣгнан(н)ыи*, *обрѣганъ*, *обрѣган(н)ыи*) и относятся к а. п. а. Есть основания думать, что формы с несдвинутым ударением книжного происхождения (см. § 9, Замеч.). У глаголов а. п. с (*а-*глаголы с неслоговым корнем и *V-*корневые глаголы) представлена акцентная кривая c_4 (исторически первоначально здесь подвижность, см. Станг, с. 147): *прѣданъ*, (*прѣдан-ѧ*, *-ѧ*, *-ѧи*), *сбранъ*, *сбран-ѧ*, *-ѧ*, *-ѧи*. Особо выделим архаическое флексийное ударение в п. ф. — следы старой подвижности: *прѣданъхъ* 209, *отдан-бе*, *-ѧхъ* 223 (такое ударение отмечено в рукописи XIV в. Мерило Праведное, см. Зализняк, Акц. Мер., § 91). В большей части п. ф. — начальное ударение типа *дѣныи*, *прѣданыи*, *сбраныи*.

Для *т-*причастий схема подвижности представлена у глаголов а. п. с: у прочих глаголов — неподвижное наосновное ударение. Например, *прѣклятъ*, (*прѣклятѧ*, *клят-о*, *-ы*), *прѣклят-о*, *-ы*, *проклятѣи*, *оубѣтъ*, *оубѣт-а*, *-о*, *-ы*, *-ыи*. Имеются отклонения от подвижности в сторону флексийного ударения: *литѣи*, *запятъ*, *запятѣи*.

Прочие типы причастий Бук. (независимо от акцентного типа глагола, от которого они образованы) относятся к а. п. а: *творящѣи*, *творѣмыи*, ср. также *творѣвъ*, *творѣвыи*.

§ 9. Акцентная система слов адъективного склонения, отраженная в Бук., сочетает архаические и инновационные черты. Сохраняются противопоставление трех а. п. и отношения производности, реконструируемые для более ранних периодов¹⁹. Соотношение древних акцентных типов и системы основных акцентных противопоставлений Бук. (для прилагательных) демонстрирует таблица 2.

Таблица 2

Этим. а. п.	Акцентные кривые Буковницы 1592 г.
<i>a</i>	<i>a</i> (изредка c_2 ; в единичных случаях c_1 и c_1/c_2)
<i>b</i>	<i>b</i> (изредка c_2 ; в единичных случаях c_1/c_2)
<i>c</i>	$c_1, c_1/c_2, c_2$ (изредка <i>a</i>)

Система кр. ф. сохраняет рефлексы начального ударения в формах, содержащих проклитику (старые формы-энклиномены); акц. кривые *a*, *b*, c_1 соответствуют древним акцентным типам.

Вместе с тем у слов этим. а. п. *a* (и единичных а. п. *b*) как с односложной, так и с более чем односложной основой, получает распространение акцентная схема подвижности кратких форм²⁰. Фактически речь идет об акцентной кривой c_2 , зафиксированной у слов разной структуры: непроизводные прилагательные, суффиксальные производные (*-ьнъ*); сложные слова, в том числе производные от имен а. п. *b* типа *зломудрыи*, *прекрасныи*; а также

¹⁹ Под отношением производности имеется в виду определенная зависимость акцентного типа производного от акцентного типа производящего и характеристики суффикса. Описание такого рода зависимостей для всех морфологических классов, рассмотренных в настоящей статье, см. Дыбо 1968.

²⁰ В отличие от современного русского литературного языка, где аналогичная акцентная модель отмечается только у слов с односложной основой.

страдательные причастия прошедшего времени с *-ен-* (от глаголов а. п. *а* и а. п. *б*). Например, *прекраснà, прекрасенъ, прекрасн-о, -ь, -и*. Флекссионное ударение в форме женского рода в ряде случаев факультативно. В отличие от старой подвижности (ударение маргинально-подвижного типа) несущественно, на какой слог падает ударение внутри основы, значимым является противопоставление флекссионного ударения наосновному. Эта акцентная модель получает распространение и среди прилагательных этим. а. п. с с *пре-, не-*. Рефлексы старых энклименов сохраняют лишь отдельные словоформы с *не-*.

Систему п. ф. характеризует переход слов этим. а. п. с от исторически первоначального флекссионного ударения к наосновному. Насколько можно судить по имеющемуся материалу, в одних словах ударение колеблется, в других этот переход завершился (акц. кр. *с*₂).

З а м е ч а н и е. Книжные формы разного типа обнаруживают в Бук. отклонения от акцентных моделей, которым следует основная масса словоформ того или иного морфологического класса. Формы книжного характера (звательные формы, страдательные причастия прошедшего времени с приставками *из-*, страдательные причастия прошедшего времени в орфографии с *-нн-* типа *наречѣнны, обнчѣнны*; сложные слова типа *злолютны*, отдельные формы с *пре-*; также книжная лексика) получают неподвижное наосновное ударение. Так, например, звательная форма единственного числа мужского рода слов а. п. *б* (на *-е*) имеет наосновное, а не флекссионное ударение: *дббре, положѣн(н)е*. Ср. также формы причастий: *избрѣнъ, избрѣнна* и *сббранъ, собранъ; богонаречѣнны* и *наречѣнъ*. Возможно, теми же причинами следует объяснять переход в а. п. *а* (рамках Бук.) отдельных слов, этимологически относящихся к другим а. п., например, прилагательного «вечный» (этим. а. п. *с*). В то же время показательно, что некоторые книжные формы все же получают ударение, соответствующее продуктивным акцентным моделям. Ср., например, акцентное выделение II. ед. жен. в страдательных причастиях *избѣнà, исчезновѣнà*.

§ 10. Системный (а не случайный) характер прослеживаемых на материале Буковницы 1592 г. акцентных закономерностей подтверждается обращением к другим акцентуированным рукописям, современным исследуемой. Приведем для сравнения основные данные по адъективному склонению из восьми обследованных нами рукописей конца XV — первой четверти XVII вв., относящихся к разным частям великорусской территории²¹. Локализация, учитывающая внелингвистические сведения о рукописях (например, данные о писце и о месте написания рукописи), а также их лингвистические особенности, позволяет определенно или предположительно отнести Тих. и Сел. к прежней ростово-суздальской территории, Пр., Ег. и, по-видимому, Ем. — к Новгороду (или к северо-западным районам новгородской территории). Прочие рукописи представляют районы, которые долгое время являлись частью новгородских владений (и лишь в конце XV в. перешли в сферу московского влияния): Лук. и Тит. — Вологду, Дан., по-видимому, — Волоколамск. Сопоставительный анализ целостных акцентных систем выявляет и акцентологическую общность «ростово-суздальских» рукописей (Бук., Тих., Сел.), которые по ряду черт отличаются от всех памятников, так или иначе связанных с Новгородом. Результаты нашего исследования могут быть подкреплены и другим материалом²².

²¹ Все рукописи хранятся в ГБЛ: Каноник 1616 г., ф. 304, № 283 (Сел.); Скитский патерик 1570 г., ф. 256, № 307 (Лук.); Пятидесятница 1541 г., ф. 304, № 146 (Тит.); Евангелие конца XV — начала XVI в., ф. 98, № 20 (Ег.); Пролог 1518 г., ф. 247, № 461 (Пр.); Евангелие 1573 г., ф. 173, № 3209 (Ем.); Сборник 1543 г., ф. 113, № 490, почерк 1—174 (Дан.). Из Тих. (см. сноску 5) был обследован почерк 1—117.

²² См. Зализняк. Глаг. акц., § 38—39.

таким образом, можно думать, что эти акцентные особенности имели в исследуемый период диалектное значение.

Для слов адъективного склонения указанные две группы рукописей различаются по следующим признакам.

Во всех рукописях новгородской группы (Пр., Ег., Ем., Лук., Тит., Дан.): 1) в кр. ф. страдательных причастий прошедшего времени глаголов а.п. с представлено только неподвижное суффиксальное ударение (модель с флексийным ударением отсутствует): *прои́ёнъ, прои́ён-а, -о, -ы, привезёнъ, привезён-а, -о, -ы*; 2) в модели *проданъ, прозванъ* представлено неподвижное корневое ударение: *да́н-о, -ы, пода́нъ, пода́н-о, -ы, пода́ныи* (Дан. и Лук. в части приставочных форм сохраняют подвижность); 3) у прилагательных а. п. *б* представлена акц. кривая с наосновным ударением типа *красн-о, -ы, высо́к-о, -и, лёгк-о, -и* (Дан. и Лук. в части форм имеют флексийное ударение).

«Ростово-суздальские» рукописи (Бук., Тих., Сел.) характеризует: 1) флексийная модель акцентовки страдательных причастий прошедшего времени глаголов а. п. *с*; в Бук. и Тих. наблюдается перенос этой модели на отдельные глаголы других а. п.; 2) отсутствие форм типа *проданъ*; наличие форм типа *дан-а́, -о́, -ы́; пбданъ, поданъ, пбдан-о, -ы*, (Тих., Сел.), *подан-о́, -ы́* (Бук.); *пбданыи*; 3) акц. кривая с ударением на флексии прилагательных а. п. *б* типа *красн-о́, -ы́, высок-о́, -ы́, легк-о́, -ы́*.

§ 11. Укажем, не приводя материала, другие наиболее важные особенности акцентной системы Буковницы 1592 г.

1. Глаголы а. п. *с* сохраняют окончное ударение во 2 мн. презенса: формы типа *грьзетѣ* (I спряжение), *дивитѣ* (II спряжение). Та же акцентовка засвидетельствована у небольшого числа глаголов, синхронически относящихся к другим а. п.: ср., например, *быстритѣ* при *быстришь* 2 ед.

Формы атематического презенса также сохраняют окончное ударение в указанной форме: *естя* (2 мн. глагола *быти*).

2. Акцентная система действительных и страдательных причастий настоящего времени близка к современной литературной норме. Отметим, что у *i*-глаголов а. п. *б* существуют две модели: *ббляции* — с корневым ударением и *носяции* — с ударением на суффиксе. Модель с корневым ударением возможна лишь у глаголов, имеющих в корне этимологически долгие гласные (а, ё, у). Ни одного случая корневого ударения у глаголов с этимологически краткими гласными не отмечено. Такое распределение акцентных моделей является, по-видимому, результатом действия так называемого закона Крижанича (термин В. А. Дыбо)²³.

В целом акцентная система Буковницы 1592 г. является архаичной. Это говорит об относительной консервативности северо-восточных говоров с акцентологической точки зрения.

²³ Речь идет о праславянской закономерности перетяжки ударения с долгого слога на предшествующий долгий (см. Дыбо 1968, с. 166).

Из истории славяноведения

В. А. ДЬЯКОВ

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ СЛАВИСТИКИ В 1918—1939 ГОДАХ

Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия, в которых западные и южные славяне смогли завершить длительную борьбу за свое независимое существование. Однако вновь возникшие славянские государства, где к власти пришла буржуазия, стали вскоре орудием империалистических сил, которые всеми средствами боролись против первой в мире страны социализма. Это не могло не отразиться на развитии славяноведения, как одной из тех областей знания, которые особенно тесно связаны с общественной жизнью.

Конкретизировать сложившуюся ситуацию можно следующими тремя обстоятельствами. Первое заключалось в том, что после 1918 г. в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии весьма значительное влияние приобрели политические силы, которым был свойствен националистический подход к другим славянским народам. Основную линию их пропаганды, стремившейся придать антисоветское звучание как самой идее солидарности славянских народов, так и всему, что с ней связано, заранее предопределяли, с одной стороны, враждебность этих сил по отношению к марксистско-ленинской идеологии, а с другой — наличие традиционных русофильских настроений в народных массах.

Второе обстоятельство состояло в том, что относящийся к 1917—1918 гг. коренной перелом в судьбах славянских народов привел к весьма ощутимому росту интереса к славянам в западном мире. Особенно характерна в этом смысле Франция, правящие круги которой связывали с Чехословакией, Польшей, Югославией многие свои политические и экономические планы. Внимание к Советской стране по своему происхождению и направленности было неодинаковым: если у трудящихся оно связывалось с одобрением того пути, на которой вступили свергнувшие царизм народы России, то у имущих классов — соединилось со стремлением либо вернуть старые порядки, либо каким-то иным способом обезопасить капитализм от большевизма.

Третьим обстоятельством было наличие во многих странах, прежде всего на территории вновь образовавшихся славянских государств, довольно многочисленной политической эмиграции из России, которая в большинстве своем была враждебной по отношению к Советской власти. Совершенно очевидно, что деятельность белоэмигрантов, которая до начала 30-х годов была весьма активной, накладывала свой отпечаток на направление, масштабы и конкретные результаты осуществлявшихся при их участии или инспирируемых ими славянистических исследований. Учитывая это, не

следует забывать и о том, что эмигрировавшие из России слависты в какой-то мере содействовали развитию славистики в ряде стран, в том числе славянских.

Как и в предшествующие этапы истории славяноведения, направление его развития в рассматриваемый период обуславливалось в определенной мере влиянием различных политических интерпретаций идеи славянской солидарности¹. В каждой из стран это влияние имело свою специфику.

В общественной жизни Чехословакии пропаганда этой идеи занимала на протяжении межвоенного двадцатилетия весьма значительное место. Т. Масарик и Э. Бенеш всячески подчеркивали свою западную ориентацию, но оба они время от времени впоминали и об идее славянской солидарности, отдавая дань традиционному «славянофильству» чехов и словаков. К. Крамарж, глава национальных демократов, соединял реакционно-националистические взгляды с демократическими заявлениями о своей вере в осуществление «общего идеала объединения славян», разумеется, без Советской России и против нее. Печатные органы национальных социалистов, называвшиеся «Славия», «Славан», вели пропаганду идеи славянской солидарности, приправляя ее клеветой на Советское государство и утверждая, будто оно является смертельным врагом славянства. Использовала идею славянской солидарности и аграрная партия, особенно в Словакии, где ее члены охотно апеллировали к «всеславянству», чтобы подкрепить тенденции словацкого сепаратизма. Оценивая картину в целом, один из исследователей, специально занимавшийся данным кругом вопросов, пишет: «... в Чехословакии программа каждой политической группы включала в большей или меньшей степени „славянскую политику“, направленную скорее на внутреннюю политическую жизнь. При помощи „славянской идеи“ буржуазные партии хотели приобрести расположение народа и [...] одновременно парализовать распространение революционного русофильства или советофильства»².

Довольно часто вспоминали об идее славянской взаимности в межвоенной Югославии; приверженцем ее был лидер Хорватской крестьянской партии и один из министров нового югославянского государства С. Радич. Эту идею он использовал при заключении чехословацко-югославянского союза и в аргументации своей линии на сближение Югославии с Болгарией. С панславистскими рассуждениями выступала часть югославской прессы, доказывавшая, что разлагающуюся Западную Европу и все человечество могут спасти только славяне, которых история уберегла от «фальшивой цивилизации» Запада. Интересно, что Радич счел нужным в 1928 г. выступить против клеветы на Советский Союз, распространявшейся К. Крамаржем, причем в газетах тогда писали, что Радич не дал в обиду большевиков потому, что любит Россию³.

Значительную популярность продолжала сохранять идея славянской солидарности в Болгарии. В частности, и премьер-министр Болгарии, лидер Болгарского земледельческого народного союза А. Стамболийский обосновывал с помощью этой идеи свои стремления к сближению с Югославией. К ней прибегали различные идейно-политические течения; особенно широко использовала ее болгарская интеллигенция, оказавшаяся в той или иной мере в оппозиции к правительству после 1923 г. Для примера

¹ Й. Колейка. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX вв. Praha, 1964.

² Подробнее об этом см. В. А. Дьяков. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.). В сб. Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 232—260.

³ Й. Колейка. Там же, с. 135.

можно назвать председателя общества «Славянско дружество» профессора С. С. Бобчева, который ратовал за союз славянских народов, включая и Советскую Россию, отвергал панславизм и доказывал, что братское сотрудничество славян ведет к всевропейской и мировой солидарности народов ⁴.

Для Польши межвоенное двадцатилетие можно, пожалуй, назвать периодом подъема «славянофильских» настроений, сопоставимым разве что с тем, который имел место в первые десятилетия XIX в. Отчасти этот подъем обусловливался неославистскими тенденциями кануна первой мировой войны, персонифицированными в Р. Дмовском, который продолжал занимать довольно видное положение в общественной жизни страны. Дополнительными стимулами была внешнеполитическая ситуация, с одной стороны, толкавшая к поискам союзников среди соседних славянских государств, а с другой — заставлявшая правящие круги буржуазной Польши обращаться к идее славянской солидарности для подкрепления своего антисоветизма. Генерал Л. Желиговский, например, предлагал создание возглавляемого Польшей блока всех малых государств, расположенных между СССР и Германией. В отличие от этого деятеля, стоявшего на профашистских позициях, другие пропагандисты идеи славянской солидарности часто ссылались на рост германской опасности. Так поступал, в частности, идеолог крестьянской партии В. Витос, такой подход был характерен для возобновленного в 1936 г. периодического издания «Рух словяньски». Аргументируя необходимость сближения славян прежде всего интересами польского народа, это издание подчеркивало наличие «общей национальной опасности, которой... являются немцы» ⁵.

Для распространения идеи славянской солидарности в межвоенный период немалое значение имели некоторые организации агитационно-пропагандистского, смешанного или чисто научного характера. В их числе могут быть названы: двусторонние общества дружбы и культурных связей в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии; объединение учащейся молодежи, основанное в 1922 г., — Славянский студенческий союз и Славянское общество культуры и искусства в Польше; Общество славянской взаимности в Чехословакии; Всеславянское общество в Югославии; упоминавшееся уже Славянское общество в Болгарии и т. д.

В новых славянских государствах буржуазно-националистическая трактовка идеи славянской солидарности была характерна для правящих кругов и для тех партий, которые были связаны с ними. Этой трактовке противостоял интернационалистский подход, свойственный коммунистическим и рабочим партиям как выразителям интересов трудящихся.

До середины 30-х годов Коммунистическая партия Чехословакии отрицательно относилась к появлявшимся в печати славянским программам, ибо они являлись отражением буржуазной идеологии и, как правило, имели антисоветскую направленность. Накануне второй мировой войны, пропагандируя совместные действия Чехословакии, Польши и СССР против немецкого фашизма, чехословацкие коммунисты стали апеллировать к сохранившемуся в народных массах традиционному чувству славянской солидарности. В. Копецкий, Б. Шмераль и другие руководящие деятели КПЧ, призывая к борьбе с фашизмом, указывали на генетическую связь его идеологии с пангерманизмом середины XIX в., обращали внимание на необходимость использовать в борьбе с ней аргументацию, связанную с идеей славянской взаимности, в том числе высказывания Ф. Палацкого. В июле 1938 г. В. Копецкий выступил за создание советско-чехословацко-польского фронта против немецкого фашизма. Примерно такой же была по-

⁴ «Речник на българската литература», т. 1. София, 1976, с. 107—109.

⁵ «Ruch Słowiański», 1936, № 1, 61; 1937, № 249.

зияция коммунистов в Югославии, Польше, Болгарии. В сентябре 1938 г., когда Чехословакия объявила частичную мобилизацию, в славянских странах прошли многочисленные митинги солидарности с Советским Союзом, организаторами которых являлись находившиеся в подполье коммунистические партии; мысль о солидарности славянских народов не раз звучала на этих митингах⁶.

Советское правительство в своей внешней политике никогда не выдвигало на первый план идею славянской солидарности, не противопоставляло солидарность славянских народов иным направлениям международного сотрудничества. Подтверждение этому можно найти в ряде советских дипломатических документов. Суть советской политики в этой области была изложена в передовой статье газеты «Известия», посвященной подписанию союзного договора с Чехословакией в мае 1935 г.: «Советский Союз не стремится ни к какой бы то ни было агрессивной политике, ни к маскировке последней. Он опирается на международную, а не на расовую солидарность. Однако, если немецкий фашизм, стремясь замаскировать свою агрессивную политику, создает теорию, которая утверждает, что славянские народы — это навоз истории, то Советский Союз, который не занимается никакими панславистскими маскарадами, не скрывает, что он считает оборону славянских народов, которым угрожает нападение, не менее обоснованной и заслуживающей поддержки, чем оборона Франции»⁷.

Быстрый рост интереса к славянским народам в послеоктябрьской Европе и во всем мире, имел под собой прежде всего политическую базу. Естественно, что в центре этого интереса стояли народы России, Украины, Белоруссии, но вовсе не обижены были вниманием Болгария, Польша, Чехословакия и Югославия. Ближайшие практические задачи изучения этих народов не совпадали, но как политические, так и научные факторы диктовали необходимость определенного единства в подходе к «славянскому миру» и создания единых учреждений для его изучения.

В 1915 г. в Лондоне была создана Школа славянских исследований, фактически развернувшая свою деятельность лишь в межвоенный период под руководством Б. Пэрса. Здесь занимались историей и литературой России, а также других славянских народов. Ряд специалистов изучал, в частности, историю Польши, отчасти вместе с историей России, отчасти — самостоятельно⁸.

Во Франции, где славистикой занимались и раньше, в 1919 г. был создан по инициативе Э. Дени специальный Институт славяноведения с довольно широкими задачами: с одной стороны, содействовать научным исследованиям, посвященным славянским народам, а с другой — не замыкаться исключительно в науке, но как можно шире распространять сведения о повседневной жизни славянских стран, об их культуре, быть связующим звеном между педагогами и учащимися из славянских стран и их французскими коллегами. Институт возник благодаря финансовой помощи правительств Чехословакии и Югославии, что накладывало определенный отпечаток на его связи и проблематику; впрочем, уже в 1923 г. в Институте было основано польское отделение, а в 1925 г. начал функционировать «Комитет для научных отношений с Россией». Вместе с кафедрами в ряде университетов Институт славяноведения в Париже развернул настолько активную научную и популяризаторскую деятельность, что его

⁶ Подробнее см. Й. К о л е й к а. Там же, с. 131—145.

⁷ «Известия», 1935, 17 мая.

⁸ W. H. Z a w a d s k i. Historycy brytyjscy o Polsce (1893—1974). Zarys biograficzno-bibliograficzny. «Kwartalnik Historyczny», 1976, № 3, s. 597—606.

появление действительно можно рассматривать как «самое важное... событие в истории французского славяноведения»⁹.

Белая эмиграция часто усиливала антисоветскую направленность «славянских организаций». Так, активным участником деятельности всеславянского общества «Бизант» в Югославии являлся Л. Машковский, который в 1930 г. требовал не более и не менее, как возврата к государственным принципам Византии, ибо она одна была якобы первоначальным источником духовной жизни славян. На деятельность Института славяноведения в Париже и его печатного органа «Le Monde Slave» оказывал влияние П. Н. Милюков и другие белоэмигранты. В Праге, Белграде, Софии, а также и в польских университетских центрах обосновались многие русские слависты, выехавшие за границу после революции. Не все они были убежденными и последовательными противниками Советской власти, но уже само эмигрантское положение толкало их к антисоветизму.

После обзора внешних факторов, влиявших на развитие славяноведения, попытаемся охарактеризовать основные идейно-политические направления исторических исследований, обращая особое внимание на их объективную обусловленность и связь с общественной жизнью.

Славяноведение в Чехословакии имело давние и богатые традиции, которые в условиях национальной независимости получили свое естественное развитие. В 1922 г. было принято решение о создании Славянского института в Праге (Slovanský Ústav). Задачами Института, директором которого стал известный славист Л. Нидерле (1865—1944), являлись «культивирование и организация научных и хозяйственных связей со славянскими землями». На торжественном открытии Института в 1928 г. тогдашний министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш считал необходимым подчеркнуть, что это учреждение — однотипно с аналогичными институтами в Лондоне и Париже, и что оно не является политической организацией¹⁰. Может быть, некоторые ведущие ученые Института и другие чехословацкие слависты в самом деле были склонны к политической индифферентности, но обстановка в стране оказывала влияние даже на такие, казалось бы, далекие от политики области, как филология. Подтверждением этому может служить, в частности, статья М. Вейнгорта (1890—1939), в которой рассматривалось воздействие на славянскую филологию той интерпретации идеи славянской взаимности, которая давалась в сочинениях Т. Масарика¹¹.

Фактическая близость Института к политике, проводимой правительством буржуазной Чехословакии, подтверждается, кроме всего прочего, его тесными связями с такими эмигрантскими учреждениями, как «Русский народный университет» в Праге, «Кондаковский семинариум» и т. д. Славянский институт для связи с русской эмиграцией имел специальную комиссию, через которую ведомство Бенеша иногда оказывало материальную помощь эмигрантам, далеко не нейтральным в политике. Все это, разумеется, не прошло бесследно для чехословацких славистов и тех русских эмигрантов, которые работали рядом с ними, хотя, разумеется, не перечеркнуло их общепризнанных научных заслуг. Подтверждением этому служит деятельность Пражского лингвистического кружка, осно-

⁹ Д. Б о в у а. Основные этапы развития французской славистики. «Советское славяноведение», 1976, № 5, с. 90.

¹⁰ В. Н. К о р а б л е в. Славянский институт в Праге. «Труды Института славяноведения», т. I. Л., 1932, с. 325—326; о чехословацкой славистике межвоенного периода подробнее см. М. К у д е л к а, Z. S i m e č e k, V. S t a s t n ý, R. V e č e r k a. Československa slavistika v letech 1918—1939. Praha, 1977, 468 s.

¹¹ M. W e i n g a r t. Masarykovo slovanství a slovanská filologie. «Časopis pro moderní filologii», Praha, 1935—1936

ванного в 1926 г. Б. Матезиусом (1888—1952) и включавшего, наряду с видными чехословацкими специалистами (Б. Трнка, Й. Вахек, Я. Мукаржевский и др.), ученых, эмигрировавших из Советской России — Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, С. О. Карцевского¹².

В университетском и академическом славяноведении Чехословакии на протяжении межвоенного двадцатилетия продолжали господствовать прежние методы исследования, которые, при всех отклонениях, уместались в рамках позитивизма, слегка деформируемых под нажимом неокантианства и прагматизма. Наиболее крупной фигурой среди чехословацких славистов, занимающихся историей, был несомненно Л. Нидерле, научные интересы которого простирались от раннего средневековья до современности. Его знаменитые труды «Славянские древности» и «Культуры древних славян», завершенные в рассматриваемый период, стали настоящей славистической энциклопедией, синтезирующей строго проверенные данные истории, филологии, этнографии и других наук о ранних этапах развития славянских народов. Отвергая попытки недооценки и принижения культуры древних славян, Л. Н. Нидерле не проявлял в своих сочинениях склонности к националистическим перегибам, которые были не чужды некоторым из его предшественников и современников¹³.

Примерно на том же методологическом уровне стояли историки-слависты, эмигрировавшие в Чехословакию из России. Тематика их исследований была довольно разнообразной: от древнерусской и византийской иконографии (Н. П. Кондаков, 1844—1925) до чешского национального возрождения (А. А. Кизеветтер, 1866—1933) и идеологии неославизма (И. И. Лаппо, 1869—1944). В тематике, привлекавшей наибольшее внимание русских эмигрантов, правомерно выделить межславянские связи и отношения. Ими много занимался А. В. Флоровский (1884—1968), написавший в межвоенный период ряд работ о русско-чешских исторических и культурных связях¹⁴. Межславянским литературным связям, сравнительно-историческому изучению славянских литератур посвятили свои работы и чехословацкие ученые, в частности, М. Шийковский (1883—1952), Я. Махал (1855—1939), Ф. Вольман (1888—1969)¹⁵.

Историю славяноведения в связи с различными интерпретациями идеи славянской взаимности плодотворно изучал В. А. Францев. Еще в 1906 г. он опубликовал солидную монографию о «польском славянофильстве» первых десятилетий XIX в. В межвоенное двадцатилетие, продолжая разработку этой темы, он написал ряд работ о русских и зарубежных славистах, а также о славянском вопросе у декабристов и у И. С. Аксакова, о чешских связях Г. Р. Державина, М. Н. Погодина и т. д.¹⁶. В 1919 г. вышло его небольшое исследование «Польский славянофил Роман Зморский», интересное тем, что в нем четко выделяется демократическое направление «польского славянофильства». Характеризуя Зморского как талантливого переводчика сербских народных песен, основателя славянского литературного журнала «Stadio» и ученого-путешественника по славянским землям, автор противопоставляет его славистам

¹² Подробнее см. Т. В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа. В кн. Основные направления структурализма. М., 1964; сб. Пражский лингвистический кружок. М., 1967 (Составитель Н. А. Кондрашов).

¹³ Л. Т. Силюк. Любор Нидерле (K 100-летию со дня рождения). «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966, с. 289—291.

¹⁴ См. некролог: «История СССР», 1969, № 2.

¹⁵ Э. Георгиев. Об основных этапах развития славистики в славянских странах. В сб. Методологические проблемы истории славистики, с. 88—118.

¹⁶ «Česko-slovenské práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských narodů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník». Praha, 1972, s. 121—122.

консервативного направления, в частности В. Мацейовскому. По словам В. А. Францева, «Stadło», хотя и провозглашало себя беспартийным органом, фактически являлось неуклопным «проводником демократических идей, следуя вполне [...] направлению [...] Северина Гошиньского»¹⁷.

Марксизм почти не был представлен в чехословацком профессиональном славяноведении рассматриваемого периода. Однако его положения не раз применяли к славистической проблематике видные деятели Коммунистической партии Чехословакии — К. Готвальд, Б. Шмераль, Я. Шверма, А. Запотоцкий. Марксистско-ленинскую методологию использовал в своей исследовательской практике известный чехословацкий ученый-славист и общественный деятель З. Неядлы (1878—1962), написавший в межвоенные годы ряд исторических и искусствоведческих работ¹⁸.

В понимании предмета исследования большинство чехословацких славистов межвоенного периода либо поддерживали И. В. Ягича, либо высказывались за сведение славистики к лингвистическим рамкам. С этой точки зрения характерны расхождения между М. Мурко (1861—1952), который отстаивал ягичевское определение предмета, и теми, кто считал это определение слишком широким. Споря со своими оппонентами, М. Мурко в то же время подчеркивал, что понятие «филология» исторически непостоянно, что представление о филологии, как науке близкой к народоведению, создала эпоха романтизма. Филология же у Ягича, по мнению Мурко, сводилась к «духовной жизни» славянских народов с ее отражением в языке и письменных памятниках¹⁹.

Для развития дисциплин славяноведческого комплекса в Польше межвоенное двадцатилетие представляется весьма плодотворным. «Обретение государственной независимости, — писал Т. Лер-Сплавинский, — обусловило существенный перелом в истории польского славяноведения, впервые получившего свободу для своего развития»²⁰. Прогрессу славянской филологии содействовало складывание соответствующих научно-педагогических центров не только в Кракове и Львове, где славистика преподавалась и ранее, но и в новых университетах — Варшавском, Познанском и Виленском. В Познани существовал Западно-славянский институт, возглавлявшийся М. Рудницким и издававший «Slavia Occidentalis». В Варшаве работали Я. Бодуэн де Куртенэ, В. Дорошевский и другие слависты, публиковавшие свои работы в «Филологических трудах» («Prace Filologiczne»). Во Львове под руководством Т. Лер-Сплавинского издавалась серия исследований под общим названием «Львовская славистическая библиотека» (до 1939 г. вышло 14 томов). В Кракове был создан Славянский институт (Studium) во главе с К. Нитшем, где наряду с лингвистическими разрабатывались темы по истории литературы, искусствоведению и этнографии славянских народов²¹.

Характеризуя научные результаты славистических исследований по исторической тематике, Т. Лер-Сплавинский назвал их «относительно обильными и разнообразными». При этом на первое место он поставил работы по древней истории славян, в том числе — дискуссионные исследования о происхождении славян, появившиеся в межвоенные десятилетия

¹⁷ В. А. Францев. Польский славянофил Роман Зморский (1822—1867). В кн. К истории польского славяноведения. Прага Чешская, 1919, с. 8.

¹⁸ «Зденек Неядлы — выдающийся общественный деятель и ученый». М., 1964.

¹⁹ М. Куделка. О славистике как сфере научного познания. В сб. Методологические проблемы истории славистики, с. 18—39.

²⁰ T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. S ł o w i a n o z n a w s t w o p o l s k i e. Stan obecny i zadania na przyszłość. «Pamiętnik Słowiański», t. 1. Kraków, 1949, s. 3.

²¹ В. Г. Чернобаев. Славянский институт в Кракове. «Труды Института славяноведения», т. I. Л., 1932, с. 333—336.

в явной связи с фальсификаторскими доктринами германских «остфрешеров». В этой дискуссии Я. Чехановский высказывался за западный (прибалтийский) вариант прародины славянских племен, тогда как К. Моциньский — за восточное (азиатское) их происхождение²². Древнего периода так или иначе касались также К. Тыменецкий в книге о лехитских славянах и А. Фишер в популярных этнографических очерках о поляках, украинцах, сербо-лужичанах, полабских славянах, кашубах.

Довольно широко занимались польские историки-слависты проблематикой межславянских связей и отношений: польско-чешскими и польско-словацкими (Г. Батовский, Б. Влодарский, Л. Вегмайструвна, В. Семкович), сербо-хорватскими (В. Намысловский, С. Боровский); изучалась также польская политика в отношении славянства (М. Хандельсман) и генезис балканских государств (Г. Батовский) в XIX—XX вв. Межславянские общественные и литературные связи изучал Ю. Голомбек, написавший содержательную монографию о Кирилло-Мефодиевском братстве, существовавшем в Кьеве в 1846—1847 гг., а также ряд литературоведческих работ, в частности исследование о славянских переводах «Пана Тадеуша» А. Мицкевича. Упомянутые и иные работы по межславянским связям были написаны не с одинаковых позиций, но многим из них свойственна полоноцентристская точка зрения, тенденции к преувеличению польского воздействия на другие славянские народы, а нередко и откровенный национализм, характерный для господствовавших в буржуазной Польше политических направлений.

Занимались польские слависты и историей отдельных славянских стран. Например, вопросы, связанные с историческим прошлым болгарского народа, разрабатывали Н. Г. Гонсеровская и Л. Видерпаль. На первом же плане была, естественно, русская история. На протяжении межвоенного периода было предпринято несколько попыток обзорного изложения ее событий. Ф. Конечны сделал это, по словам Т. Лер-Сплавильского, в труде не свободном от тенденциозности, Г. Мосцицкий — в сочинении более или менее объективном, а Я. Кухажевский — в весьма объемистом издании «не только антицарском, но и контрреволюционном»²³. В самом деле, содержание семитомного труда Я. Кухажевского, в полном соответствии с его претенциозным заглавием — «От белого царизма к красному», было насквозь антисоветским; основную свою задачу автор видел в том, чтобы с помощью огромного по объему и довольно умело подтасованного материала опровергнуть идеи научного социализма, опорочить программы и традиции русских революционеров, доказать, будто почти всем им свойственно полонофобство, непонимание истинных принципов демократии и тому подобные выдуманные «грехи»²⁴.

Из появившихся в межвоенной Польше славистических исследований представляется необходимым особо выделить книгу З. Клярнерувны, посвященную «польскому славянофильству» прошлого века. Продолжая начатую В. А. Францевым разработку темы, исследовательница развернула ее хронологические рамки до 1848 г., а по предшествующим десятилетиям привлекла много новых источников. В предисловии З. Клярнерувна специально оговорила, что в ее книге рассматривается главным образом история литературы, а «политический аспект темы сознательно отодвинут на второй план», что важный вопрос сопоставления «славяно

²² Итого дискуссии см. в кн. T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946.

²³ T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Słowianoznawstwo polskie, s. 9—10.

²⁴ J. K u c h a r z e w s k i. Od Białego Caratu do Czerwonego, t. 1—7. Warszawa, 1926—1935.

фильских» течений у разных народов она едва затрагивает. Несмотря на эту оговорку, тема поставлена ею широко и исследование содержит много интересных мыслей и обобщений. «Славянофильство» в целом, по мнению З. Клярнерувы, появилось на рубеже XVIII в. и переживало расцвет в первые десятилетия XIX в., причем «психологическими его истоками послужили возрождавшиеся национальные чувства народов». З. Клярнерува заявляла, что «славянофильство» приносит польской национальной идее «ценности либо позитивные, либо негативные, выступая то в качестве одной из дорог к национальному возрождению, то как панславизм, способный поглотить польскую национальность»²⁵.

Вопрос о понимании предмета исследования стоял и перед польскими славистами межвоенного двадцатилетия, хотя менее остро, чем в Чехословакии²⁶. В Польше практически не было к этому времени традиций широко понимаемого комплексного славяноведения, олицетворением которого в Чехословакии являлся Л. Нидерле. Однако практические нужды науки ставили вопрос о развитии исторической части славяноведения и укреплении ее связей с остальными дисциплинами славистического цикла. И стихийно вопрос этот решался несколькими путями: во-первых, более или менее регулярными и серьезными вторжениями филологов в историческую проблематику (например, Т. Лер-Сплавинский); во-вторых, обращением специалистов по отечественной истории к проблематике зарубежных славян или межславянских связей (например, М. Хандельсман, Н. Гонсеровская, А. Видершаль); в-третьих, появлением историков, специализирующихся главным образом или исключительно на изучении прошлого других славянских народов (например, Г. Батовский). Написанная вскоре после войны статья Т. Лер-Сплавинского о состоянии и перспективах польского славяноведения не оставляет сомнений в том, что внутренние связи славистического комплекса наук значительно окрепли в межвоенное двадцатилетие.

Анализируя методологическую вооруженность польской исторической науки в рассматриваемый период, М. Серейский в одной из своих работ писал: «...трудно говорить о какой-то ее основательной переориентации, о формировании новых направлений, основанных на новых методологических положениях». В истории, по мнению М. Серейского, элементы кризиса позитивизма были менее заметны, чем в других общественных науках. О М. Хандельсмане — крупном польском историке, специально занимавшемся методологическими вопросами и следившем за всеми новинками в этой области, М. Серейский пишет как о последователе «принципов критического реализма», занимающем место в промежутке между неопозитивизмом и неокантианством. Что же касается исторического материализма, то о нем, утверждает М. Серейский, ничего не было слышно²⁷.

Впрочем, М. Серейский отчасти сам опроверг этот слишком пессимистичный, на наш взгляд, вывод, указав на то, что Октябрьская революция во всем мире разбудила интерес историков к методологическим вопросам, привлекла их внимание к историческому материализму и к

²⁵ Z. K l a r n e r ó w n a. Słowianofilstwo w literaturze polskiej 1800—1848. Warszawa, 1926, s. 1, 6.

²⁶ Подтверждением этому может служить статья Я. Бодуэна де Куртене, в которой он опровергал существование «славянской души» и на этой основе утверждал, что объективно доказуемая общность славян существует только в языке (J. B a u d o u i n d e C o u r t e n a y. Czy istnieje osobna kultura słowiańska. «Przegląd Warszawski», 1925, № 11, s. 223—226).

²⁷ M. H. S e r e j s k i. Wstęp. w: Historycy o historii. 1918—1939. Warszawa, 1966, s. 32—35.

идеям К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, с которыми они знакомились, правда, чаще всего не по оригинальным текстам, а по вульгаризаторским пересказам или понаслышке²⁸. Думается, что некоторые польские историки межвоенного периода не только слышали о материалистическом понимании истории, но и испытывали определенное влияние марксизма (например, Н. Гонсеровская, Г. Яблоньский и другие). Еще в большей степени это относится к ученым и общественным деятелям, оказавшимся по различным причинам за пределами Польши, таким как Ю. Мархлевский, Ю. Ленский, Я. Витковский, Э. Пшибышевский. Их было немного, но они сыграли определенную роль в том процессе распространения идей исторического материализма, который хотя и медленно, но развивался в межвоенный период, а завершился после 1945 г.

В Болгарии и Югославии развитие славяноведения шло примерно такими же путями. Не имея возможности рассказать об этом подробно, коснемся лишь нескольких общих вопросов, требующих освещения.

Во-первых, вопрос об определении предмета славистических исследований. Здесь было много споров, в которых перевес оказался на стороне тех, кто даже ягичевское определение считал слишком широким. На Празском съезде славистов (1929), имевшем чисто филологический характер, наиболее резко сформулировал свою позицию известный лингвист Г. Улашин. Он заявил, что понятие «славянская филология» является искусственной научной конструкцией, существование которой поддерживается только инерцией, что фактически оно равнозначно понятию «славянская культура», а эта последняя не обладает внутренним единством, достаточным для того, чтобы стать объектом исследования одной науки²⁹.

Второй вопрос — об основных идейно-теоретических доктринах, существовавших в исторической части славяноведения. В славяноведении Болгарии и Югославии также господствовала позитивистская методология, иногда осложненная элементами неопозитивизма и неокантианства. Другим направлением, развивающимся преимущественно вне университетской и академической славистики, являлся марксизм. Его последователями стали болгарские ученые и общественные деятели Д. Благоев (1856—1924), Г. Бакалов (1873—1939) и Т. Павлов (род. 1890). Работая над исторической и историко-литературной проблематикой, они в межвоенный период опубликовали ряд трудов, в которых применили марксистско-ленинскую методологию к конкретному славистическому материалу. Так Г. Бакалов опубликовал биографии Г. С. Раковского, В. Левского, Х. Ботева (1934), а также «Очерки болгарского национально-освободительного движения» (1936), а Т. Павлов — ряд исследований по истории литературы и общественной мысли³⁰.

Рассматриваемый период был начальным этапом истории советского славяноведения, сопровождавшимся немалыми трудностями как методологического, так и научно-организационного характера. Дореволюционная славистика имела значительное число высококвалифицированных кадров, связанных со специальными кафедрами крупнейших университетов царской России, а также с Академией наук, где славистическим исследованиям уделялось довольно большое внимание. Гражданская война, материальные трудности первых лет Советской власти существен-

²⁸ Ibid., s. 20.

²⁹ «II Międzynarodowy zjazd slawistów (filologów słowiańskich)», sekcja 1. Warszawa, 1934, s. 140—141.

³⁰ А. С. Бейлис. Становление марксистской историографии в Болгарии между двумя мировыми войнами. Львов, 1968.

но изменили ситуацию. Число специалистов в значительной мере сократилось, организационная структура славистики распалась, издательские возможности уменьшились. Многие видные слависты выехали за границу, а славистические кафедры в университетах перестали существовать. В кругах советской общественности существовало отрицательное отношение к славяноведению, так как многие из корифеев дореволюционного славяноведения прочно связали свои имена с дворянско-буржуазными партиями в политике и с реакционными панславистскими доктринами в идеологической сфере. Для преодоления указанных трудностей понадобилось время и кардинальная перестройка мировоззрения славистов, оставшихся в СССР и проявивших готовность участвовать в строительстве нового общества.

Официозное дворянско-буржуазное славяноведение в России (особенно его историческая часть) переживало накануне Октябрьской революции кризисное состояние, сказывавшееся главным образом в методологической сфере. В обобщающем труде по истории исторической науки в СССР об этом говорится: «Кризис — сложный процесс научного развития (именно развития, а не прекращения движения), идейный перелом, отмеченный усиленной работой буржуазных историков, активными поисками выхода из создавшегося идеалистического тупика, идейной дифференциацией историков, из которых часть скатывается на реакционные позиции и идет назад, часть мечется в поисках других решений. Наиболее же передовая часть ученых под влиянием идейных побед марксизма тянется к историко-материалистическим решениям, движется — иногда впотьмах и ощупью — к материалистическому пониманию истории, к марксизму, к историко-материалистической методологии»³¹. Революция ускорила указанный процесс, а весь ход событий явился весомым аргументом в пользу марксистско-ленинской методологии, освоение которой историками-славистами широко развернулось в первые годы Советской власти.

Еще до Октябрьской революции русские слависты стали приходить к выводу об отрицательном воздействии слишком далеко зашедшей дифференциации славистических дисциплин, закрепленной в ягичевском («филологическом») понимании предмета исследования. После Октября славяноведение развивалось прежде всего в рамках двух чисто славистических по своим задачам научных учреждений при общесоюзной Академии наук: в Комиссии по изданию памятников кирилло-мефодиевской традиции, руководимой А. И. Соболевским (1856—1929), и в Славянской комиссии — под председательством П. А. Лаврова (1856—1929), на базе которых в 1931 г. возник возглавлявшийся Н. С. Державиным (1877—1953) Институт славяноведения в Ленинграде. Хотя филологи сыграли важную роль в его создании, фактически в планах и научной деятельности Института немалое место заняла историческая проблематика, причем большое внимание уделялось современному положению славянских народов.

Концепция Института, зафиксированная в сохранившихся документах, в частности, в Положении об Институте и объяснительной записке к его плану на вторую пятилетку, подробно излагается в статье Н. С. Державина, открывающей первый том «Трудов» Института. Текст статьи несет на себе печать времени: он не лишен довольно сильною налета вульгарного социологизма, в нем восхваляется справедливо развенчанная позже «яфетическая теория» Н. Я. Марра. Однако статья в целом весьма содержательна и важна для истории советского славяноведения.

«Наука, — писал Н. С. Державин в начале статьи, — никогда не бы-

³¹ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, с. 6—7.

вает надземным эфиром, она выражает потребности исторического развития общества и его классов». В эпоху строительства социализма, заявлял он дальше, ученые не могут оставаться на методологических позициях буржуазной науки, если не хотят оказаться «в роли предателей классовых интересов пролетариата». Давая краткий обзор истории славяноведения в России и связывая последний этап его развития с И. В. Ягичем, автор статьи осуждал свойственный ученому «филологический формализм», с помощью которого он «настойчиво убегал от вопросов живой жизни». Затем Н. С. Державин излагал свою позицию и точку зрения сотрудников Института: «... Филологическому формализму [...] мы противопоставляем марксистскую диалектику». Далее в статье отмечалось, что когда-то «филологический формализм» был нужен и полезен, но в трудах Ягича он «сказал свое последнее слово», что славяноведение будет топтаться на месте, если не изменит методологию и политические установки. Весьма важным автор статьи считал, в частности, новое определение предмета славяноведческих исследований. Определение, по его мнению, должно быть более широким, чем у Ягича, в нем необходимо говорить «не о славянской филологии, а о славяноведении». Обосновывая такое понимание предмета, Н. С. Державин писал, что оно уже само по себе требует «критического пересмотра [...] и перестройки в свете марксистско-ленинской методологии всех старых установок». Славяноведение определялось в статье как «изучение истории национальной... культуры славянских народов в ее языковых, литературно-художественных, бытовых и социальных явлений, в диалектической увязке их с общим процессом развития социальных отношений и классовой борьбы...»³².

Критикуя дореволюционное славяноведение, автор категорически отрицал старое понятие «славянский мир», необоснованно противопоставлявшее славян всему остальному человечеству, заявляя, что существует общий культурно-исторический процесс, подчиняющийся одним и тем же, общим для всех народов мира законам развития. Столь же горячо, но не всегда в такой же мере обоснованно обрушился Н. С. Державин еще на несколько понятий, прочно связанных с дореволюционным славяноведением. «... Мы, — говорится в статье, — отрицательно относимся [...] ко всем идеологическим пережиткам старого феодально-крепостнического строя в виде теорий „славянофильства“, „панславизма“, „славянского единения и взаимности“ и прочих классово враждебных пролетариату идеологий, используемых в некоторых кругах современной националистически настроенной славянской буржуазии как лозунг мобилизации фашистских сил против трудящихся»³³.

С эмоциональной стороны приведенное высказывание понятно, но с точки зрения содержания оно требует некоторого комментария. Не говоря уже о «феодально-крепостническом строе» и «фашистских силах», которые едва ли уместны в данном контексте, в нем соединены различные понятия: во-первых, действительно заслуживающий безоговорочного осуждения панславизм; во-вторых, требующее более осторожной и разносторонней оценки славянофильство; в-третьих, идея славянской взаимности, которая едва ли может осуждаться, если брать ее в чистом виде, а не в форме различных политических спекуляций, имевших место как в межвоенный период, так и в предшествующие десятилетия.

В своих планах и практической деятельности Институт славяноведения исходил из того, что территориальные рамки изучаемого им региона

³² Н. С. Державин. Наши задачи в области славяноведения. «Труды Института славяноведения», т. I. Л., 1932, с. 1—6, 9, 12.

³³ Там же, с. 10—11.

включали, с одной стороны, славянские народы внутри страны, с другой, — неславянские народы, издавна жившие в тесном соседстве со славянами. Соответственно первый пункт «Положения» об этом учреждении гласил: «Институт славяноведения Академии наук СССР имеет своей задачей всестороннее изучение истории культуры славянских народов запада и СССР, а равно и теснейшим образом культурно-исторически связанных с ними народов (греки, албанцы, румыны и молдаване), в ее литературно-художественных, языковых историко-социальных и бытовых выявлениях, в их развитии в прошлом и настоящем, в тесной связи с развитием социальных отношений и международных связей». Согласно «Положению» подлежали изучению и находящиеся в СССР компактные группы тех зарубежных народов, которые назывались выше³⁴.

Институт просуществовал около трех лет, имея не более десяти научных сотрудников одновременно. Однако, объединив вокруг себя многих ученых, занимавшихся славистикой, он успел сделать немало полезного. Об этом свидетельствуют два тома «Трудов» Института, вышедших в 1932—1934 гг. и содержащих около 100 статей, сообщений, публикаций, рецензий и хроникальных заметок. По болгарской истории и литературе в «Трудах» публиковались работы Н. С. Державина, Дим. Димитрова, Й. Иванова, Г. Бакалова; о Югославии писали В. Н. Кораблев, К. А. Пушкаревич, М. Н. Сперанский; о Польше — В. Г. Чернобаев, У. А. Шустер, К. А. Пушкаревич; о Чехословакии — Е. Ю. Перфецкий, Б. М. Ляпунов, М. К. Азаровский; об Украине — М. С. Грушевский, В. Н. Перетц, В. П. Андрианова-Перетц, В. В. Дроздовский; о Белоруссии — М. Н. Сперанский и т. д. В «Трудах» были помещены также материалы, касающиеся Византии (М. Г. Тихая-Церетели, М. Н. Сперанский, И. И. Соколов), болгарского и греческого населения в СССР (И. И. Соколов, Дим. Димитров), молдаван (К. Н. Державин).

Особо следует отметить, что в специальном разделе «Трудов» по истории науки было помещено около 20 статей и сообщений (1/5 часть общего числа материалов), посвященных отечественным славистам (А. И. Лященко, С. Васильченко, Д. И. Багалея), а также зарубежным ученым (Л. Гай, К. Мука, С. Заимов, Ю. Поливка, С. Добжицкий, Ю. Коленбах, Я. Влчек, Г. Зибрт, Л. Стоянович). В качестве авторов в разделе выступали В. Н. Кораблев, В. Г. Чернобаев и К. А. Пушкаревич, А. В. Дроздовский, а также Н. С. Дружинин, Б. М. Ляпунов, М. Н. Сперанский, В. Н. Перетц и другие. Примером наиболее значительных по объему и по содержанию работ может служить статья В. Н. Кораблева о Ягиче³⁵.

Значительный удельный вес историографических исследований подтверждается как планами Института, в которых фигурируют и монографии, так и его отчетами, где называются темы прочитанных сотрудниками докладов. В пятилетнем плане Института на 1933—1937 гг. упоминались, в частности, исследования о П. И. Прейсе, В. И. Ламанском, О. М. Бодянском, И. И. Срезневском, В. И. Григоровиче, А. Ф. Гильфердинге и А. А. Кочубинском. Из докладов назовем два: «Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос» и «Славяноведение на службе самодержавия: политическая деятельность В. И. Ламанского за период с 1860 по 1897 год». Оба доклада основывались на архивных материалах и были подготовлены В. Н. Кораблевым, который, кстати говоря, значился заведую-

³⁴ Архив Академии наук СССР (ААН), ф. 220, оп. I, д. 17, л. 1. Более подробно см. К. И. Л о г а ч е в. Советское славяноведение до середины 30-х годов. «Советское славяноведение», 1978, № 5, с. 100—103.

³⁵ «Труды Института славяноведения», т. II. Л., 1934, с. 311—352.

щим сектором историографии и библиографии в разработанной, но не воплощенной в жизнь структуре Института³⁶.

Накопленный в тот период опыт принес много полезного советскому славяноведению. Однако условия для дальнейшего развития специального научного учреждения, занимающегося славистическими проблемами, тогда еще полностью не созрели. В 1934 г. ленинградский Институт славяноведения прекратил свое существование. Тем не менее разработка славистических проблем и подготовка славяноведческих кадров продолжала развертываться на базе высших учебных заведений. Кроме Н. С. Державина, организаторами славистических исследований стали Б. Д. Греков (1882—1953) и В. И. Пичета (1878—1947), в их осуществление внесли свой вклад М. Н. Тихомиров (1893—1965), Ю. В. Готье (1873—1943), Н. П. Грацианский (1886—1945) и другие.

Конкретные результаты исследований историков-славистов за предвоенный период были приведены в статье В. И. Пичеты и У. А. Шустера, опубликованной в 1942 г. В ней говорилось: «Внимание советских славистов было сосредоточено на изучении четырех основных проблем: 1) этногенеза славянства, 2) древнейшего социально-экономического быта славян; 3) отношений Византии и славян; 4) образования славянских государств». Особенно выделяется авторами четвертая из названных проблем, по которой накануне войны была подготовлена обобщающая работа, к сожалению, не увидевшая света. Ее авторы — Ю. В. Готье, Н. С. Державин, З. Р. Неядлы и В. И. Пичета — сделали выводы, которые в статье сформулированы следующим образом: «...Все славянские государства — это результат внутреннего развития на базе возникновения классового общества [...]. Борьба с внешними врагами [...] ускорила процесс формирования и в то же время содействовала их политическому укреплению»³⁷.

К 1941 г. в СССР появились возможности для научно-организационного обеспечения советского славяноведения. Одно из подтверждений тому — статья В. И. Пичеты, опубликованная перед самым гитлеровским нападением на Советский Союз. Статья не оставляет сомнений в том, что к этому времени советские слависты изжили черты вульгарного социологизма, которые отчасти были им свойственны в 30-е годы. Это сказало, между прочим, на отношении к дореволюционному наследству. «...Буржуазное славяноведение оставило после себя ряд работ по отдельным проблемам, связанным с историей славян, работ, ценных по своему конкретному материалу. Советские историки-слависты, конечно, должны воспользоваться буржуазным наследством. На их обязанности лежит, однако, коренной пересмотр всех вопросов, связанных с историей славянства, и постановка новых проблем для научного исследования на основе марксистско-ленинской методологии»³⁸. Сразу после окончания второй мировой войны произошел тот поворот в развитии славяноведения, все предпосылки которого созрели, по существу, еще в предвоенные годы. Выражением этого явилось создание Института славяноведения Академии наук СССР, который начал функционировать в январе 1947 г.

Первый вывод, который можно сделать из всего сказанного, заключается в том, что политические интерпретации идеи славянской взаимности продолжали влиять на развитие славяноведения, причем с 1917 г. их воз-

³⁶ ААН, ф. 220, оп. I, д. 1, л. 14, 37; д. 2, л. 168.

³⁷ В. И. Пичета, У. А. Шустер. Славяноведение в СССР за 25 лет. В сб. Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.—Л., 1942, с. 229, 233.

³⁸ В. И. Пичета. К истории славяноведения в СССР. «Историк-марксист», 1941, № 3, с. 62.

действие пошло по двум все более расходящимся направлениям. Если буржуазные партии молодых славянских государств все шире использовали идею славянской взаимности для пропаганды национализма, пользуясь традиционными симпатиями к ней со стороны народных масс, то в Советском Союзе, а также в коммунистических и рабочих партиях славянских стран в первое время преобладало настороженное отношение, вызванное ошибочным отождествлением этой идеи с панславизмом и аналогичными реакционными доктринами. Постепенное изживание сектантско-догматических ошибок и вульгарного социологизма, нарастание фашистской опасности для славянских народов изменили положение, и накануне войны установилось отношение к славяноведению как к комплексу наук, заслуживающих внимания и поддержки.

Второй вывод касается определения предмета славистических исследований. В межвоенный период здесь наметилось резкое расхождение, причем одни отвергали ягичевское определение предмета, доказывая необходимость его дальнейшего сужения, другие считали рамки «славянской филологии» слишком узкими и требовали превращения «славистики» в «славяноведение», т. е. включения в славистический комплекс других наук об общественной жизни славянских народов, прежде всего исторической науки. В Чехословакии и Польше, Болгарии и Югославии преобладала первая точка зрения, в Советском Союзе — вторая. За расширенное понимание высказывалось и большинство славистов, работавших в неславянских странах. Расхождения в определении предмета и острые дискуссии на эту тему не могли не сказаться на развитии славяноведения, в том числе его исторической части.

Третий и последний вывод связан с вопросом весьма существенным для славяноведения в целом, но особенно важным для историков-славистов, а именно со становлением и развитием марксистского направления в славистике. Материалистическое понимание исторического процесса, марксистско-ленинская методология исследования сделали свои первые шаги в славяноведении еще до 1917 г., причем не только в России, но и в других странах, где велись славистические исследования. Обстановка в молодых славянских странах, где к власти пришла буржуазия, не благоприятствовала быстрому росту этого направления. Однако его удельный вес все-таки рос, как в этих странах, так и среди славистов неславянских стран. В СССР, несмотря на имевшиеся трудности, слависты активно овладевали марксистско-ленинской методологией. Накануне войны она стала господствующей и послужила идейной основой для значительного числа конкретных исследований.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Н. Н. ЯКОВЕНКО

НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ С. С. ЯГОДЫНЬСКОГО

Станислав Серафин Ягодыньский — заметная фигура в истории польского Возрождения. Литературоведы высоко оценивают его сатирические стихотворные сборники как образцы народного юмора и живой разговорной речи. Предполагается, что Ягодыньский был переводчиком Петрарки и создателем либретто одной из первых польских опер «Uwolnienie Ruggiera z wyspy Alcynu»¹. С. С. Ягодыньский является также автором первого польского учебника каллиграфии, написанного в первой половине XVII в., но изданного в 1695 г.²

Сведения о Ягодыньском чрезвычайно скудны: традиционно считается, что он родился в Белоруссии или Жмуди в конце XVI в., с 1619 г. — студент Краковского, с 1621 (1622?) — Падуанского университетов, в 1624—1625 гг. в свите королевича Владислава путешествовал по Бельгии, Италии и Германии. Обстоятельства дальнейшего жизненного пути, а также место и дата смерти неизвестны³.

Автору этих строк удалось обнаружить интересный документ, проливающий свет на некоторые обстоятельства жизни поэта. В хронике «Чуда в церкви Жировицкой», хранящейся в отделе рукописей Львовской научной библиотеки АН УССР⁴, среди записей об исцеленных и спасенных чудотворной иконой так называемой Жировицкой Богородицы под датой 18 сентября 1626 г. находится следующая запись:

Stanislaw Serafin Jagodynsky oswiecone[go] x[ie]cia Jana Jerze[go] Radziwiła casztellana Trockie[go] swietej pamieci olim sluga stawszy wyznaniem prawdy daie Bogu cześć y chwałę ze roku 1625 miesiaca decembra w Kobryniu u jasnje wielm[ożnego] Pana Jarosza Wolowicza starosty zmodzkiego nawiedzony będąc oraz y z xiążęci Panem moim ciężką i desperowaną chorobą którą y xiąże Pan moy poległ, posławszy do kościoła chłopię moięczynilem votum do Calwariey obejść drogi Panny nasw[iętszej] y do Zurowicz nawiedzić y wczcić obraz cudowny Boga rodzice ieslibych wstał z łozka smertelnego. Owa y ociec y matka milosierdzia wysłuchali grzesznika przyszedłem do zdrowia y xiążęcia Pana me[go] pogrzebszy sam zdrow odprawiłem votu[m] w Zurowiczach i* gdzie sluchając kazania slyszalem kapłana oycy tego zakonu rządzące[go] y kazące[go] aby kozdy kto z tego mieysca odniósł jaką pocieche y dobrodzieystwo opowiedział y wdzięcznie a prawd-

¹ «Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut. Piśmiennictwo polskie. Hasła osobowe A — M», t. 2, Warszawa, 1964, s. 280—281.

² K. E s t r e i c h e r. Bibliografia polska, t. XVIII, Kraków, 1901, s. 383; J. C z a r n i e c k i. Stanisława Serafina Jagodyńskiego «Kalligraphia albo Cancellaria» z r. 1695. «Museum», L. 1903, s. 173—182; L. K u r d y b a c h a. Pisma wybrane. Warszawa, 1976, t. III, s. 102.

³ A. B o n i e c k i. Herbarz Polski, cz. I, t. VIII. Warszawa, 1906, s. 149; «Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana», t. XXXI—XXXII. Warszawa, 1903, s. 386—387.

⁴ «Библиотека василіан у Львові», 393, л. 126—127.

* Дальше слово «rotum» перечеркнуто.

ziwie wyznał. Ja jednak w serdeczną sie wdzięczności fundując, tego ustnego wyznania y opowiadania zaniechałem. Chciał mie potym Bog nauczyć nasładować one[go] tredo-wate[go] ktory z wielu był jeden, ze dał cześć y chwałę powierzcownie, którą miał miec y wewnątrz: nawiedził mię znowu chorobą w Szereszowie tamże sie obaczył com był powł-nien y com opuścił znowu czynię wotu[m] pisać do oycow tą łaskę Bożą obwieszczając: zاتم y predziuchno a niemal zaraz po tym votum przyszedłem do zdrowia. Chcąc tedy byc lepszym karany, y vstnie oycom to opowiedziawszy, y pismen mym wyznawam, iz mi był Bog miłosiernym w Zurowiczach przez przyczynę Panny naswiętszey: za którą jej chcąc byc wdzieczny y będąc to mieysce nawiedziłem, y wotu[m] choc niegodnie[go] (...) * wielkiej godności komu ie czynił wypełniłem na czesc na chwałę iedyne[go] w Trojcy y iedynej Boga rodzice.

Idem q[uod] supra manu p[ro]pria.

«Я, Станислав Серафин Ягодынский, слуга покойного св. памяти его светлости князя Яна Ежи Радзивилла, троцкого кастеляна, представ для засвидетельствования правды, утверждаю во славу господню, что в декабре 1625 года в Кобрине⁵, во время пребывания у ясновельможного жмудского старосты Яроша Воловича я, одновременно с князем, моим господином, был захвачен тяжелой и неизлечимой болезнью, от которой и умер князь, мой господин, а я послал слуг своих в церковь и дал обет почтить пути пресвятой Девы в Кальварии⁶ и придти в Жировицы⁷ поклониться чудотворной иконе богородицы, если поднимусь со смертного одра. Меня, грешника, услышали отец и мать милосердия, и я выздоровел, и похоронив князя, своего господина, сам здоровый, исполнил обет в Жировицах. Когда же после этого слушал я там проповедь, то слышал, как советовал и наставлял священник, монах этого монастыря, чтобы каждый, кто получил здесь утешение либо благодеяние, засвидетельствовал его, благодарно и правдиво подтвердив. Я однако ж, хоть и утвержден был в сердечной благодарности, но пренебрег сделать об этом устное заявление. И бог захотел меня затем проучить за уподобление тому прокаженному, единому из многих, кто восславил его лишь внешне, хоть должен был чтить сердцем, наслав на меня болезнь в Шерешове⁸, и там я понял, что следовало сделать, и чем я пренебрег. Опять я даю обет написать монахам, извещая их о милости божьей, а затем вскорости, почти тотчас же после обета, выздороавливаю.

И вот теперь, хотя и рассказал монахам обо всем устно, но желая быть наказанным еще больше, свидетельствую настоящей записью, что бог через пресвятую Деву показал мне милосердие в Жировицах, а я, стремясь быть ей благодарным, пришел на это место и исполнил обет в честь и хвалу единого в троице и единой богородицы, хотя и недостойн великой славы тех, кому его дал.

Тогда же, как и выше, рукой собственной».

Найденная запись интересна и как автограф поэта, и как выразительный лаконичный рассказ о занимательном случае из его жизни. Кроме того, она совершенно точно указывает, что Ягодынский после путешествия по Европе вернулся в Белоруссию. Себя он называет слугой покойного троцкого кастеляна Яна Ежи Радзивилла, действительно умершего 18 декабря 1625 г.⁹ Очутившись вне свиты Раздивилла, Ягодынский

* Слово перечеркнуто, неразборчиво.

⁵ Теперь — райцентр Брестской обл.

⁶ Речь идет о доминиканском костеле под Вильнюсом и группе часовен при нем, последовательно воссоздающих евангелические события; сюда стекались паломники на богомолье.

⁷ Теперь — Гродненская обл.

⁸ Местечко на пути из Кобрин в Гродно.

⁹ J. D u n i n - B o r k o w s k i. Almanach błękitny, t. I. Warszawa, 1908, s. 97.

переехал в королевское местечко Шерешов, где, очевидно, прискал себе службу в королевских имениях.

Оставался ли он до сметри в Белоруссии — неизвестно, но вполне вероятно, что именно здесь, а не в Жмуди, он родился и вырос, отсюда выехал на учебу в чужие края и сюда же возвратился образованным зрелым человеком. Возможное белорусское происхождение Ягодыньского подтверждается и тем, что за духовной помощью он обращается в бывший православный (с 1613 г. униатский) Жировицкий монастырь, куда католики (поляки и литовцы), как правило, не обращались, «апеллируя» в подобных случаях к соседней чудотворной иконе Остробрамской Богородицы в Вильнюсе.

Таким образом, найденная запись дает дополнительное объяснение обилию белорусских слов и оборотов, отмеченных исследователями в произведениях Ягодыньского¹⁰, первого польского поэта родом из Белой Руси.

¹⁰ «Bibliografia literatury polskiej...», s. 281.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА ИСТОРИКОВ СССР И ЧССР О СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В издательстве «Международные отношения» в июле 1980 г. вышла в свет подготовленная Дипломатической академией МИД СССР совместно с Институтом международных отношений ЧССР книга «СССР — ЧССР. Сотрудничество и сближение»; она приурочена к 10-летию советско-чехословацкого Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 6 мая 1970 г. В ней ученые анализируют значение советско-чехословацкого договора 1970 г. не только с точки зрения двусторонних связей, но и с учетом его влияния на развитие международных отношений как в рамках социалистического сотрудничества, так и за его пределами.

Это, по сути дела, первая в советской исторической литературе монография, обобщающая развитие советско-чехословацких отношений за продолжительный период в послевоенные годы. В самом деле, если работа по изданию документов, относящихся к истории взаимоотношений наших стран и народов после Великой Октябрьской социалистической революции и образования Чехословацкой республики ведется уже в течение многих лет научными, дипломатическими и архивными учреждениями обеих стран, результатом чего явилась публикация ряда документальных сборников по периоду с 1918 по 1976 гг., то изучение и анализ истории наших отношений всего этого времени советскими историками и другими специалистами по существу лишь начинается. При этом, если по довоенному периоду и по периоду второй мировой войны еще имеются единичные монографические исследования, то по периоду послевоенному их нет вообще. Вряд ли можно признать такое положение нормальным или оправданным. В этой

связи нельзя не приветствовать появление рецензируемой книги как первого опыта коллективной монографии по этой важной проблематике.

Книга начинается с краткой характеристики развития исторических традиций дружбы и сотрудничества народов наших стран с эпохи чешского и словацкого национального возрождения (вторая половина XVIII в.) до наших дней. Соответствующий раздел книги не содержит большого количества фактов, да и не ставит своей задачей освещать фактическую сторону этой важной и многосторонней проблемы. Авторы ограничиваются здесь принципиальной оценкой характера этих традиций, подчеркивая, что подлинными носителями идей дружбы и сотрудничества были народные массы наших стран, трудящиеся города и деревни, особое внимание уделяя деятельности общественных организаций в области развития советско-чехословацких дружеских связей. В этой связи представляет интерес глава вторая — «Боевой союз КПСС и КПЧ — сердцевина тесного сотрудничества двух братских стран», в особенности ее разделы, где речь идет о конкретных формах, в которых находит свое выражение это сотрудничество — от контактов, изучения и рассмотрения проблем и принятия соответствующих решений на уровне высших органов партийного и государственного руководства до многообразных и разносторонних форм повседневного сотрудничества местных партийных и государственных органов, общественных организаций, коллективов промышленных предприятий, колхозов и совхозов, учреждений культуры и народного образования в рамках дружеских связей породненных областей,

городов и районов ЧССР и СССР. Авторы конкретными примерами привлекают внимание к этим наиболее эффективным формам сотрудничества и сближения народов социалистических стран, делают попытки обобщения этого опыта и оценки его значения в наших межгосударственных отношениях.

Следует заметить, что вопросы развития советско-чехословацких отношений в период, предшествующий заключению Договора 1970 г., затрагиваются авторами и в ряде других разделов книги, в частности, в главе шестой, посвященной боевой дружбе и сотрудничеству наших народов в период гражданской войны в Советской России и во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., а также в послевоенные десятилетия. Касаются авторы этой темы и в некоторых других главах книги, создавая исторический фон, на котором авторы дают подробный и многосторонний анализ политических, экономических, правовых, культурных, военных и внешнеполитических аспектов Договора от 6 мая 1970 г., а также характеристику первого десятилетия его действия и влияния на развитие двусторонних советско-чехословацких отношений, на упрочение социалистического содружества и межгосударственные отношения в Европе и за ее пределами.

Можно с удовлетворением констатировать, что прочитав рецензируемую книгу, читатель получает достаточно полную и обоснованную оценку всех этих важнейших аспектов Договора, его особенностей и того значительного и принципиально важного вклада, который вносят в современные международные отношения содержание и практика применения этого Договора.

Авторы раскрывают процесс развития наших межгосударственных отношений через характеристику трех советско-чехословацких договоров как определенных вех в этом развитии — Договора о взаимной помощи от 16 мая 1935 г., Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 12 декабря 1943 г. и Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 6 мая 1970 г. — таких вех, которые отражали коренные, качественные изменения не

только в отношениях между нашими странами, но и в развитии международных отношений в Европе в целом, изменения реальной роли и веса СССР, а затем и социалистической системы, расстановки классовых сил на мировой арене. В 1935 г. прозападные правящие круги чехословацкой буржуазии пошли на заключение договора с Советской Россией лишь ввиду становившейся все более очевидной угрозы для Чехословакии со стороны фашистской Германии. Этот договор предусматривал помощь Чехословакии со стороны СССР в защите ее суверенитета и независимости от фашистской агрессии. Буржуазное правительство ЧССР отказалось, однако, принять эту помощь, что привело к оккупации страны гитлеровцами. Договор 1943 г., заключенный в разгар войны с фашизмом, ставил своей главной целью совместные усилия в этой войне против общего врага. Но этот договор предусматривал уже и некоторые формы продолжения сотрудничества двух государств в послевоенный период. Значительным прогрессом в двусторонних отношениях стал Договор 1970 г., поднявший чехословацко-советские отношения на гораздо более высокий уровень.

В книге подчеркивается, что если Договор 1943 г. основывался еще на принципах мирного сосуществования государств с различным общественным и политическим строем, то в основу отношений между обеими странами в соответствии с новым договором были положены принципы социалистического интернационализма. Эти принципы закреплены в преамбуле, где записано, что поддержка, укрепление и защита социалистических завоеваний, достигнутых ценой героических усилий и самоотверженного труда каждого народа, являются общим интернациональным долгом социалистических стран. В статье 5 Договора обе подписавшие его стороны, развивая эти принципы, выражают непреклонную решимость идти по пути строительства социализма и коммунизма, обязуются принимать необходимые меры для защиты социалистических завоеваний народов, безопасности и независимости обеих стран, стремиться к развитию всесторонних отношений между государствами социалистического содружества и дей-

ствовать в духе упрочения их единства, дружбы и братства.

Авторы подчеркивают в этой связи, что «положение о совместной защите завоеваний социализма, закрепленное в пятой статье и в преамбуле Договора, является в международном документе договорного характера впервые» (с. 102).

В книге отмечается качественно новый характер отношений социалистических государств и качественно отличная сущность принципов и правовых норм, создаваемых этими государствами и заменивших принципы и правовые нормы, которыми регламентируются их отношения с другими государствами. Как подчеркивают авторы, современное международное право не препятствует договорности государств об особых принципах и нормах взаимоотношений, представляющих им больше прав и возлагающих на них больше обязанностей, если это отвечает интересам мира и развития дружественных отношений между народами. Таким образом, принцип социалистического интернационализма, выражающий более высокие отношения государств и направленный на достижение именно этих целей, находится в полном соответствии с международным правом. В книге прослеживается процесс закрепления принципа социалистического интернационализма в дальнейшем в ряде других международно-правовых документов, направленных на политическое и экономическое упрочение социалистического содружества, на защиту суверенитета, независимости и социалистических завоеваний входящих в него стран.

Договор 1970 г., заключенный между государствами теперь уже не с различным, а с одинаковым общественным и социальным строем, справедливо рассматривается в книге как документ классового союза двух братских социалистических стран. Вместе с тем, авторы подчеркивают преемственность между договорами 1943 и 1970 гг., отмечают, что Договор 1970 г. органически продолжает и развивает Договор от 1943 г. с учетом новой обстановки и накопленного опыта.

Характеризуя эту новую обстановку и разъясняя свою мысль о приобретенном нашими народами в последнее время новом политическом опыте, авторы книги

уделяют необходимое внимание урокам внутриполитического кризиса в ЧССР в 1968—1969 гг. и его внешнеполитических аспектов. Следует отметить при этом, что характеристика чехословацких событий этих лет, роли в них внутренней реакции и контрреволюции, с одной стороны, и происков империалистических сил Запада — с другой, дается в книге с большой точностью, в полном соответствии с оценками и документами КПЧ и КПСС по этому вопросу и с относящимися к этим событиям конкретными историческими фактами. В книге совершенно правильно, на наш взгляд, подчеркивается далее, что оказание странами Варшавского Договора интернациональной помощи братским народам ЧССР, их решительные действия в защиту социалистических завоеваний в Чехословакии и поражение внешней и внутренней реакции в значительной степени способствовали более реалистическому подходу правящих кругов стран Запада к Чехословакии, а также развитию процесса разрядки напряженности в международных отношениях и мирного сотрудничества между капиталистическими и социалистическими государствами. Этот вывод имеет принципиальное значение. Он является еще одним свидетельством того, что только решительные и бескомпромиссные действия, сплоченность и твердость сил социализма и прогресса могут предотвратить и пресечь агрессивные устремления империализма, враждебную социализму деятельность националистов, ревизионистов и других пособников объединившихся сил мировой реакции.

В книге показана активная роль ЧССР в осуществлении внешнеполитической линии социалистических стран по укреплению разрядки, в борьбе за разоружение, предотвращение мировой войны; подчеркивается ее принципиальная последовательная позиция и полезный вклад в деятельность Организации Варшавского Договора, Совета Экономической Взаимопомощи, других международных организаций. Особо отмечается плодотворность совместной деятельности ЧССР, СССР и других социалистических стран в ООН, на таких важных форумах как общеевропейское Совещание в Хельсинки, Белградская встреча и т. п. — и как

следствие этого — усиление дипломатических позиций ЧССР на международной арене. Об этом, в частности, говорит тот факт, что если в предкризисный период Чехословакия имела дипломатические отношения с 80 государствами, то теперь она их имеет со 123 странами. Подобного рода факты весьма поучительны, как и приводимая в книге характеристика экономического и культурного развития страны в связи с успешным претворением в жизнь соответствующих статей Договора от 6 мая 1970 г. Фактические данные, относящиеся к последнему десятилетию развития советско-чехословацкого сотрудничества в политической, экономической, культурной, идеологической, военной и других сферах с большой силой и убедительностью свидетельствуют о плодотворности союза, дружеских связей и сотрудничества наших стран, о взаимообогащающем и взаимополезном характере этих связей и сотрудничества, о правильности и полном соответствии коренным жизненным интересам народов Чехословакии и Советского Союза, всего социалистического содружества тех принципиальных положений, которые зафиксированы в этом Договоре. Приводимые в рецензируемой книге данные убедительно говорят также об огромном значении подписываемых Советским Союзом межгосударственных договоров и соглашений как важного фактора поддержа-

ния и упрочения мира и международного сотрудничества.

Как уже упоминалось, книга «СССР — ЧССР. Сотрудничество и сближение» подготовлена дипломатическими учреждениями двух стран. Это, конечно, наложило свой отпечаток на характер книги — на ее структуру, подбор и изложение материала, что вполне естественно и оправдано. Есть в книге и недостатки — неравномерность, а иногда и недостаточная полнота привлечения фактического материала для характеристики развития советско-чехословацких отношений в различные периоды, ряд повторений в разделах, носящих характер исторических экскурсов в прошлое, беглость и публицистичность таких экскурсов в ряде случаев и т. п. Однако главное, по нашему мнению, состоит в данном случае не в том, чтобы сосредотачиваться на «вылавливании» слабых мест в этой работе, посвященной, по сути дела, истории современности, а в констатации того весьма существенного факта, что эта работа, в известном смысле пионерская, привлекает внимание историков к необходимости (и, как доказывают авторы, возможности) монографической разработки истории советско-чехословацких отношений в новейшее время, в особенности же — в период после второй мировой войны.

И. И. Удальцов

Cz. ŁUCZAK. Polityka ludnościowa i ekonomiczna Niemiec hitlerowskich w okupowanej Polsce. Poznań, 1979, 690 s.

Ч. ЛУЧАК. Национальная и экономическая политика гитлеровской Германии в оккупированной Польше

Рецензируемая монография является итогом многолетней работы Ч. Лучака по истории Польши периода гитлеровской оккупации¹. Автор успешно проанали-

зировал весь комплекс вопросов, характеризующих общественно-экономическую жизнь страны в условиях оккупации. В 21 тематическом разделе книги прослежены все основные направления и проявления нацистской так называемой национальной, экономической, социальной политики, ее итоги и последствия.

В книге использованы монографии, статьи, заметки польских, советских, не-

¹ Cz. Łuczak. «Kraj Warty». 1939—1945. Studium historyczno-gospodarcze okupacji hitlerowskiej». Poznań, 1972; е го ж е. Polscy robotnicy przymusowi w Trzeciej Rzeszy podczas II wojny światowej. Poznań, 1974 и др.

мецких, английских, американских ученых, занимавшихся историей Польши периода второй мировой войны. От многих из этих работ книгу Ч. Лучака отличает богатство привлеченного к исследованию документального и особенно архивного, зачастую неизвестного, материала из центральных и воеводских архивов ПНР, Центрального государственного архива в Потсдаме, Национального архива Соединенных Штатов, Федерального архива в Кобленце (ФРГ). Широкая документальная база исследования позволила автору проводить сравнение и сопоставление многочисленных нацистских фактических и статистических материалов, что чрезвычайно важно для установления достоверности весьма разноречивых, неточных, а порой и просто фальсифицированных сведений, исходивших из нацистских учреждений.

Ч. Лучак ввел в научный оборот ряд новых статистических сведений или уточнил уже известные. Приводимые им чрезвычайно важные цифровые материалы характеризуют меру осуществления основных замыслов гитлеровцев в отношении польского населения. В книге уточнена цифра выселенных и переселенных оккупантами поляков. Теперь мы знаем, что депортировано было около 1,7 млн человек (с. 135). Документально подтверждены сведения о 6 млн поляках, погибших в годы второй мировой войны (с. 217). Эта цифра порой оспаривается в буржуазной историографии. Ч. Лучак привел новые, почерпнутые в архивах, статистические данные о количестве земли, конфискованной у поляков на «присоединенных к рейху» польских землях (с. 236); о количестве конфискованных здесь промышленных, ремесленных и торговых предприятий (с. 236), о росте военных заказов, выполнявшихся в генерал-губернаторстве (с. 287); о числе военных транспортов, проходивших через польские земли в годы войны (с. 293) и многие другие сведения. В литературе до сих пор, например, не упоминалось о том, что до «окончательного решения еврейского вопроса» нацисты переселили более 2,7 млн польских евреев (с. 135). Материалы, приводимые в книге Ч. Лучака, опровергают бытующий в реакционной буржуазной историографии тезис о «чистых ру-

ках» вермахта. Только с 1 января 1943 г. по 31 июля 1944 г., — пишет автор, — подразделения гитлеровского вермахта приняли участие в 1106 «усмирительных акций» на территории генерал-губернаторства (с. 115).

Проблема книга Ч. Лучака делится на две части. В первой анализируется так называемая национальная политика оккупантов. Автор утверждает, что до нападения на Польшу целостная концепция этой политики не была выработана, хотя и обсуждалась неоднократно среди высших гитлеровских чиновников. В сентябре—октябре 1939 г. гитлеровцы приступили к определению методов и средств ее реализации, главным среди которых с этого момента и до последних дней присутствия оккупантов был принцип физического уничтожения поляков. Ч. Лучак обоснованно выделил четыре этапа в процессе нарастания террора и считает, что наибольший разгул его относится ко второму этапу — с весны 1942 до августа 1944 г., когда проводились непрерывные и массовые террористические акции оккупантов. Автор использовал разнообразные статистические сведения для характеристики масштабов гитлеровского террора в Польше, где существовало 9 концлагерей с 221 их филиалом, куда было отправлено свыше 5 млн польских граждан, из которых 3 млн погибло. В этих концлагерях было уничтожено и 1,5 млн граждан других захваченных гитлеровцами государств (с. 107, 113).

В тесной взаимосвязи с политикой террора автор рассматривает вопрос германизации польских территорий. Несмотря на то, что «немцами» были объявлены свыше 2 млн поляков (только в Силезии и Поморье — 1,8 млн человек), в целом гитлеровская демографическая политика в Польше закончилась полным провалом: поляки боролись за сохранение своей национальной самобытности и спасение нации от физического уничтожения; оккупантам не удалось реализовать свои планы многомиллионного немецкого поселения на польских землях. Вывод автора о том, что гитлеровцы не смогли разложить изнутри польское общество (с. 187—192), не вызывает сомнений.

В первые месяцы оккупации была определена и экономическая политика в Поль-

ше. Она, — пишет автор, — характеризовалась «большой стабильностью в отношении польских земель, включенных в состав рейха, и частыми сменами этой концепции в отношении генерал-губернаторства» (с. 33). Вряд ли можно говорить о частых сменах экономической концепции в генерал-губернаторстве — радикальное изменение было только одно, в конце 1939 г., но нестабильность политики имела место весь период оккупации.

Детально проанализировав организационную структуру экономической администрации, введенной оккупантами, Ч. Лучак считает, что весь механизм этой администрации был подчинен задачам быстрой германизации и максимальной эксплуатации захваченных польских земель при одновременном ослаблении биологического потенциала польского народа. При этом, — пишет автор, — вся «система управления экономикой в оккупированной Польше опиралась на всевластие, террор и отрицание каких-либо прав населения, оказавшегося под оккупацией» (с. 67).

Главным содержанием экономической политики оккупантов в Польше был, как доказывает всей своей книгой Ч. Лучак, грабег национального достоинства страны, массовое присвоение имущества гитлеровским государством, его различными учреждениями и отдельными немецкими предпринимателями. В результате этого на присоединенных землях 90%, а в генерал-губернаторстве $\frac{1}{3}$ экономического потенциала перешли в германскую собственность (с. 367). Доминирующие позиции в экономике Польши заняли крупнейшие промышленные концерны Германии, ряд банков «империи» и Имперское управление безопасности (СС), захватившие значительную часть польской собственности и эксплуатировавшие труд миллионов людей.

Ч. Лучак анализирует многочисленные формы и способы эксплуатации гитлеровцами польской промышленности. Особое внимание уделено показу ее мобилизации на выпуск военной продукции. Тщательно исследован механизм действия сохраненной оккупантами польской системы кредита, объяснена неудача расчетов на приобретение доверия населения генерал-губернаторства к важнейше-

му институту экономики оккупированных польских земель.

Особой статьей доходов оккупационных властей был сбор контингентов с польского сельского хозяйства. Автор приводит в подтверждение этого тезиса обширные фактические и статистические данные. Анализ бюджета генерал-губернаторства за годы оккупации показывает не только его непрерывный рост за счет, прежде всего, налогов с населения, но и главное направление расходов оккупационных властей — на армию, полицейские силы, на так называемую гражданскую администрацию, на военную экономику, на мероприятия по германизации страны (с. 368 и др.).

Использование рабочей силы оккупантами, пишет Ч. Лучак, слагалось из трех элементов: принуждения к труду, невероятно трудных условий труда и дискриминации поляков в оплате за труд. Ч. Лучак с полным основанием называет такую политику «одним из инструментов геноцида польского общества» (с. 506). Ответом поляков на это было массовое уклонение от трудовой повинности, резкое снижение производительности труда, забастовки, саботаж и т. п. Особым направлением гитлеровской политики эксплуатации трудовых ресурсов захваченных стран была, как известно, принудительная отправка на работу в Германию. Как показывает Ч. Лучак, в Польше она приобрела массовый характер: 2,8 млн граждан довоенной Польши было угнано на работу в рейх, в сентябре 1944 г. они составляли 29% всех иностранных рабочих в Германии (с. 160, 171).

На наш взгляд, большой интерес представляют два раздела книги, посвященные анализу изменений общественной структуры польского общества в годы войны под воздействием нацистской оккупационной политики и экономической борьбы как одной из форм сопротивления поляков. Оккупационная политика привела к тому, что на физический труд перешла значительная часть бывших служащих, а рабочий класс пополнился более, чем 1 млн представителей других социальных групп (с. 509). За годы войны состав пролетариата существенно изменился, погибло около 2 млн рабочих с семьями. Как пишет Ч. Лучак, рабочий класс не был

монодитом, но костяк его все-таки остался довоенным. Сильно изменилась структура подвергавшейся жестокой экстерминации польской интеллигенции: часть ее перешла в ряды рабочего класса, часть отправлена на принудительные работы в Германию, часть заняла более низкое служебное положение. Деклассированы были мелкие собственники и почти вся немногочисленная крупная польская буржуазия. По особому и, как утверждает автор, по разному складывалась судьба собственников земельных наделов. В генерал-губернаторстве подавляющая часть польских крестьян сохранила свои наделы, а часть аристократии сотрудничала с оккупантами. Анализ изменений социальной структуры польского общества, сделанный в книге Ч. Лучака, позволяет увидеть истоки и понять причины формирования массовых антифашистских позиций польского населения, не исключая и представителей бывших господствующих классов, под воздействием политики оккупантов.

Говоря об экономической борьбе поляков в годы оккупации, автор называет и исследует такие ее формы как «черный

рынок», нелегальная взаимопомощь, уклонение от выселений и отправки в Германию, снижение производительности труда, забастовки, диверсии на транспорте и на экономических объектах, саботаж, экономическая разведка. Ч. Лучак обоснованно утверждает, что именно экономическая борьба была самой массовой из всех других форм сопротивления, что в ней принимали участие и те, кто не был связан организационно с движением Сопротивления. Эта борьба, подводит итог автор, наносила ущерб экономическому потенциалу оккупантов и способствовала некоторому улучшению материального положения населения, она благоприятно воздействовала на его моральное состояние, служила мобилизации его усилий по сопротивлению оккупантам (с. 626).

Исследование Ч. Лучака не только раскрывает картину тотальной экономической эксплуатации страны, показывает зловещую опасность, нависшую над польской нацией, но и дает возможность найти ответ на существеннейшие вопросы политической истории Польши этого и послевоенного времени.

А. Ф. Носкова

Л. А. ОБУШЕНКОВА. Королевство Польское в 1815—1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979, 296 с.

Актуальность избранной автором темы не вызывает сомнений. Первые полтора десятилетия существования Королевства Польского были временем автономного правления. В экономической жизни они ознаменовались быстрым ростом промышленности в условиях государственной поддержки, некоторыми сдвигами в организации сельскохозяйственного производства, расширением внешнеторговых связей. Экономический прогресс обусловил более быстрые темпы разложения феодальной сословной структуры, ускорил формирование классов и социальных групп буржуазного общества. Экономические успехи и социальное развитие содействовали укреплению польского национального самосознания, развитию внутринациональных взаимодействий несмотря

на отсутствие единого независимого национального государства.

Работа Л. А. Обушенковой основывается на новейших исследованиях по социально-экономической истории Королевства Польского, в ней использованы материалы из польских и советских архивов: Главного архива древних актов в Варшаве, архива Чарторьских в Кракове и Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде. Автор поставила перед собой задачу — дать комплексный анализ экономического и социального развития Королевства Польского в 1815—1830 гг., уделяя особое внимание изучению элементов капиталистического уклада в их взаимодействии с традиционными отношениями, унаследованными от феодализма. Экономиче-

ские и социальные структуры Королевства Польского рассматриваются в книге на нескольких уровнях: национальном, региональном и отраслевом. Обобщающей работы такого типа не было до сих пор ни в советской, ни в польской историографии.

В кратком обзоре литературы, содержащемся во введении, характеризуется историография темы, указываются имеющиеся дискуссионные вопросы. В настоящее время этот обзор можно дополнить капитальным исследованием коллектива польских историков, посвященным социальной структуре Королевства Польского в 1815—1864 гг.¹ Указанный труд появился одновременно с выходом в свет рецензируемой книги и, естественно, не мог в ней учитываться. Что же касается утверждения, будто не существует фундаментальных исследований о формировании интеллигенции в Королевстве Польском (с. 24), то оно не соответствует действительности: таким исследованием является монография Р. Чепулис-Растенис, о которой Л. А. Обушенкова упоминает неоднократно (с. 21, 41).

Лаконичная, но очень емкая характеристика положения Королевства Польского накануне и в первые годы Венского конгресса дается Л. А. Обушенковой в первой главе книги, где рассматриваются: административное устройство, финансы, политическая обстановка, структура промышленности, система землевладения и землепользования. Глава эта хорошо вводит читателя в основную тематику работы. Заметим, однако, что, освещая структуру землевладения, автор не упоминает здесь о духовных владениях. Между тем плебанская земельная собственность сохранилась до крестьянской реформы. Представляются весьма желательными хотя бы краткие биографические данные о видных государственных и общественных деятелях, их отсутствие явно обедняет главу.

Вторая глава знакомит читателей с дискуссией о путях развития Королевства Польского, а также с реализацией про-

граммы его экономического возрождения. Здесь несомненной заслугой автора является привлечение новых архивных материалов, в частности документов различных комиссий Государственного совета. Правомерен вывод автора о том, что осуществленная по инициативе и при активной поддержке министра финансов Ф. К. Друцкого-Любецкого система экономических мероприятий объективно являлась консервативным вариантом программ капиталистического развития. Мероприятия эти проводились для поддержки землевладельцев, которые переводили свои хозяйства на капиталистический путь развития. Делалось это за счет трудящихся масс путем увеличения косвенных налогов. К сожалению, автор не увязывает эту часть своей книги с соответствующими страницами вводной главы, где изложена суть дискуссий историков, связанных с оценкой деятельности Любецкого.

Экономическому развитию посвящена третья глава — одна из основных в книге. В нее входят несколько разделов: о первоначальном накоплении капитала, развитии промышленности, развитии сельского хозяйства, формировании внутреннего рынка.

Проблема особенностей и определение хронологических рамок периода первоначального накопления в странах Центральной и Восточной Европы до сих пор является дискуссионной, историки СССР и ПНР активно участвуют в ее обсуждении. Л. А. Обушенкова также включилась в эту дискуссию, поддержав концепцию о том, что специфические черты первоначального накопления в Королевстве Польском в рассматриваемый период заключались в большей, чем в других европейских странах, роли помещиков, в значительной роли государства, способствовавшего сосредоточению капиталов у крупных землевладельцев и различных групп нарождающейся буржуазии, в отсутствии внешних источников накопления. Признавая общую обоснованность такой позиции, мы склонны считать слишком категоричным высказывание автора о том, что главным источником накопления капитала в деревне была «концентрация земель помещиками на основе капиталистической земельной собствен-

¹ «Przemiany społeczne w Królestwie Polskim. 1815—1864». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1979, 518 s.

сти» (с. 126). Для 20-х годов XIX в. это определение неточно и его следует расширить, указав на такие источники накопления, как винокурение и использование природных богатств, в том числе ископаемых.

В разделах о промышленности и сельском хозяйстве вначале даются общие сведения о дальнейшем развитии капиталистических элементов в этих отраслях, показаны качественные сдвиги в организации промышленного производства, приводятся данные о проникновении элементов капиталистических отношений в сельское хозяйство. Затем анализируются эти процессы по воеводствам. Автору удалось, несмотря на сравнительную краткость рассматриваемого периода, показать динамику процесса проникновения капиталистических отношений в промышленность, а отчасти и в сельское хозяйство. Удачным представляется также анализ региональных особенностей, основанный на использовании широкого круга архивных источников, впервые введенных автором в научный оборот. Думается, однако, что данной главе недостает карт и, может быть, графического материала. Больше внимания стоило бы уделить, на наш взгляд, анализу арендных отношений и изменению их характера. Это важно, поскольку именно характер аренды определял степень развития капиталистических отношений в деревне.

В кратком разделе третьей главы, посвященном формированию внутреннего рынка, выделено несколько узловых моментов, характеризующих этот процесс: общественное и территориальное разделение труда, увеличение товарности производства. Особый интерес привлекает новый архивный материал о торговых связях между районами. Жаль, что Л. А. Обушенкова отказалась от попытки более детально проанализировать пространственную структуру цен. Цифровые данные, опубликованные Ч. Стшешевским, позволяют это сделать².

Четвертая глава посвящена внешней торговле Королевства Польского. Главное внимание в ней уделено торговле с Россией. Этот раздел — один из наиболее интересных в книге — основан на анализе нового архивного материала. Он дал автору возможность более подробно осветить малоисследованную проблему польско-русских торгово-экономических связей. Читатель может ознакомиться как с валовым объемом товарооборота, так и с ассортиментом товаров, направлением торговых потоков, организацией торговых перевозок, характером воздействия торговых отношений на польскую и русскую промышленность. Этот материал несомненно послужит отправным моментом для дальнейшего углубленного изучения хозяйственных взаимосвязей данного региона. И здесь также освоение богатого материала в тексте затрудняется отсутствием карты или хотя бы схемы таможенных постов на русско-польской таможенной границе.

Завершает книгу небольшая глава о демографической ситуации и социальной структуре общества Королевства Польского в 1815—1830 гг. Внимание автора сосредоточено при этом на трех моментах: 1) абсолютном росте населения, 2) изменении структуры его расселения и 3) изменениях в социальной структуре, формировании классов и социальных слоев буржуазного общества. Весьма важные вопросы в большинстве случаев лишь поставлены, нет детального рассмотрения проблемы в целом.

В заключение подчеркнем, что содержание рецензируемой книги выходит за региональные рамки, ибо в ней поставлены и отчасти решаются некоторые проблемы, общие для ряда стран Центральной Европы и России. Поэтому работа Л. А. Обушенковой несомненно заслуживает внимания не только историков-полонистов, но и специалистов по другим странам данного региона.

В. А. Дьяков, Н. П. Митина

² Cz. Strzeszewski. Kryzys rolniczy na ziemiach Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego. 1807—1830. Lublin, 1934.

ЕЛЕНА ГРОЗДАНОВА. Българската селска община през XV—XVIII век. София, 1979, 208 с.

ЕЛЕНА ГРОЗДАНОВА. Болгарская сельская община в XV—XVIII вв.

Сельская община играла важную роль в жизни болгарских крестьян в эпоху турецкого господства. Поскольку крестьянство в это время составляло основную массу населения, общины приобретали огромное значение. Их стойкому сохранению и активности способствовали условия существования под турецкой властью: национальное угнетение, отсутствие самостоятельной государственности и церковной организации. В ряде исторических и этнографических исследований затрагивались различные вопросы, связанные с функционированием сельских общин в болгарских землях после турецкого завоевания, в XV—XVIII вв. Но до сих пор не было ни одной специально посвященной этой теме работы. В книге Е. Гроздановой, восполняющей этот пробел в болгарской историографии, всесторонне анализируются сущность, функции и значение территориальной общины в период, предшествующий национальному возрождению; рассматриваются экономические основы общин и их внутренняя структура; показана их роль в поддержке национальной самобытности болгарского народа и значение как сплачивающего фактора в истории национально-освободительного движения.

Сельские общины, существовавшие в Болгарии и до турецкого завоевания как организации феодально-зависимого крестьянства, были включены в османскую феодальную систему, в известной мере узаконены. Сохранилась и их экономическая база — «землиште» (общинная земля). Изменения в общественно-экономической структуре балканских земель проходили медленно, поэтому и болгарская община вплоть до XVIII в. оставалась почти в неприкосновенности. Но притеснения общин со стороны турецких властей постепенно усиливались, общинные земли систематически расхищались. Играла роль и общая атмосфера национального угнетения немусульманских народов в Османской империи. При таких условиях, как считает Е. Грозданова,

сохранение сельской общины, ее более или менее нормальное функционирование на протяжении нескольких веков было результатом больших усилий и самозащиты крестьянских масс. Этим именно можно объяснить то обстоятельство, что даже когда экономические основы общин были существенно подорваны, они в период национального возрождения проявляли определенную активность в сфере общественной жизни.

Рассматривая специфику внутренней структуры общин, автор указывает, что они не были гомогенными по этнической и религиозной принадлежности своих членов, а это вызывало их внутреннее разделение при сохранении общей экономической основы. В сферу деятельности общин входили не только хозяйственные вопросы, но и социальные, в частности юридические, действовало старое обычное болгарское право. С одной стороны, общины своей деятельностью поддерживали османскую феодальную систему, способствовали эксплуатации зависимого населения. Но они являлись в какой-то мере и защитной организацией, представляя собой коллектив жителей села, который был менее уязвим, чем каждый крестьянин в отдельности. Общины пытались противостоять репрессивным мерам со стороны турецких органов власти, иногда выступали инициаторами коллективного отпора крестьян.

Структуру территориальных общин составляли большие семьи-задруги и индивидуальные семьи. Их главы — как правило люди с большим жизненным и производственным опытом — имели право участвовать в принятии общесельских решений. Из среды авторитетных и зажиточных общинников формировался слой сельских старейшин. В той или иной степени, как показано в книге, с общинным самоуправлением были связаны кметы, князы, примикюры, коджабаши, чорбаджи, кекай и пр. Они выполняли различные функции, которые не были стабильными и менялись с течением времени

Ответственность сельских старейшин и общины как целого за провинности ее членов, за происшествия в границах сельского земельного участка, за уплату налогов, погашение денежных займов и пр. — составляло основу взаимоотношений между болгарской сельской общиной и османским государством. Эта система коллективной ответственности брала свое начало в правовых нормах, существовавших на Балканах до турецкого завоевания, но она не была чужда и самим османам до их переселения из Малой Азии. Будучи включенным в турецкую феодально-правовую систему, обычай коллективного поручительства превращался в оружие государственной власти. Существенным проявлением внутриобщинной деятельности был ремонт и поддержание денежных средствами церквей и монастырей, которые в условиях чужеземной власти поддерживали народное самосознание. Именно в сельских общинах сохранялось и применялось на практике старое болгарское обычное право — договорное, семейное, уголовное. Правда, параллельно существовали турецкие судьи-кадии, митрополичьи и епископальные суды, но крестьяне чаще всего остерегались к ним обращаться. В общинах очень стойко поддерживались традиции и обычаи, связанные с повседневной жизнью и деятельностью болгарских крестьян. Поэтому, как считает Е. Грозданова, несмотря на разрушение в результате турецкого завоевания многих старых общественных связей, сельскообщинные традиции болгарского населения в XV—XVIII вв. в основном сохранились. В этом отношении сельские общины обнаружили исключительную прочность и устойчивость, что в значительной мере объяснялось отсутствием широких и разносторонних контактов вне рамок определенного коллектива. Немалое значение имела строгая обязательность исполнения всех обычаев и традиций членами общин, поддерживаемая общественным мнением. Все это предохраняло крестьян от нежелательных и чуждых влияний, от национального обезличивания, позволяло сохранять самобытность. В тяжелых условиях иноземного владычества традиционность и консерватизм в быту и сознании, в области материальной и ду-

ховной культуры приобретали в целом положительное значение. «...Великая привязанность, — привязанность к коренной народной старине, — поддерживала и до сих пор поддерживает болгарский народ среди его страшных бедствий и не дала ему умереть», — писал Л. Каравелов в «Записках о Болгарии болгарарах»¹.

Старая традиционная сельская община существовала в феодальной формации. Но она неизбежно начала разлагаться в новых условиях, связанных с развитием капитализма, с национальным возрождением. В XVIII—XIX вв. болгарские общины перестают быть столь изолированными от внешнего мира, постепенно приобретают черты органов местного самоуправления, существующих в буржуазных государствах. Но в болгарском селе элементы старого и нового долго существовали и переплетались, переход к новому не везде происходил одновременно. Именно в рамках традиционной сельской организации болгарский народ приобретал опыт самоуправления и самозащиты, который был использован в процессе борьбы за национальную независимость, за создание самостоятельного государства.

Между общинными институтами, повсеместно существовавшими на Балканах во время турецкого господства, было много общего, но имелись и существенные различия. Очень специфичными были общины в горных районах, в том числе и в болгарских землях. Е. Грозданова говорит об этих особенностях. Но интересно было бы остановиться на данной проблеме конкретнее, а кроме того провести типологическое сравнение болгарских общин с аналогичными общественными институтами, существовавшими в соседних, сербских и греческих землях. Е. Грозданова предприняла по существу первую попытку всесторонне анализировать структуру, функции и общественное значение сельских общин Болгарии в XV—XVIII вв. и эту попытку можно считать удачной и плодотворной.

И. С. Достян

¹ Л. Каравелов. Записки за България и българите. Възрожденски пѣтеписи. София, 1969, с. 221.

БИСТРА ЦВЕТКОВА. *Паметна битка на народите (Европейските югоизток и османското завоевание — края на XIV и първата половина на XV в.).* Варна, 1979, 353 с.

БИСТРА ЦВЕТКОВА. *Памятная битва народов. (Европейский Юго-Восток и османское завоевание — конец XIV — первая половина XV в.)*

Второе издание книги о битве под Варной в 1444 г. крестоносного войска под командованием польско-венгерского короля Владислава III с турецкими завоевателями выходит через десять лет после первого в серии, посвященной 1300-летию болгарского государства¹. Обилие привлеченных материалов, подробно разработанный научный аппарат и самая логика построения работы характеризуют ее как обстоятельное научное исследование. Ее автор — известный болгарский медиевист и знаток османской истории профессор Бистра А. Цветкова основательно дополнила книгу, введя в нее анализ источников и воззрений историков по поводу этого события. Книга делится на шесть глав, последовательно рисующих ход османского завоевания на Балканах, сопротивление, которое оно встретило со стороны других европейских государств и сам ход знаменитой «битвы народов». Она снабжена обширным списком литературы, включающим 495 названий (с. 327—344) и резюме на французском языке (с. 347—352). Семь подробных карт дают представление об изменениях военно-политической обстановки в Юго-Восточной Европе с 1354 по 1444 г. и о самом ходе сражения.

В первую очередь Б. Цветкова подвергает рассмотрению фонд источников, анализирует их происхождение и классифицирует их (с. 25—43), знакомит читателя с разработкой темы в специальной литературе. Вторая глава («Балканские страны в борьбе против османских завоевателей») построена по локальному принципу — исследуется противодействие, которое встретили турецкие завоеватели на территории Болгарии, Боснии, Хорватии, за Дунаем, в сербских землях и албанских горах, в областях Византийской империи. Автор не склонен поддержи-

вать мысль, встречающуюся в литературе, о надеждах, которые возлагали балканские народы на турок как на избавителей от феодального гнета, подчеркивает, что народное сопротивление превратило завоевание в процесс длительный, затянувшийся на несколько десятилетий. Почти сразу на полуострове возникают активные формы противодействия захватчикам, гайдучество было только одним из них (с. 78—80). И тем не менее политические усобицы, противоречия межклассового порядка (крестьяне — вотчинники) и внутрикласового (аристократия — мелкие феодалы) серьезно ослабили силы народов Юго-Восточной Европы в конце XIV — начале XV в. (с. 135—136).

Как относились к турецкой опасности за пределами Балканского полуострова? Материал, дающий ответ на этот вопрос, подвергнут автором анализу в четвертой главе и несколько механически распределен на три части: Венгрия, Польша, Чехия; Папство и итальянские государства; Англия, Франция, Испания и Германия. Здесь можно было бы заметить, что реакция всех этих стран на османский натиск была далеко неодинаковой. Если чехи и поляки долго проявляли к нему безразличие, то для венгров эта проблема была острой — блестящая деятельность Яноша Хуньяди это отлично подтверждает. Поэтому не исключено, что внутренняя структура этой главы могла быть и более совершенной. Две последние главы, посвященные истории крестоносных усилий европейцев, так называемому «долгому походу» Владислава III и Хуньяди 1443—1444 г. и экспедиции под Варну — самое обстоятельное в современной литературе изложение этих драматических событий.

Книга содержит и своего рода «системную» главу — об организации османского господства на полуострове («Османский режим в балканских землях»). Б. Цвет-

¹ Б. Цветкова. *Паметна битка на народите.* Варна, 1969.

кова начинает ее с характеристики методов утверждения в захваченных землях, среди которых выделяется принудительное переселение больших людских масс с целью компенсировать демографическую недостаточность завоевателей и своего рода «социальная стратегия» — использование недовольства мелких вотчинников засильем магнатов (с. 146—170). Тема аграрных отношений на Балканах основательно разработана в послевоенной литературе, но Б. Цветкова опирается в данном случае и на результаты собственных исследований (с. 170—185). Не лишены интереса те части главы, где речь идет об административной системе империи и режиме, созданном завоевателями для покоренного населения (с. 185—211). Но, пожалуй, наиболее аргументировано разработаны автором сюжеты городской жизни и то, что приведено в книге, составляет лишь незначительную часть сделанного в последние годы. Здесь имеет смысл обратиться к другой монографии Б. Цветковой, органически примыкающей к этой главе — к «Исследованиям городского хозяйства в XV—XVI вв.»²

Она построена на материале тех законодательных памятников, «канунов» и «канунаме», которые издавались от имени султана от Мехмеда II до Сулеймана Законодателя. «Законы» о том, как следует взимать пошлины с товаров, начали вводиться в научный оборот еще с начала XIX в. Б. Цветкова проделала огромную работу — она нашла подлинники документов, провела их археографическую обработку, впервые перевела на болгарский язык, снабдила факсимиле и опубликовала около 60 таких «законов» XV—XVI вв. Автор отмечает недостатки этих источников: они «не обнимают и не передают всего многообразия городской хозяйственной действительности. Некоторые из них составлены очень примитивно» (с. 17), чаще всего они содержат сухой и скучный перечень сумм, взимаемых с привозимых в город товаров, но тем не менее анализ этого материала оказывается достаточно плодотворным.

² Б. Цветкова. Проучвания на градското стопанство през XV—XVI. век. София, 1972.

Прежде всего Б. Цветкова сводит в таблицы рассеянные по разным источникам рыночные таксы, «бач», выясняет, сколько серебряных монет, «акче», взимается с зерна, муки, кож, как облагается голова вола, свиньи, ягненка и т. д. Эти нормы обладают значительной устойчивостью — они восходят к византийскому и болгарскому «коммеркию» («кумерку») и не меняются на протяжении столетий. Далее автор рисует детальную картину обложения товаров на городских базарах, дунайских пристанях, в черноморских портах. Речь идет не только о местных, но и привозимых издалека, нередко иноземных товарах, с которых пошлины взывались в процентах. Перечисляются статьи обмена (особенно много соли из дунайских княжеств), изучаются трассы следования товаров, исследуется порядок рыболовства.

Особая глава посвящена структуре чиновничьего аппарата, ведавшего сбором пошлин (ясакичи, эмины, амилы). Система обложения, нарисованная Б. Цветковой, отлично иллюстрирует подход османских властей к товарно-денежным отношениям, которые они застали на Балканах и в известной степени стимулировали. В основе этого подхода лежит забота о регулярных и максимальных доходах в пользу фиска, а, следовательно, в пользу той части знати, которая жила за счет них, и одновременно о правильном продовольственном снабжении городов — любые перебои в этой системе были чреваты социальными волнениями.

Завершая книгу, Б. Цветкова предпринимает попытку исследовать еще одну грань проблемы — подвергнуть анализу взятую в целом хозяйственную жизнь города. Так появляется глава «Торгово-ремесленная деятельность в городах, отраженная в законодательных памятниках». Ее основное содержание — всесторонний перечень товаров, проходящих через городские рынки, составление сводки ремесел, характеристика обстоятельств вызвавших подъем товарно-денежных связей в империи (строительство, ликвидация таможенных барьеров, рост производства в деревне). Впрочем, помимо законодательных памятников автор прибегает то к данным дефтеров, то к свиде-

тельствам путешественников. Кроме того, Б. Цветкова не всегда удерживается в рамках избранной темы и время от времени возвращается к характеристике фискальной практики государства и к историко-экономическому анализу.

И тем не менее книга Б. Цветковой о городском хозяйстве этих столетий обладает несомненными достоинствами. Она монографична в лучшем смысле этого слова — посвящена строго определенной теме, построена на изучении не традиционных источников, какими обычно являются путевые заметки европейцев, а памятников, заново вводимых в научный оборот, наконец, она посвящена теме, которая все более и более занимает балканистов — отношения местного города и турецкого государства. В этом смысле она вполне естественно смыкается с разделом о городе в книге «Памятная

битва народов»: ее материал отлично рисует перспективу, в которой будут развиваться городские порядки на полуострове после утверждения османского господства.

Монография «Памятная битва народов», таким образом, оказывается значительно шире своего названия — она не только знакомит читателя с ходом военно-политических событий, но и предлагает решение ряда проблем, актуальных для современной балканистики. Проблемы взаимоотношений покоренного населения, в частности городского населения, и завоевателей, являются здесь одним из самых существенных. Перед нами широкое комплексное исследование, которому по-прежнему обеспечено и внимание ученых и читательская аудитория.

М. М. Фрейденберг

СОБРАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

11—12 августа 1980 г. в Бухаресте (СРР) в рамках XV Международного конгресса исторических наук состоялось собрание Международной комиссии по славяноведению (МКС), аффилированной организации Международного комитета исторических наук. Научная программа собрания МКС предусматривала две проблемы: 1) Крестьянские восстания в Центральной и Восточной Европе до XVII в. и 2) Исследования по истории Центральной и Восточной Европы.

По первой проблеме выступали с докладами Ст. Фишер-Галати (США) — «Крестьянские движения в Восточной Европе в XV в.», В. И. Буганов (СССР) — «Крестьянские движения в феодальной России» и Б. Графенауэр (СФРЮ) — «Типология крестьянских движений в югославянских землях». В докладе Ст. Фишера-Галати приводились данные о крестьянском движении в странах Восточной Европы, отмечались различные его формы и обстоятельства, определявшие его специфику. В. И. Буганов, рассматривая в сравнительном плане антифеодальное движение крестьян в России, убедительно показал закономерность крестьянской антифеодальной борьбы, ее особенности на различных стадиях феодальной формации, общие черты крестьянского движения и его прогрессивный характер в России, Центральной и Западной Европе. В качестве содокладчиков по этой теме выступили Ю. Ю. Кондуфор (Киев), охарактеризовавший крестьянское антифеодальное движение на Украине, П. Т. Петриков (Минск), остановившийся на антифеодальной борьбе крестьян в Белоруссии, и А. А. Дризул (Рига), осветивший крестьянское движение в Латвии. В докладе Б. Графенауэра были рассмотрены общие черты и особенности крестьянских выступлений в

югославянских землях. В дискуссии по докладом обращалось внимание на роль военного элемента в некоторых крестьянских восстаниях, на национальный характер отдельных крестьянских выступлений, приводились данные о крестьянском движении в Румынии, Болгарии, Польше, Монголии.

По второй проблеме были заслушаны доклады Д. Бериндеи (СРР) «Румынская историография по славянской проблематике», Г. Роде, П. Шайберта (ФРГ) и Г. Торке (Западный Берлин) «Исследования в ФРГ по истории славянских народов» и Я. Шолты (ГДР) «Проблемы и методы сербодужицкой историографии». В докладах давался обзор деятельности научных учреждений, занимающихся изучением истории славянских народов, и важнейших работ по этой проблематике, опубликованных после второй мировой войны. Выступавшие в дискуссии рассказывали об историко-славистических исследованиях в их странах и делали некоторые уточнения по докладом.

На собрании МКС 12 августа был избран новый Президиум Комиссии в составе: президент — Ю. Бардах (ПНР), вице-президенты — Б. Графенауэр (СФРЮ), И. Костюшко (СССР), П. Шугар (США), генеральный секретарь — Б. Мишель (Франция), члены Президиума — Д. Бериндеи (СРР), К. Герман (ЧССР), Р. Плашка (Австрия), Г. Роде (ФРГ), Я. Шолта (ГДР). 14 августа на заседании Президиума МКС обсуждались вопросы относительно программы, места и времени будущего собрания МКС. Было предложено членам Президиума дополнительно выяснить возможности проведения очередного собрания Комиссии в 1983 г.

И. К.

CONTENTS

- Poljakov Yu. A.* Creation of the Developed Socialist Society — the Triumph of the Marxian — Leninist Theory. *Novik Ph. I.* The Problems of the USSR Struggle for Peace and Security of the Peoples in the Soviet Historiography of the 1970 s. *Pimenova I. V.* The Role of the Mass Media in the Forming of the Cultural Community of the Socialist Countries (on the Experience of the Socialist TV-Journalism). *Vasiljeva L. D.* The Participation of the Ukrainian SSR in the Soviet-Polish Cooperation in the Development of Social Sciences. *Usenko P. G.* To the Question of Z. Sierakowski's Contribution in the «Sovremennik». *Popowska-Taborska G.* (Poland). The Onomastic Problems in the Ethnogenesis Studies. *Globachev M. O.* The Literary Problems in the «Nowe Widnokregi» (1941—1946). *Shaulich. A.* (Yugoslavia). Some Information of Drobnyak, his Players on the Psaltery and Gatherers of the Folk Songs. *Kujev K.* (Bulgaria) The Fate of the Slepchen Apostle. *Aksenova E. A.* The Important Monument of the Medieval Grammatical Lexicographical Tradition (Textual and Accentual Analysis) 3

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

- Djakov V. A.* On Some Aspects of the 1918—1939 slavic Studies Development 78

PEOPLES, EVENTS, FACTS

- Yakovenko N. N.* New Facts to the S. S. Yagodynski's Biography 93

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- Udaljcov I.I.* The Joint Research of the Historians of the USSR and Czechoslovakia on the Soviet — Czechoslovak Relations. *Noskova A. Ph. Cz.* Łuczak. *Polityka ludnościowa i ekonomiczna Niemiec hitlerowskich w okupowanej Polsce.* *Djakov V. A., Mitina N. P.* Л. А. Обушенкова. Королевство Польское в 1815—1830 гг. Экономическое и социальное развитие. *Dostjan I. C.* Елена Грозданова. Българската селска община през XV—XVIII век. *Freidenberg M. M.* Бистра Цветкова. Паметна битка на народите (Европейският югоизток и османского завоевание — края на XIV и първата половина на XV в.) 97

SCIENTIFIC LIFE

- I. K.* Meeting of the International Commission for the Slavic Studies. 111

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Материалы, направляемые для публикации в журнал, должны быть оформлены в соответствии с новыми правилами ГОСТ.

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 10.10.80 Подписано к печати 18.12.80 Т-19644 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 9,8 Уч.-изд. л. 10,1 Бум. л. 3,5 Тираж 1276 экз. Зак. 3547

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосеянский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс 70891